ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2004

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2004, №1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. САНУКОВ (главный редактор)
Ю.В. Андуганов (зам. главного редактора)
В.Е. Владыкин
Ю.А. Зеленеев
А.Г. Иванов
И.Г. Иванов
М.Г. Иванова
А.Д. Каксин
В.К. Кельмаков
Г.М. Керт
Н.Д. Конаков
В.Г. Кудрявцев
Т.Л. Молотова (отв. секретарь)
В.В. Напольских
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
В.В. Седов
В.С. Соловьев

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Загребин А. Удмуртская охота: к проблеме трансформации идеи и технологии 3
Кузнецова Т. Современная коми литература: основные тенденции развития 20
Калиев Ю. Об особенностях формирования картины «верхнего мира» в мифологических представлениях мари 32
Сибатрова С. Отрицательные местоимения и наречия с морфемой *ни-* в марийском языке 46

СООБЩЕНИЯ

Свечников С. Отношения марийцев с Северо-Восточной Русью и Золотой Ордой (середина XIII – начало XV в.) 60
Казанцева И. Структурно-семантическая характеристика образных сравнительных оборотов в марийском и немецком языках 73
Иванова И. Семантика и функционирование синонимичных словосочетаний с послеложными конструкциями и существительными в пространственных падежах в марийском языке 81
Шеда-Зорина И. Удмуртская диаспора на рубеже XX–XXI вв.: механизмы адаптации и сопротивления 88
Васинкин А. Два письма Ф. Васильева В. Колумбу 94

ПЕРСОНАЛИИ

Галкин И. Человек и ученый (к 90-летию со дня рождения профессора Н. Т. Пенгитова) 100
Сепеев Г., Ялтаев И. Патрушев Анатолий Степанович (к 70-летию со дня рождения) 104
Никитин В., Ефремова Д. Татьяна Багишевна Никитина. 30 лет в науке (к 50-летию со дня рождения) 121
Голдина Р. К юбилею Михаила Гавриловича Атаманова 127

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Коротаев В. Рец.: История Коми.– Сыктывкар, 2004. Т. 1–560 с. Т. 2–704 с. 134
Ялтаев И., Максимов В. Рец.: О. А. Сергеев. Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом.– Йошкар-Ола, 2003.–536 с. 137
Кудрявцев В. Рец.: С. М. Червонная. Академия художеств и регионы России. НИИ Российской Академии художеств.– М., 2004.–288 с. 139

ХРОНИКА

Молотова Т. Дневник Международного фестиваля ремесел финно-угорских народов «Югра-2004» 142
Сведения об авторах 175

«Финно-угроведение», 2004, №1

СТАТЬИ

Алексей Загребин
Ижевск

УДМУРТСКАЯ ОХОТА: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕИ И ТЕХНОЛОГИИ

Человек всегда был охотником. Другое дело, как он сам к этому относился. Охота на зверей и птиц, воспринимавшихся в качестве основных источников мясной пищи, долгое время являлась связующим звеном между миром людей и природным окружением (49, с. 62–63). «Хлебно-картофельная» альтернатива, государственное право и современный эгоцентризм превратили охоту в элитный спорт, либо в браконьерство. Но древняя установка поискового поведения, борьба интеллекта с инстинктом продолжают существовать в обществе, реализуясь в самых причудливых формах от компьютерных игр до стилизованных под охоту артефактов и символов.

Отмечая земледельческую направленность хозяйственного уклада удмуртов, многие авторы указывали на его комплексный характер и недавнее «лесное» прошлое. В наибольшей степени данный подход был присущ работам, опубликованным на рубеже XIX – XX вв., когда многие этнографы пытались интерпретировать свои полевые материалы в эволюционном духе. Скоро, правда, обнаружилось, что далеко не все структурно-типологические элементы лесного промыслового хозяйства, зафиксированные среди обских угров, находят свои аналогии в культурах поволжских и пермских финнов. В результате, по меткому выражению К. Вилкуна, «...с ясного исследовательского пути пришлось сбиться на извилистые тропинки» (10, с. 132). Позднее пришедший в науку географический и экологический детерминизм позволил рассматривать этнокультурные особенности охоты в рамках регионального исследовательского дискурса.

Удмурты – потомки древнего финно-пермского населения При-

уралья – восприняли идейно-технологический потенциал промыслового хозяйства предков. Свидетельство тому – термины, обеспечивающие лексическое содержание удмуртской охоты, нередко относящиеся к общепермскому и даже к допермскому времени (25, с. 69, 197, 224–225). Археологические материалы в свою очередь указывают на то, что древнее и средневековое население Камско-Вятского междуречья активно промышляло дикого зверя и птицу, что в перспективе позволило создать своеобразный экономический уклад, при котором было найдено оптимальное сочетание между присваивающими и производящими видами хозяйственных занятий (14, с. 381). Искусство Прикамья изобилует сюжетами и образами, восходящими к пластическим формам пермского звериного стиля, непосредственно связанного с тотемистическими представлениями древних удмуртов. Традиционные верования, включающие в себя элементы промысловой магии, культа леса и животных, еще долго находили себе место в народной жизни, терпеливо перенося веяния антирелигиозной пропаганды и других этапов советской модернизации. Примечательно, что молодая национальная литература, легендируя образ вождя мирового пролетариата, облекла его в привычные сказочные формы, назвав, не как-нибудь, а «Великим охотником» (36, с. 57–58).

Налоговое бремя, распространенное на удмуртов после присоединения к Москве, измерялось не столько деньгами, сколько пушниной или, как тогда говорили, «мягкой рухлядишкой». Ясачные удмурты Казанского уезда платили в казну «кунный» оброк мехами, а земли по р. Чепце еще в XVI в. были разверстаны по «лукам» (15, с. 50, 61). В 1676 г. удмурты заявляли московским властям, что все они промышляют «лешим», то есть охотничьим промыслом, и тем окупают всякие подати и стрелецкий сбор (16, с. 36–37). Прибывший в пределы Казанской губернии руководитель Сухопутного отряда «Великой Северной экспедиции» Г.Ф. Миллер писал в 1733 г.: «Вотяки во всю зиму иного ничего не делают, как токмо за промыслом звериным ходят; ловят же и стреляют дичину в толиком множестве, что сами всей съесть не могут, но почти еженедельно в окрестные города для продажи отвозят» (24, с. 24). В пореформенные годы этнографами неоднократно отмечалось искусство удмуртского охотника, идущего рядом с вами так, что вы не слышите его шагов «в камышах – вровень с камышом, в траве – с травой» (22, с. 13).

Изучение причин и механизмов перехода этнических групп к про-

изводящему хозяйству показывает, что чаще всего движение такого рода стимулируется кризисом прежнего хозяйственного уклада (38, с. 18–19). Экологические, демографические, эпизоотические и другие потрясения выводят систему жизнеобеспечения этноса из состояния равновесия, и она более не способна полноценно удовлетворять пищевые запросы общества. В то время как обеспечение коллектива калорийными продуктами питания является центральной задачей любой экономической системы (23, с. 21). Семантические размышления и данные исторического характера указывают на то, что пищевая экономика удмуртов длительное время базировалась на сочетании мясной и растительной пищи, благо, что природные условия региона позволяли поддерживать необходимый диетический баланс (29, с. 266–267). Исходя из данной постановки проблемы можно предположить, что охотничье лесопромысловое хозяйство удмуртов не испытало в своей истории глобального кризиса или правильнее будет сказать – оно испытало все возможные кризисные явления, но в более мягких и хронологически протяженных формах. Это обстоятельство, по всей видимости, позволяло удмуртской охоте длительное время сохранять высокую социальную статусность и технологическую преемственность.

Лес. Именно глухой и сумрачно-таинственный хвойный лес стал неразрывно связан с этногенезом, а в некоторых чертах и с менталитетом удмуртов (11, с. 55; 36–40). Как отмечалось еще в 1930-х гг.: «Основное богатство Вотской Автономной Области составляют ее леса, занимая площадь в 1335,7 гектаров и охватывая 43% ее территории. Господствующей породой является ель, насаждения которой занимают около 80% лесной площади» (35, с. 147–152). Специфика жизни в ландшафтах такого рода связана с крайне трудоемким процессом хозяйственного освоения лесных пространств. Единственно возможным способом обработки почвы в условиях таежной действительности является огневая подсека, требующая максимального напряжения сил от «врубающегося» в лес земледельца. Преобладание в лесной растительности мхов и папоротников затрудняет выпас многочисленного стада крупного рогатого скота и лошадей, но оставляет широкие возможности для ведения охотопромысловой деятельности.

Столкнувшись во второй половине I тыс. н.э. с усилившейся конкуренцией за право владения богатыми пойменными землями Камско-Вятского междуречья, семейно-родовые группы удмуртов начали движение вглубь лесного «континента». На месте проложенных про-

сек вскоре появлялся березово-осиновый подлесок, затем вновь вырастали ели и пихты, скрывавшие следы первопроходцев. Лесное хозяйство удмуртов базировалось на традициях смешанной неспециализированной экономики, где стабильность экосистемы была напрямую связана с адаптивными возможностями человека, стремящегося максимально приспособиться к условиям окружающей среды. Ситуация коренным образом изменилась с началом массовой миграции русского земледельческого населения в лесные области края (27, с. 24). Увеличение количества обрабатываемых площадей и появление этнически неоднородных крестьянских общин способствовало сокращению доли промысловых занятий в трудовом календаре удмуртов. Свою роль в этом процессе сыграли меры государственного и административного воздействия, когда немалая часть лесных массивов отошла в ведение казенных дач Ижевского и Воткинского заводов. Сведение лесов вело к изменению привычной среды обитания и прежних устоев, когда сбережение лесов для будущего поколения понималось как священная обязанность каждого. Не случайно в конце XIX в. современниками отмечались намерения отдельных крестьянских обществ выехать в Сибирь, на свободные таежные земли (7, с. 35). Являясь на протяжении веков самыми прилежными земледельцами, удмурты тем не менее были неразрывно (духовно и экономически) связаны с лесом. Возьму на себя смелость предположить, что для удмуртов, даже в условиях абсолютного доминирования земледельческого труда, было не свойственно актуализировать вопрос: «Кто ты, Лес? Друг или Враг?» (53, с. 42–43). Вслушиваясь в звуки леса, с луком или берданкой, хитрыми силками и в сопровождении верной собаки, можно было на время отрешиться от ставших привычными крестьянских забот и повинностей.

Охота, как вид специфической трудовой деятельности, имеет свои организационные формы и принципы структурирования. Анализируя материалы, касающиеся удмуртской охоты, в большинстве своем относящиеся к рубежу XIX–XX вв., можно констатировать, что охотничий промысел в крае имел выраженный индивидуальный характер, подразделяясь на несколько направлений: пушное, мясное и как мера защиты от хищников. Степень кооперации труда была крайне не высока, и добровольные охотничьи объединения – артели, характерные для коми-охотников, в указанный период у удмуртов не фиксируются (20, с. 122). Исключением и своеобразной данью арха-

ике являлись коллективные облавы, представленные практически всем мужским населением общины, где профессиональные охотники выступали в роли приглашенных специалистов, а само действие облекалось в формы ритуала. При этом складывается впечатление, что современные объединения охотников-спортсменов – явление скорее инновационное, имеющее больше связей с клубными системами европейского происхождения, нежели с местной народной традицией. Например, в начале XX в. в Сарапуле чиновной и купеческой элитой устраивались призовые стрельбы под эгидой «Товарищества охоты по тарелочкам». В эти же годы наблюдалась активизация городского общества охотников, арендующего промысловые угодья у крестьянских обществ и озабоченного сокращением дичи в прикамских лесах (32, с. 4).

Тем не менее элементы добровольной кооперации удмуртских охотников сохранялись на семейном уровне, что было обусловлено существовавшими принципами передачи трудового навыка. В лес отправлялись, как правило, деды и внуки, то есть представители тех возрастных групп, что обладали иммунитетом от ряда обременительных крестьянских работ. Взрослые мужчины, на долю которых ложилось основное тягло земледельчества, могли позволить себе поохотиться неподалеку от дома лишь поздней осенью и зимой (6, с. 35–36). Организация удмуртской охоты зависела не только от нужд крестьянского хозяйства, но и опиралась на правовые обычаи предков, закреплявшие за отдельными семьями определенные лесопромысловые участки (50, с. 1–34). Наследием чего, по-видимому, может считаться традиция сооружения семейных лесных избушек, шалашей и бекетов, сохранявшаяся в удмуртских деревнях вплоть до коллективизации (31, с. 93; 58–59). А также «лесное животноводство» удмуртов, при котором домашний скот, в основном свиней, выгоняли весной в лес, где держали на огороженных семейных участках практически до времени забоя поздней осенью (18, с. 74).

Отход от традиций коллективного промысла был также продиктован постепенным сокращением популяций промысловых видов животных. Свою роль сыграла избирательность охотников, расширявших промысел пушного зверя – доминирующего объекта охоты в Прикамье еще со времен средневековья (3, с. 146; 71). Мягкая, пушистая маленькая шкурка, очень рано ставшая универсальным средством платежа и обмена у лесных народов Северо-Восточной Евразии, с трудом

воспринималась в качестве общего достояния. Достаточно вспомнить, что в современном удмуртском языке понятие деньги *Коньдон* происходит от *коньы* – белка и *дун* – цена. Увлечение частной инициативой, впрочем, не коснулось двух видов охоты – на волков и на медведя.

Противостояние крестьянской общины и волчьей стаи можно рассматривать как антагонизм двух групп, ведущих борьбу за доминирование на освоенной земле. В этой борьбе нет места для героизма, зато требуется сплоченность действий по вытеснению конкурента за пределы промысловой территории. В первые годы советской власти, когда по причине гражданской войны планомерной охоты на волков не велось, многие крестьянские общества испытали на себе настоящий террор со стороны волчьих стай. По данным Облземуправления, за 1925–1926 гг. волки в пределах Вотобласти зарезали 326 голов крупного рогатого скота и 20 лошадей с жеребятами, а уже в 1927–1928 гг. урон исчислялся 675 головами крупного рогатого скота, 14 лошадьми и 520 штуками прочей домашней живности, с общим убытком в 18828 руб. Отмечались также нападения на людей, а зимой 1928 г. волки начали появляться в городах области (35, с. 65). Пришлось срочно организовывать облаву на волков, но вскоре обнаружилось, что необходимый навык звероловства был во многих районах утрачен. Вместе с тем не стоит забывать о мистическом ореоле волка в народном сознании. Волк-оборотень является не редким персонажем в удмуртском фольклоре, а в некоторых крестьянских общинах отношение к волкам было весьма дифференцированным. Так, жители д. Тыхтем не покушались на волчью стаю, имевшую логовища в священной языческой роще «Керемет» соседней марийской деревни (37, с. 5). Существовало также поверье, что если стая не досаждает деревне, то лучше оставить ее в покое, а участвовать в загонной охоте можно только на «чужих» волков.

Проблема «человек/медведь» глубоко мифологична и выходит далеко за пределы магической практики местных охотников. Достаточно отметить, что образ медведя фиксируется в искусстве Урала с периода верхнего палеолита, отождествляясь, по мнению ряда исследователей, с культом солнца, сторонами света и годичным циклом (28, с. 49). Удмуртский фольклор, в свою очередь, указывает на существование прямого родства между человеком и медведем, что генетически связывает его с мифологическими представлениями других финно-угорских народов и, в особенности, с «медвежьим культом» обских угров

(50, с. 187–232). В удмуртском сказании «О происхождении медведя и ворожеи» Бог Инмар спускает на землю двух человек, наделяя их священной книгой. Один из них за ослушание и попытку спрятать книгу был наказан и стал косолапым медведем. «С той поры былые братья, медведь и человек, зажили врозь. Медведь стал хозяином леса, а человек – хозяином на земле» (36, с. 113–114). Обычное право удмуртов также находит свои сибирские параллели, в частности, касающиеся такого процессуального акта, как «медвежья присяга», когда высушенная голова медведя выступала в качестве беспристрастного арбитра на крестьянском суде общины (41, с. 41).

При случайной встрече с медведем в лесу удмурты низко кланялись ему и вставали на колени со словами: «У тебя, большой человек, своя дорога, а у меня своя. Иди своей дорогой, а меня не тронь» (22, с. 94). Данный обычай можно понимать, по-видимому, как наследие древнего тотемизма, истоки которого следует искать в культурах таежных охотников и рыболовов Северо-Восточной Евразии (43, с. 17). Кроме того, отправляясь в лес, охотник-удмурт попадал на неподконтрольную ему территорию, где реальную конкуренцию ему мог составить медведь. Инстинкт самосохранения подсказывал человеку, что схватка с медведем далеко не каждому по силам и если ты один, то лучше избежать конфликта с хозяином леса. «Относительно домашнего скота,– пишет один автор,– вотяки верят в чудодейственную силу медведя. Если последний побывает у них в хлевах, то весь домашний скот их будто бы застрахован от болезней и падежа, ...если заведен дрессированный медведь в вотскую деревню, то, по желанию обитателей ея, обходит все хлевы, получая за это щедрые угощения водкой, кумышкой и хлебом» (22, с. 16). Народная вера в медведя-судью, страховщика и ворожца, поддерживалась молвой о его способности к оборотничеству и пониманию человеческой речи. В развитии сюжетных линий удмуртских легенд и преданий главный герой в кризисные моменты обнаруживает способность к перевоплощению и пребыванию в состоянии особой реальности, при этом народными сказителями нередко использовался образ медведя как средоточия силы, ума и сообразительности (13, с. 180–181; 58).

Охота на медведя и манила, и страшила человека. Удмурты, действительно, промышляли медведей, и значительное сокращение их численности в Прикамских лесах уже в эпоху средневековья тому свидетельство (35, с. 149). И в то же время они всегда отзывались о них

с большим почтением. После удачной охоты ее участники произносили примерно следующее: «Старый дедушка, не сердись на нас! Молодые ненароком тебя убили! Молодые не тебя искали, да из-за собак ошиблись, ненароком тебя убили!» (48, с. 92–93). Охотников на медведя, конечно, привлекало обилие мяса и прекрасная шкура зверя, но с другой стороны, это мясо под шкурой было не совсем звериное.

Важным в этом отношении представляется вопрос о существовавших прежде традициях промыслового табу и сакрализации отдельных видов животных и птиц. Известно, что названия многих воршудно-родовых групп удмуртов восходят к представлениям о предке-тотеме (*Докья* – Глухарь, *Какся* – Цапля, *Кука* – Ворона, *Юбера* – Дрозд, Скворец и др.) (2, с. 41–42). Особое отношение у удмуртов было к лебедю (удм. *Юсь*), воплощавшему в народном сознании функциональную связь между миром людей и миром богов. Не случайно еще в 1880-е гг. в ряде мест, населенных удмуртами, существовал обычай почитания пары священных лебедей, которых отпускали по окончании моления с пожеланиями доплыть по Каме до великого Инмара (12, с. 133). Уникальным по своим остеологическим материалам является древнеудмуртское жертвенное место XI–XIII вв. близ д. Чумойтло, изучение которого позволяет сделать определенные выводы о промысловых приоритетах и культовой практике средневековых охотников. Среди костных останков жертвенных животных на памятнике преобладают кости лося и северного оленя, что наводит на мысль о возможном распространении в крае солярного культа и почитания охотниками небесной сферы (21, с. 72–74). Охотникам лесной полосы Евразии, скорее всего, было свойственно конструировать свои представления о Вселенной в привычных образах животных, пресмыкающихся, птиц и растений (26, с. 42). Заключая «контракт» с духовным воплощением дикой природы, охотники становились равноправными участниками жизни окружающего леса.

Инструментально-технологическое обеспечение удмуртской охоты имеет немало параллелей с оснащением промысловиков региона. Лингвистические данные и археологические материалы связывают происхождение многих местных звероловных устройств с финно-угорскими древностями (52, с. 96–100). Следуя традиции, заложенной в исследованиях по финно-угорской этнографии, будем подразделять удмуртскую охоту на активные и пассивные методы лова (44, с. 145–171). Активные поиски дичи удмурты предпочитали осуществлять в

пределах семейной промысловой территории, редко отлучаясь из дома более чем на 2–3 дня. В удмуртских легендах «Пазял и Жужгес» и «Идна батыр» отмечается, что охотники вели промысел в окружности 25–30 верст от своего жилья (36, с. 45–46). Осенью или зимой, небольшой группой, а чаще в одиночку, охотники в сопровождении приученных к охоте собак обходили окрестные леса. Охотничьи собаки появились у древних пермян еще в ананьинскую эпоху, причем их остеология во многом напоминает строение современных северных лаек (30, с. 112). Методика обучения собак охоте, наверняка, не претерпела серьезных изменений с тех далеких времен вплоть до начала XX в., когда по свидетельству современника: «Собаки охотниками не дрессируются, а приучаются к охоте с молодых лет, для чего берут их со взрослыми [собаками] с собой на охоту» (8, с. 116).

Основным оружием удмуртского охотника долгое время был лук (удм. *пукыӵ*) и стрелы (удм. *ньӧл*). В XIX в. начинают появляться разного рода ружья (удм. *пычал*), большая часть которых стреляла лишь благодаря искусству их владельцев. Удмуртские луки делились на две группы: сложносоставные и цельные. Первые склеивались из нескольких пластин гибкой древесины, рога и сухожилий, для прочности скреплялись костяными пластинками. Такие луки, длиной около 1 м и диаметром 3,5–4,0 см, обладали большой убойной силой и были распространены на пространствах Евразии у кочевых и оседлых племен, используясь не только на охоте, но и на войне (45, с. 23–90). Для охоты на мелкую дичь и в целях тренировки навыка применялись луки упрощенной конструкции, чье полотно состояло из цельного куска древесины или из прочной ветки. В гиперболизированной форме о таком луке, по-видимому, говорится в удмуртской легенде «Эштэрек»: «Он вырвал с корнем клен, обломал сучья, согнул в дугу – и у него получился лук» (36, с. 53). Сложносоставные луки снабжались съемной тетивой из сухожилий животных, на цельных луках могли устанавливать тетиву растительного происхождения. Наконечники стрел чаще изготавливали из кости, но для охоты на крупного зверя отливали из металла. По способу крепления к древку стрелы делились на черешковые и втульчатые, а по форме пера – на ромбовидные, трехгранные, листовидные. Для пушного промысла использовались стрелы с цилиндрическими втульчатыми наконечниками – томары, оглушавшие зверя, но не портившие его шкурки (39, с. 47–48). Эти наконечники вытачивались из трубчатых костей животных и иногда украшались резным

орнаментом, очевидно, несущим символику промысловой магии удмуртов и, возможно, маркирующим право охотничьей собственности (1, с. 103). В одной из удмуртских легенд, князь Идна, взяв самый большой лук и произнеся заклинание, выпустил четыре стрелы на четыре стороны света, сказав при этом: «Пусть имя будет известно и пользуется уважением внутри того места, которое я обстрелял своими стрелами!» (36, с. 48)

Недолговечность материалов, из которых изготовлялись луки, стрелы и колчаны, не позволяет нам широко представить весь спектр вооружения удмуртского охотника и тем более проанализировать его семантику, но наличие конструктивных параллелей в экипировке охотников таежной зоны оставляет достаточное поле для исследовательской инициативы. Трудности в изучении традиционного метательного оружия удмуртов сопряжены еще с тем обстоятельством, что на рубеже XIX–XX вв. подавляющее большинство охотников в крае пользовалось разнокалиберным и разносистемным огнестрельным оружием, приобретаемом на Ижевском заводе и у местных оружейников-кустарей. Хотя в те же годы, по свидетельству Г.Е. Верещагина, «...самострелы и луки древнейшего типа с разными стрелами» сохранялись в отдаленных удмуртских деревнях в качестве религиозных реликвий (5, с. 68). Нельзя не учитывать того, что охотник был духовно связан с орудиями промысла, магически наделяя их сверхъестественной силой, способной побороть магию животного и обеспечить дальнейший успех своих технологических разработок. И, кроме того, предметы, олицетворявшие образ жизни народа на протяжении многих столетий, не уходят бесследно, долго еще хранясь в тайниках нашей памяти, на чердаках и в музеях, осуществляя эмоциональную связь между временами и владельцами, превращаясь, по словам Ж. Бодрийяра, в «маргинальные вещи» (4, с. 103–105).

Кроме лука и стрел, охотники могли брать с собой на промысел пращу. Отчасти это подтверждается обнаруженными при археологических раскопках на древнеудмуртском городище Иднакар метательными камнями из серого известняка, диаметром от 2–4 см до 7–8 см (19, с. 127). Так, по сюжету удмуртской легенды «Вишур-Карйыл» богатыри перебрасывались чугунными шарами величиной с желток яйца (36, с. 50–51). Праща проста в изготовлении и пользоваться ею мог даже ребенок, что позволяло использовать ее в качестве своеобразного учебного тренажера. Очевидно, одну из модификаций такого мета-

тельного оружия, для стрельбы «плоскими стрелами»-дротиками, описал в своей монографии об удмуртах М. Бух (42, с. 79). Несмотря на простоту конструкции, с помощью пращи можно было вспугивать белок и птиц, чтобы затем с успехом бить их влет.

Охота на медведя всегда была опасным предприятием, если же охотники решались на такую встречу, то чаще всего полагались на свою сноровку и умение владеть рогатиной-копьем с втульчатым двушипным наконечником уплощенной формы. За передвижениями медведя охотники наблюдали с вершин деревьев, а неподалеку от зарезанной медведем домашней скотины строили специальный помост-полати, на котором укрывалась ночная засада (22, с. 15–16). Зимой поднятый из берлоги медведь отвлекался собаками, пока охотники не находили подходящий момент для удара рогатинами.

Развивающийся индивидуализм удмуртской охоты стимулировал изобретение хитроумных механизмов лова. Становление производящих форм хозяйства в природно-климатических условиях Приуралья также потребовало значительно больших чем прежде затрат времени и сил, оставив приоритет за пассивными методами лесного промысла. При организации пассивной охоты функции человека выражаются не столько в работе рук и ног, сколько в грамотно сконструированных и расставленных самоловах. Охотник обычно имел в близлежащем лесу особую, только ему известную, промысловую тропу, на которой находилось до нескольких десятков различных ловушек. Обходя свою тропу через день или два, он собирал добычу, обновлял приманку и заново заряжал ловушки. В типологическом отношении устройства удмуртского зверо- и птицеловства подразделялись по принципу действия на давящие конструкции, петлевые силки, устройства типа морд, сети, ямы и самострелы.

Для ловли мелких грызунов с ценным мехом, таких как горностаи и ласки, применялась давящая ловушка (удм. *нальык*), принцип действия которой был основан в освобождении энергии падения верхней «настороженной» доски-плахи, давящей тронувшего приманку зверя. Тот же принцип был заложен в устройстве ловушек на зайцев (удм. *кеч-кор*), только вместо тяжелой доски «настораживали» два связанных вместе бревна (47, с. 126–127). Петлевые силки (удм. *вы*, *ӟюрны*), сплетенные из конского волоса, были рассчитаны на ловлю мелкой птицы – рябчиков, клестов и др. Силки обычно устанавливали в песке, где любили купаться птицы, либо в корнях валежника. Иногда в

песок зарывалась доска с множеством небольших петель. Самая простая из петлевых ловушек (удм. *пижны*) представляла собой ветку или небольшое деревце, вершина которого напружинена. Сев на такое деревце и занявшись приманкой, птица попадала в петлю, которая затягивалась пришедшей в действие пружиной.

Устройство для ловли глухарей, тетеревов (удм. *тур-морда*, *тур-бакча*) по форме напоминало большую ступу и конструктивно состояло из наклонно вбитых в землю кольев, высотой до 3 м. Наверху образовавшейся воронки раскладывалась приманка – тонкий слой колосьев овса, сев на которые, тяжелая птица проваливалась вниз. Вместо овса могли устанавливать сделанную из соломы вертушку, а для приманки птиц использовали гроздья рябины или другие ягоды. Такие ловушки расставлялись вблизи полей, но известны случаи, когда их поднимали на деревья, растущие на лесных полянах и опушках (51, с. 31–46). Сети (удм. *казь*) применялись во время загонной охоты на волков, лис и зайцев. После расстановки охотниками сетей, деревенская молодежь оцепляла большой участок леса и с шумом двигалась к огороженному сетями перешейку. Ловчие ямы копали соответствующей для каждого зверя глубины. Чтобы края ямы не осыпались, их укрепляли расширявшимся к низу срубом. Сверху яма покрывалась тонким слоем соломы или прутьев, искусно маскировалась валежником. Для приманки волков в ловчие ямы помещали в специально устроенных на дне клетках гусей, поросят или ранее пойманных в нее зайцев (17, с. 59–60). Самострелы в основном применялись удмуртскими охотниками для добычи норного и водного зверя. Перед входом в нору или у бобровой плотины раскладывалась приманка, связанная с пусковым устройством стационарно закрепленного неподалеку самострела (46, с. 49–52).

Приманивание добычи в целом составляет важнейший элемент охоты, объединяющий активные и пассивные методы промысла с охотничьей магией. Вкус, цвет, запах и звук, создавая незримые образы, должны были привлечь желаемую добычу. Не случайно одним из древнейших способов приобщения человека к лесному окружению было использование силы звукоподражания (33, с. 75). Охотничьи манки чаще всего изготовлялись из костей промысловых видов животных и птиц, позволяя охотнику «говорить» с обитателями леса на их языке, отчасти реализуя давнюю мечту человека о возможности прямой коммуникации с миром живой природы (9, с. 67).

Примерно со второй половины XIX в. охота рассматривалась большинством удмуртов уже в качестве некоего сезонного развлечения в свободное от работы время (6, с. 35). Этому обстоятельству способствовала пореформенная интенсификация сельскохозяйственного производства и, как ни странно, государственная опека охотников, получавших от властей дешевый порох и другие льготы. Так, на поддержку беднейших промысловиков Вятским губернским земством было ассигновано 3000 руб., а Глазовскому земству в 1872 г. было позволено продавать порох независимо от ведомственного контроля (17, с. 46). Стремление властей регулировать промысел «сверху» было отражено в указе «О правильной охоте» от 03.02.1893 г. После публикации указа началось выделение охотников-профессионалов, которых в крестьянских обществах было немного – один-два на деревню (34, с. 120–122). По данным земской статистики в лесном Глазовском уезде охотничьим промыслом занималось всего 419 удмуртов, а в соседнем Сарапульском уезде всего – 107 (40, с. 87). Отмеченная динамика сохранялась и в первые десятилетия XX в., когда в период Первой мировой и гражданской войн происходил отход сельского населения от регулярных занятий охотой. И хотя на 01.10.1929 г. в «Областном кооперативно-промысловом товариществе охотников» состояло 3486 человек, горожан из них было – 2201 (35, с. 64).

Подводя определенные итоги, можно сказать, что в этнических культурах, оценивших блага производящего хозяйства, отношение людей, и в особенности мужчин, к охоте претерпевает весьма своеобразную трансформацию, пожалуй, не находящую аналогов в истории хозяйства и материальной культуры. Играя во многом вспомогательную, а кое-где и символическую роль, охота по-прежнему сохраняет социальный престиж и мистический ореол. Звероловные традиции, охотничий фольклор и экологическое мышление предков успешно сосуществуют с новым земледельческим мировоззрением, ощущая реальную угрозу лишь со стороны стремительно модернизирующегося города, привносящего в охоту рационализм, железный механизм и коммерческий расчет. Но и сам город воспринимает и адаптирует охоту как неотъемлемую часть своей культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Арматынская О.В.* Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв.– Ижевск, 1995.

2. *Атаманов М.Г.* Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии.– Ижевск, 1980.

3. *Богаткина О.Г.* Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв.– Ижевск, 1995; *Петренко А.Г.* Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Прикамья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы.– Ижевск, 1991.

4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей.– М., 1995.

5. *Верещагин Г.Е.* Остатки первобытных приемов охоты у удмуртов Вотской области // Труды НОИВК, 1930.

6. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Г.Е. Верещагин. Собр. соч., т. 1.– Ижевск, 1995.

7. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Г.Е. Верещагин. Собр. соч., т. 2.– Ижевск, 1996.

8. *Верещагин Г.Е.* Об охоте у вотяков Вотской области // Г.Е. Верещагин. Собр. соч., т. 3. Кн. 2.– Ижевск, 2000.

9. *Верещагин Г.Е.* Этнографические очерки: Язык животных и растений // Г.Е. Верещагин. Собр. соч., т. 3. Кн. 2.– Ижевск, 2000.

10. *Вилкуна К.* О положении финно-угорской этнографии (этнологии) в настоящее время // Советское финно-угроведение, 1965. № 2.

11. *Владыкин В.Е.* Лес в религиозно-мифологической системе удмуртов // VII Международный конгресс по традиционным культурам охотников и собирателей.– М., 1993; *Петров А.Н.* Удмуртский этнос: проблемы ментальности.– Ижевск, 2002.

12. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов.– Ижевск, 1994.

13. *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики.– Ижевск, 1997; *Яшин Д.А.* Мотив превращения в удмуртских народных сказаниях // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы.– Устинов, 1986.

14. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа.– Ижевск, 1999.

15. *Гришкина М.Г.* Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.).– Ижевск, 1994.

16. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П.Н. Луппов.– Ижевск, 1958.

17. *Ефремов Е.* Техника звероловства у удмуртов // Сб. ЛОИКФУН, 1931. № 1.

18. *Загребин А.Е.* Модернизация в удмуртской деревне (1880–1920-е гг.): незавершенный проект // Вестник Удмуртского университета, 2003 / Серия: История.

19. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.– Ижевск, 1998.

20. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока.– М., 1983.

21. *Коренюк С.Н.* Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях у пермских финнов Среднего Прикамья в VIII–III вв. до н.э. // Исследования по археологии и истории Урала.– Пермь, 1998.

22. *Кошурников В.С.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк // Известия ОАИЭ, 1879. Т. 2.

23. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ.– Л., 1976.

24. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...– СПб, 1791.

25. Например: Стрела – (удм.) Ньӧл /(общеперм.) *n˙ol = (доперм.) *n˙ōle; Тетива – (удм.) Вуж /(коми) Вудж – Лук (общеперм.) *vuž – Лук, Смычок = (доперм.)*wance; Собака – (удм.) Пуны / (общеперм.) *pöni = (доперм.) *pene // КЭСКЯ.

26. *Никитин В.В.* Мифы, застывшие в археологических древностях (к вопросу о космогонических представлениях охотников лесной полосы Евразии) // Финно-угроведение, 1995. № 2.

27. *Никитина Г.А.* Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.).– Ижевск, 1993.

28. *Обыденов М.Ф., Корепанов К.И.* Искусство Урала и Прикамья. Эпоха камня и бронзы.– Уфа, 1997.

29. *Перевозчиков Ю.А.* Этнический ландшафт и экологическая культура традиционного удмуртского общества // Этнос – Культура – Человек.– Ижевск, 2003.

30. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья.– М., 1984.

31. *Пинт А.* К истории удмуртского жилища // На удмуртские темы / Ученые записки НИИ народов Советского Востока.– М., 1931; *Sirelius U.T.* Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker.– Helsingfors, 1910.

32. Призовая стрельба // Прикамская жизнь, 07.03.1914; Вниманию охотников // Прикамская жизнь, 11.02.1910.

33. *Радя В.В.* Опыт акустической характеристики манков с городища Иднакар // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы.– Ижевск, 1991.

34. *Силантьев А.А.* Обзор промысловых охот в России.– СПб., 1898.

35. *Стрельцов Ф.В.* Охотничий промысел Вотской области // Труды НОИВК, 1930.

36. Удмуртские народные сказки.– Ижевск, 1976.

37. *Шабердин Д.В.* Млекопитающие и птицы Среднего Прикамья // Труды НОИВК, 1930.

38. *Шнирельман В.А.* «Диффузия идей», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах (к постановке проблемы) // Советская этнография, 1991. № 2.

39. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по материалам могильников.– Ижевск, 1992.

40. Цит. по: Удмурты: историко-этнографические очерки.– Ижевск, 1992.

41. *Эрдман И.Ф.* Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Труды НОИВК, 1927.

42. *Buch M.* Die Wotjäken Eine ethnologische Studie.– Helsingfors, 1882.

43. *Holmberg U.* Über die Jagdriten der nordlichen Völker Asiens und Europas // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1925. Vol. 41.

44. *Kodolányi (jr.) J.* North Eurasian Hunting, Fishing and Reindeer-breeding Civilizations // Ancient Cultures of the Uralic People.– Budapest, 1976; *Sirelius U.T.* Die Volkskultur Finlands I: Jagd und Fischerei in Finland.– Berlin & Leipzig, 1934.

45. *Korompay B.* Die Bogenfalle bei den Finnougriern auf dem Wege aus Sibirien nach Europa und in den südlichen Verbreitungsgebieten // Acta Ethnographica, 1953. Bd. 3.

46. *Korompay B.* Suomalainen tikkujousi // Ethnologia Fennica, 1972.

47. *Korompay B.* Die osteuropäische Brettfalle und ihre Aufstellung // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1976. Vol. 74.

48. *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjäken aus dem Nachlasse von B. Munkácsi / Herausgegeben von D.R. Fuchs //Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 1952. Vol. 102.; *Nielsen N.K.* Food, Hunting and Taboo: Cultural Heritage in Practice // Ethnologia Scandinavica, 2000.

49. *Schmidt É.* Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Uralic Mythology and Folklore: Ethnologica Uralica – 1 /Ed. by M. Hoppál & J. Pentikäinen.– Budapest – Helsinki, 1989.

50. *Sirelius U.T.* Über das Jagdrecht bei einigen finnisch-ugrischen Völkern // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 1914. Vol. 35.

51. *Sirelius U.T.* Metsänkäynti // Suomen Suku.– Helsinki, 1934.

52. *Sirelius U.T.*, Wichmann Y. Pari vanhaa pyydystä I–II // Virittäjä, 1914.

53. *Virtanen L.* The Northern Forest – Friend or Foe? // Ethnologia Scandinavica, 1998.

СОКРАЩЕНИЯ:

ЛОИКФУН – Ленинградское общество изучения культуры финно-угорских народов, Ленинград.

НОИВК – Научное общество по изучению Вотского края, Ижевск.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии, Казань.

Alexey Zagrebin

THE UDMURT HUNTING: TO THE PROBLEM OF IDEA AND TECHNOLOGY TRANSFORMATION

Hunting has connected the human world with wild nature for a long time. The ethnographers kept emphasizing the agricultural character of Udmurt style of life. But at the same time they mentioned its recent «forest» past. In people mind forest was a kind of powerful unity that defined Udmurt tradition landscape. The lexicon, rites and instrumental equipment of Udmurt hunting point to its ancient Finno-Ugrian origin. Same kind of wild animals and birds were used as sacrificial totems by Udmurt tribes. The reduction of forest areas, fast agricultural development and urbanization transformed the Udmurt hunting into season amusement or elite sport. However, hunting tradition keeps living in social life taken different forms, stating from computer games finishing with hunting style artifacts and symbols.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Татьяна Кузнецова
Сыктывкар

СОВРЕМЕННАЯ КОМИ ЛИТЕРАТУРА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Художественное развитие коми литературы второй половины XX века делится на два периода: первый охватывает 60–80-е годы, второй начинается с конца 80-х. Своеобразие эстетики и художественного облика этих этапов, конечно, во многом обусловлено социально-историческими особенностями жизни страны.

60–80-е гг.– тот этап развития литературы, когда в ней ярко выразились противоречивые начала, характеризующие жизнь советского общества этого периода. С одной стороны, вдохновленная идеями оттепели литература стремилась встать на собственно художественный путь развития, с другой – неизбежно несла в себе те противоречия исторического развития общества, которые искажали ее естественную эстетическую стезю.

Социальный и нравственный опыт войны, а также идеи оттепели стали той почвой, что взрастила литературу 60-х годов. Общество меняло важные ценностные ориентиры; литература заново рассматривала отношения человека с миром, оценивала движущие силы истории. Ощутимо менялась картина мира. В этот период в коми литературу вошло новое поколение прозаиков: Г. Юшков, И. Торопов, П. Шахов, Н. Куратова, Е. Рочев, М. Игнатов, В. Безносиков и др.; в последующем они стали определять основные тенденции развития прозы. Внимание к человеку, стремление увидеть движение времени, поступь истории в конкретной человеческой судьбе придает прозе ту художественную энергию, что сближает ее с природой истинного искусства. Проза как бы осознала значимость духовной основы жизни и стала стремиться к исследованию нравственного мира героев (повесть Г. Юшкова «Ловъя лов» – Живая душа, 1975, рассказ «Мыжа Наста» – Виноватая Настя, 1970; цикл повестей и рассказов И. Торопова «Тiянлы

водзӧ овны» – Вам жить дальше, 1975; повесть Г. Федорова «Зын турун» – Багульник, 1975; роман И. Торопова «Чужин кӧ мортӧн» – Коль родился человеком, 1970 и др.). Конфликт из сферы социальной уходит в сферу житейскую, проникая в этическую глубь. Непростой поиск истины, стремление познать себя и жизнь, постичь ее вечные нравственные устои насыщают внутреннюю жизнь героев, и этот вечный, очень непростой путь к истине позволяет прозе открыть некие онтологические закономерности, приблизиться к постановке общих, бытийных проблем. Проза углубляется в гущу жизни, открывая основы извечной мудрости, что формирует народное мировоззрение. «В целом художественно-филологическая мудрость – разновидность житейской мудрости, и она, как правило, не выходит за рамки взаимоотношений между людьми: «Я и они», «Я и мы», «Я и он, она», «Я и ты» (1, с. 55), – отмечают исследователи. Видимо, именно тяготение к исследованию основных законов бытия, органичная связь с основами жизни и стали залогом эстетической состоятельности прозы этого периода.

Прозу периода застоя неизменно вдохновляет некое светлое начало, что сродни мотивам утопического характера; стремление к идеальному, совершенному стало той концептуальной основой, что определяет художественные поиски литературы 60–80-х годов. С этим обстоятельством связаны и генетические корни концепции положительного героя, получившего широкое распространение в литературе данного периода. Отмечая как одну из наиболее характерных особенностей литературы советского периода «опережающее, авангардное изображение жизни такой, какою она может и должна стать» (2, с. 349), В.И. Тюпа приходит к выводу: «Реалистический «авангардизм», зародившийся в русской литературе (восходящий еще к соловьевскому тезису «замечать в том, что есть... задатки того, что должно быть») и утверждающийся в ней, в лучших произведениях, ...явился одной из наиболее значительных ипостасей новейшей парадигмы художественности – парадигмы, определяющей лицо искусства XX века» (2, с. 373).

Несмотря на стремление к созданию целостной картины мира, утверждению концептуально значимой мысли о прочной духовной основе бытия, в прозе постоянно дает знать о себе противоречие, что открывает истинную, правдивую суть жизни. Оно таится в особенностях мироощущения героев, в их непростых отношениях с миром (повести П. Шахова «Мыйла олам, мыйла колам» – Зачем живем, зачем нужны, 1976, «Лӧз патефон» – Синий патефон, 1985; повесть Г. Юш-

кова «Вилядь сиктса ань» – Женщина из села Вилядь, 1964 и др.). И вполне справедлива мысль Г. Белой о том, что проза 60–70-х годов «всегда была открыто полемична» (3, с. 82). Отношение к природе также открывает глубокое противоречие, что нарушает состояние духовной гармонии героев: человек теряет чувство родственной связи с природой, государство разрушает естественные, нерасторжимые отношения, и это чувство потери глубоко переживают герои (повесть И. Торопова «Арся сьыланкыв» – Осенняя песня, 1976; повести Е. Рочева «Батьлӧн ордым» – Тропа отца, 1971, «Дзолюк» – Малышок, 1980 и др.). В художественном постижении мира природа играет особую роль: осмысливая отношения человека с природой, проза не только выявляет своеобразие духовного мира героев, но и вырабатывает общий, целостный взгляд на мир как на естественное и гармоничное целое.

Духовный опыт войны осмыслен прозой в основном через материал, имеющий автобиографический характер; горький опыт военного детства непосредственно вошел в литературу. В «мелехинском» цикле И. Торопова (повести «Регыд дас квайт» – Скоро шестнадцать, 1971, «Но-о, биа-бордаяс!..» – Ну, залетные!.., 1972, «Тіянлы овны водзӧ» – Вам жить дальше, 1975, «Видза колян, мушкетер!» – Прощай, мушкетер! 1977, рассказы «Проса рок» – Пшеничная каша, 1966, «Воклы дозмӧр» – Глухарь для брата, 1967), в лиричных произведениях Н. Куратовой (рассказ «Батьяс йылысь висьт» – Повесть об отцах, 1969, «Бӧбӧнянь кор» – Вкус клевера, 1983), А. Ануфриевой (повесть «Майбыр» – Счастливая, 1982 и др.) не только достоверно изображена суровая правда реальности, но и открывается духовный мир поколения, которое, познав в детстве опыт войны и ощутив глубину социальных и исторических противоречий, формировало качественно новое сознание общества. В прозе становится все более отчетливым стремление понять прошлое, осмыслить накопленный опыт. Общество, пережившее определенный этап своей социальной и нравственно-психологической истории, испытывает необходимость в его осмыслении, подведении своеобразных итогов. Писатели актуализируют память героя; обращаясь к ретроспекциям, герой как бы пытается выявить нравственную основу жизни, объяснить линию своей судьбы (повести П. Шахова «Вежон кежлӧ том кадӧ» – На неделю в юность, 1971, Н. Куратовой «Радейтана, муса» – Что любимо, мило, 1972 и др.). Непростой процесс переосмысления исторического опыта, что переживает советское общество, определяет и развитие комплекса нравственных проблем

в литературе. Так, активное развитие в прозе получает мотив вины, покаяния. Народ как бы пытается освободиться от груза моральной ответственности за применение жестких мер в годы войны, осмыслить роль государства в победе над фашизмом (рассказы Г. Юшкова «Висьтасьӧм» – Исповедь, 1963, «Ая-пиа» – Отец с сыном, 1959, повесть «Вилядь сиктса ань» – Женщина из села Вилядь, 1964; повесть И. Торопова «Регыд дас квайт» – Скоро шестнадцать, 1971 и др.). В прозе формируется тенденция к выявлению сущностных, закономерных связей и отношений, позволяющих объективно осветить некоторые аспекты прошлого и настоящего. В стремлении к исторической правде проза тяготеет к тому, чтобы осмыслить отношения человека и государства, этические аспекты коллективизации (повести Г. Юшкова «Воййыв турун, еджыд дзоридза» – Иван-чай с белыми цветами, 1972, «Пияна ош» – Медведица с медвежатами, 1969).

В формировании качественно нового художественного сознания коми прозы значительную роль играет комическое; в рассказах и повестях П. Шахова, Е. Рочева, В. Безносикова развиваются ироникоюмористические тенденции, насыщающие эпически-лирическое изображение (повести П. Шахова «Ӧксинь тьот» – Тетка Аксинья, 1974, «Мыйла олам, мыйла колам» – Зачем живем, зачем нужны, 1976; Е. Рочева «Батьлӧн ордым» – Тропа отца, 1971, «Дзолюк» – Малышок, 1980; В. Безносикова «Свӧякъяс» – Свояки, 1973, «Вильыш Вӧръю» – Шаловливая речка Вӧръю, 1977 и др.). Комическое во многом способствует углублению реалистического видения жизни, формированию многостороннего взгляда на действительность.

Во второй половине 80-х годов в общественном сознании обозначились новые тенденции. Дух критического переосмысления всего исторического опыта народа резко изменил пафос, утвердившийся в отечественном искусстве. «Литература во всех этих идеологических переходах Юрьева дня, перемещаясь в пространстве изменяющейся власти, сохранила свой подчиненный статус» (4, с. 248),– верно отмечают исследователи. В литературе ярко воплотилось стремление к выражению новых политических концепций. Выразительнее эти особенности отразились, конечно, в более мобильных жанрах: рассказах и повестях (рассказы А. Ульянова «Сьӧд ар» – Черная осень, 1989, «Вӧлі баба гожӧм...» – Было бабье лето..., 1990; А. Попова «Олӧмсьыд тай он дзебсьы» – От жизни не спрячешься, 1990; повести И. Торопова «Оштӧ эн лый кыкысь» – Не стреляй в медведя дважды, 1988, «Гымӧбтіс

керка шорын» – Грянул выстрел среди избы, 1989; А. Попова «Адд-зысьлӧмъяс» – Встречи, 1991; Н. Куратовой «Сьӧд синъяса томиник ныв» – Молоденькая черноглазая девушка, 1991 и др.). Новые тенденции утвердились в коми литературе разработкой «гулаговской» темы, острой постановкой национальных, экологических проблем, изображением коллективизации 30-х годов.

Наряду с явно выраженным стремлением запечатлеть политические концепции, в литературе идут процессы и художественного осмысления драматических противоречий переходного периода, что переживает современная Россия. В коми прозе конца века намечается тенденция к изображению современника, чей характер деформирован влиянием социальных условий: герой переживает глубокий нравственно-психологический кризис (повести П. Шахова «Лӧз патефон» – Синий патефон, 1986, «Еджыд керка» – Белый дом, 1994; Е. Рочева «Кузь вӧт» – Долгий сон, 1995 и др.). Современная проза исследует характер современника, чья духовная жизнь наполнена сложными процессами осмысления прошлого, пережитого (повести Е. Рочева «Тер Мишлӧн висьтасьом» – Исповедь Тер Миша, 1986, А. Попова «Водзӧс» – Расплата, 1992, А. Некрасова «Как стать великим», 1993 и др.).

Утверждая дискредитацию идеологических доктрин, писатели актуализируют роль природных – экологических, географических – факторов в развитии истории и культуры народа. Литература обращается к этнической, родовой, семейной генеалогии характера, чтобы исследовать его основы. Проза последних лет находится в поисках самостоятельных, независимых от политизированных концепций форм художественного решения в создании образа современного мира и человека. Литература как бы пытается изолировать героя от социальной среды и стремится к осмыслению его судьбы исходя из его личностных данных. Мысль о значимости природных факторов, обусловливающих опыт и судьбу личности, определяет художественные поиски современной коми прозы. Названные тенденции открыли возможности изображения и частной жизни героев; писатели обращаются к исследованию мира чувств героев (повести А. Ульянова «Тэ да ме» – Ты да я, 1992 и А. Попова «Ставыс тай кольӧма» – Все уже прошло, 1995). Наряду с тенденцией, утверждающей духовные основы любовных отношений, в современной прозе имеет место стремление исследовать физические аспекты любовных чувств (повести В. Напалкова «Ме тэнӧ радейта» – Я тебя люблю, 1992, «Прӧстит, аньтусьӧй» – Прости меня,

женщина, 1993, «Прощай», 1995, «Вотӧса август» – Ягодный месяц август, 1996; рассказы В. Куратова «Мусуктӧ сьӧлӧмыд бӧрйӧ» – Любимого сердце выбирает, 1998; В. Афанасьева «Окав менӧ, окав» – Целуй меня, целуй, 1994 и др.). Повести В. Напалкова развивают в современной коми прозе эротическую линию, организующую особый стилевой пласт; тематика, столь необычная для коми литературы, определила и некоторые особенности лингвистических аспектов поэтики.

Дегероизируя современность, коми проза обращается к далекому прошлому. Пассеизм становится своеобразной формой протеста против неразрешимых конфликтов современности; современная литература стремится найти в историческом прошлом гармонию. Утверждение национального самосознания в современной коми прозе связывается с идеей национальной государственности, стремлением к утраченной национальной целостности. Именно поэтому наиболее значительные произведения современной коми исторической прозы – роман Г. Юшкова «Бива» (Огнивница, 1999) и повесть В. Тимина «Эжва Перымса зон» (Мальчик с Перми Вычегодской, 1998) посвящены периоду присоединения Коми края к Русскому государству. В сохранении этнической целостности, национальной государственности видится писателям непременное условие полноценной, гармоничной жизни народа. Концептуальная установка современной исторической прозы связана со стремлением подчеркнуть, выявить самобытную природу истории, культуры народа коми. Наряду с мыслью о насильственном присоединении Коми к Русскому государству, в исторической прозе ярко запечатлено стремление выявить языческие корни народной культуры; в противодействии христианизации видится авторам желание народа сохранить уникальность национального духовного опыта и традиций. Особенности настоящего переходного периода, который переживает постсоветское общество, не располагают к формированию полновесной глубокой эпической концепции; отсутствие выношенной глубокой концепции определяет особенности поэтики жанра романа (романы Б. Шахова «Тшӧтшъяяс» – Сверстники, 1985, «Гӧрд дзоридзъяса сьод шаль» – Черная шаль с красными цветами, 1989, «Овлісны-вывлісны» – Жили-были, 1998, и др.).

В современной прозе намечается и тенденция к эстетическому обновлению, поискам новых художественных форм. В прозе конца 90-х годов, принимая своеобразные контуры, намечается новая тенденция, художественная структура которой резко ломает традиционные устои

поэтики коми прозы (киноповесть Ю. Екишева «Рӧдвуж андел» – Ангел рода, 1997; повесть А. Лужикова «Измӧм синва» – Окаменевшие слезы, 1998; рассказы А. Полугрудова «Ру» – Туман, 1997, «Вӧт» – Сон, 1999). Художественное пространство названных произведений локализуется в области психологической, духовной жизни героя; семантическая сфера произведений тяготеет к выражению экзистенциальных переживаний героев.

Поэтические жанры по-своему выражают мировосприятие поколения, пережившего войну, осмысливающего непростой исторический опыт. Стремление увидеть светлые стороны жизни, окрыленность, уверенность в будущем определяют своеобразие эстетики; в основе поэтики лежит романтичность особого рода. Доверительное отношение к миру, возвышенность чувств определяют особый поэтический строй лирики; вместе с тем она ограничена в художественном воссоздании реальной картины жизни, стремлении исследовать ее противоречивую суть. Заметное место занимают произведения риторического характера, отмеченные социальными метами времени. В 60-е годы в коми поэзии формируется новое поколение художников, которое, собственно, определяет ее эстетический облик во второй половине XX века – это А. Ванеев, Г. Юшков, В. Попов, В. Тимин, Ю. Васютов и др. Рядом с ними продолжают работать С. Попов, И. Вавилин, Ф. Щербаков, позднее вошли в поэзию А. Мишарина, В. Лодыгин, А. Некрасов, В. Напалков и др.

Пожалуй, осмысление опыта войны стало тем фактором, что позволил поэзии данного периода развить художественные поиски в исследовании жизни и ее связей с характером современника. Изображение героического подвига народа на фронте (поэма С. Попова «Война кадся лӧнь вой» – Тихая ночь войны, 1976, «Генерал Микушев да сылон 41 ӧд стрелковой дивизия йылысь баллада» – Баллада о генерале Микушеве и его 41-й стрелковой дивизии, 1976; поэма И. Вавилина «Ӧнія элегия» – Современная элегия, 1965, ст. «Мудзлан, бой бӧрын ӧшӧдлан юртӧ» – Устанешь, повесишь голову после боя, 1965, ст. «Шондiкӧд серни» (войнадырсяысь) – Разговор с солнцем (из военного времени), 1965 и др.), в тылу (ст. Б. Палкина «Мамлӧн синваыс, шуӧны, матын...» – Говорят, у мамы слезы близко, 1961; ст. А. Ванеева «И воис лун, кор помасис война...» – И пришел день, когда закончилась война, 1979 и др.), воспоминания о горьком военном детстве (ст. В. Попова «Ме тэкӧд, другӧ» – Мы с тобой, друг, 1974; ст. В. Тимина «Война кадся нянь» – Хлеб военной поры, 1979) воссоздавали харак-

тер, формирующийся в сложных обстоятельствах. Видимо, эти тенденции во многом способствовали и развитию художественных возможностей исследования своеобразия характера коми, особенностей уклада жизни. Стремление исследовать духовные основы жизни народа, ощутив свою принадлежность к нему, осознать собственные корни воплотились в зарисовках, характеризующих жизненный уклад народа (ст. С. Попова «Вӧр керкаын» – В лесной избушке, 1970; ст. Г. Юшкова «Тадз некод ньӧбантор оз борйы» – Так никто не выбирает покупку, 1973; ст. В. Лодыгина «Веж парма строг» – Зеленая парма строгая, 1972; ст. А. Некрасова «Коми йӧз» – Коми народ, 1983 и др.), а также в размышлениях, утверждающих прочность уз, связывающих лирического героя с вечными жизненными устоями родного народа (ст. Г. Юшкова «Комиа сьылӧм» – Песня по-коми, 1973; ст. В. Лодыгина «Ме крестьянинлӧн пи» – Я – сын крестьянина, 1972 и др.). Подобные размышления органично связаны с исследованием национальных особенностей характера коми, а также осознанием собственной национальной принадлежности (ст. Г. Юшкова «Ми комияс» – Мы коми, 1967; ст. А. Некрасова «Коми кыв» – Коми язык, 1983 и др.). В.Н. Демин, характеризуя поэзию 1958–1990-х годов, отмечал, что «на этом этапе коми литература вновь обретает национально-философские контуры, проявляющиеся прежде всего в том, что в центре внимания оказываются... проблемы национального бытия» (6, с. 15). Можно вести речь и о стремлении поэзии осмыслить судьбы народа, историю своей родины (поэма В. Попова «Сьылісны бабаяс, сьылісны» – Пели бабы, пели, 1963; ст. В. Тимина «Коми войтыр» – Коми народ, 1987 и др.). И все же основные художественные усилия поэзии 60–80-х годов сконцентрированы в лирическом воспевании родины, создании ее возвышенного образа. Оно органично включает песнь малой родине (ст. В. Попова «Чужанінӧй менам – Изьва» – Родина моя – Ижма, 1974; ст. В. Тимина «Чужан му» – Родная земля, 1979; ст. А. Ванеева «Менам Удора» – Моя Удора, 1979; ст. Г. Юшкова «Чужан сиктын» – В родном селе, 1973 и др.); поэты стремятся осмыслить нравственные, национальные корни, исследовать истоки характера, судьбы (ст. В. Лодыгина «Тані дедлӧн и батьлӧн му» – Здесь земля отца и деда, 1972). Лирическое признание выражается и в любовании природой, и в романтичном подчеркивании своеобразия пейзажа, характеров людей; многие поэтические произведения исполнены в жанре признания в любви. Пафосное восприятие мира определяет своеобразие поэтики.

Ас чужан кылӧй – ичотик сӧдз
шорой.
Ас чужан сиктӧй – менам кок
ув вуж.

Мой родной язык –
маленький чистый ручеек.
Мое родное село –
мои глубокие корни,–

пишет А. Ванеев (венок сонетов «Чужан сиктӧй менам» – Мое родное село, 1979); (ст. А. Ванеева «Менам чужан му» – Моя родная земля, 1960; ст. В. Попова «Кыдзкар сикт» – Село Брыкаланск, 1964; ст. Г. Юшкова «Чужан му» – Родная земля, 1962; ст. С. Попова «Коми му» – Коми земля, 1970; ст. А. Мишариной «Коми муӧй менам дженьыд гожӧмъяса» – Моя Коми земля с коротким летом, 1980 и др.).

Наряду с романтически-лирическим осмыслением мира, в поэзии формируется и аналитический взгляд на жизнь; намечается тенденция к осмыслению вопросов онтологического характера: о движении жизни, о судьбе человека, о времени (ст. Г. Юшкова «Морт олӧм» – Жизнь человека, 1973; ст. И. Вавилина «Олӧм доддьӧ нином тӧдтӧг» – В сани жизни, ничего не зная, 1970; ст. В. Тимина «Тан сэтшӧм лонь» – Здесь так тихо, 1979 и др.). Естественно, художественный облик поэзии второй половины 80-х во многом изменился. Мироощущение лирического героя определяется чувством дискомфорта, тревоги, горечи; этим обусловлены и характерные черты поэтики (цикл А. Ванеева «Жугыль кывбуръяс» – Грустные стихи, 1999, ст. «Ог вись, а со нерпала мыйкӧ» – Не болею, а недомогаю почему-то, 1990; ст. В. Напалкова «Чужан му» – Родная земля, 1999; поэма А. Мишариной «Олӧм век пом ни дор» – Жизнь всегда – ни конца ни края, 1996 и др.). Ярко выражены апокалипсические мотивы (ст. А. Лужикова «Кусӧ олӧмыс, кусӧ» – Гаснет жизнь, гаснет, 1998, ст. «Олӧмыс курдӧма» – Жизнь стала горькой, 2000 и др.). В стремлении обнаружить гармоничные начала бытия поэты обращаются к далекому прошлому народа, осмысливают христианизацию Коми (ст. В. Тимина «1386-ӧд во» – 1386 год, 1996, «Емва дорын» – У Емвы, 1996; произведение Ю. Васютова «Вежа муслун йылысь легенда» – Легенда о святой любви, 2001; ст. Е. Козлова «Выль Ен нимӧн» – С именем нового Бога, 1997, «Памалӧн вежа нига» – Святая книга Памы, 1997 и др.). В попытках заявить о национальном вопросе, исследовать национальные основы характера народа так же выражается формирующаяся тенденция воссоздания подлинной картины этнической и духовной истории развития народа (ст. Г. Юшкова «И менам тась вирӧй и лолӧй» – И у меня отсюда и душа и кровь, 1999, ст. «Коми енмӧй, вӧтлӧмӧй» – Коми бог, изгнанный, 2000;

ст. В. Лодыгина «Ок кутшӧм ена Йиркап колӧ» – О, как сильно нужен Йиркап, 2000; ст. «Коді коми?» – Кто коми? 1998 и др.).

Имеет место и стремление осмыслить жизненный путь героя, обобщить нравственный и житейский опыт (ст. А. Ванеева «Уна рӧмаӧн морт нэмыд овлӧ...» – Многоцветным бывает век человеческий, 1999, ст. «Рытъя кыа» – Вечерняя заря, 1999; ст. В. Тимина «Вольнӧй светӧй» – О, вольный свет, 1999 и др.). И, видимо, вполне органично формируется тенденция к философскому осмыслению судьбы, времени (ст. В. Тимина «Меным важӧн абу кызь ни комын» – Мне давно уже не двадцать и не тридцать, 1999 и др.); поэты размышляют о мироустройстве, о связи человека со Вселенной (поэтический цикл В. Тимина «Ас кежся мӧвпъяс» – Невысказанные мысли, 1999). Вполне естественно и то, что в современной коми поэзии идет вечный разговор о любви, счастье. Лирические раздумья о любви очень своеобразно выражены в гендерной линии современной коми поэзии (произведения Г. Бутыревой, А. Мишариной, А. Ельцовой, Н. Обрезковой, Р. Куклиной, А. Шомысовой и др.).

Претерпевает изменения и художественная природа драматических жанров; отходя от нормативных установок, драматургия стремится изобразить изменчивый лик жизни. «Наступило время драмы серьезной, размышляющей, задающей вопросы» (6, с. 76),– пишет В.А. Латышева, размышляя об основных тенденциях развития современной коми драматургии.

Память войны (и Великой Отечественной, и гражданской), ее трагические связи с современностью открывают нравственные глубины личности, возможности характера (пьеса Н. Попова (Жугыль) «Веж гыяс» – Бурные волны, 1967, драма Г. Юшкова «Коді сэки ловйӧн коли» – Кто тогда остался жив, 1975, драма В. Леканова «Йӧлӧга» – Эхо, 1975 и др.).

Проблемы нравственного выбора, нравственной оценки и самооценки позволяют глубже исследовать мироощущение героев, их непростые связи с миром (пьесы В. Леканова «Олӧмын бужӧдъяс» – Ухабы жизни, 1969, «Удоратинъяс» – Удоратины, 1978, Н. Белыха «Анисья», 1973 и др.). Отношение к природе также являет аспекты духовной жизни общества; так, в пьесах И. Торопова «Дозмӧр койт» (Глухариный ток, 1973), Н. Белыха «Таысь судитны колӧ» (За это судить надо, 1974) вопрос о бережном отношении к парме, ее обитателям связан с морально-этическими проблемами.

В драматичных конфликтах открываются и глубокие противоречия советской действительности, негативные явления жизни: время тоталитарного сталинского режима, авторитарного руководства, последствия жестоких репрессий (драмы Г. Юшкова «Начальство», 1965; «Кык вок» – Два брата, 1965), уничтожение малых деревень (комедия Н. Белыха «Колана воськов» – Нужный шаг, 1977 и др.).

Эстетика комедии переживает глубокие изменения. Кризис комической атрибутики, связанной с постулатами «теории бесконфликтности», в 60-е годы уже налицо; празднично-ликующий пафос пьес понемногу остывает, уступая место ноткам раздумий. Конечно, этот процесс отмечен противоречиями; часто наблюдательность драматургов, их стремление отразить реалии жизни соседствуют с наносным юмором, внешним комизмом (пьесы Г. Юшкова «Кыськӧ тай эмӧсь!» – Бывают же такие! 1969, «Макар Васька – сиктса зон» – Макар Васька – сельский парень, 1963).

Постперестроечные умонастроения определили новые тенденции в художественном развитии драматургии. В этот период драматические жанры формируют своеобразный тип поэтики; авторы пытаются исследовать сущностные аспекты бытия, обращаясь и к условным формам. Утверждаясь в дисгармоничности современной жизни, разрушении естественных уз (драма А. Попова «Морг», 1993), драматургия стремится осмыслить сложные связи прошлого народа и его настоящего (пьеса Н. Белыха «Ов дитӧй, ов» – Живи, дитя, живи, 1991), размышляет о судьбе народа коми, о противоречивых началах жизни, о вечной борьбе добра и зла (драма А. Попова «Туналӧм ордым» – Заколдованная тропа, 1997); особую значимость получают проблемы духовной жизни (драма А. Лужикова «Ыджыд висьӧм» – Серьезная болезнь, 1997).

Итак, литература второй половины XX века в своем развитии отразила социально-исторические особенности времени. Если в 60–80-е годы она пережила качественно новый этап эстетического развития, то на рубеже веков литература испытывает непростое состояние поисков художественных концепций. Переживая «перестроечный» синдром, выражающийся в обсуждении политизированных проблем, она тяготеет и к исследованию сложных взаимоотношений мира и человека, стремится акцентировать внимание на сущностных аспектах духовной жизни, сферы чувств героев; постепенно освобождаясь от влияния социологизированных концепций, современная коми литература пытается сосредоточить поиски на вопросах истории и культуры народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Чанышев А.Н.* Философия как «филология», как мудрость и как мировоззрение // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, 1995. №5.

2. *Тюпа В.И.* Альтернативный реализм // Избавление от миражей: Социалистический реализм с разных точек зрения.– М.: Сов. писатель, 1990.

3. *Белая Г.А.* Перепутье // Вопросы литературы, 1987.

4. *Добренко Е.А.* Метафора власти: литература сталинской эпохи в историческом освещении.– München: Verlag Otto Sagner, 1993.

5. *Демин В.Н.* История и типология жанров коми поэзии.– Екатеринбург: УрО РАН, 1997.

6. *Латышева В.А.* Драматургия и жизнь.– Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.

Tatyana Kuznetsova

MODERN KOMI LITERATURE: THE BASIC TENDENCIES OF DEVELOPMENT

The Komi literature of the second half of the XX – beginning of the XXI centuries is studied. Characterizing the artistic search of the literature, the author distinguishes definite stages in its artistic evolution, reveals the main regularities in the development of prosaic, dramatic and poetic genres. If in the 60–80-s the komi literature has gone through qualitatively new stage of the aesthetic development, then at the turn of the century it is in an uneasy state of searching the artistic conceptions. Going through the «perestroika» syndrome, reflected in discussion of the politicized problems, it drawn towards the study of complex interrelations of the world and the man, trying to accentuate attention on the main aspects of the spiritual life and the sphere of the heroes' feelings; gradually becoming free from the influence of the sociologized conceptions, the modern komi literature tries to concentrate the searches on the problems of the history and culture of people.

«Финно-угроведение», 2004. №1

Юрий Калиев
Бирск

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ «ВЕРХНЕГО МИРА» В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МАРИ

Реконструкция модели «верхнего мира» в мифологических представлениях мари вызывает необходимость выяснения логического механизма ее конструирования. Осмысление «новой реальности» должно было включать прежде всего ее содержательно-смысловое оформление. Иначе этот мир оказывался вне пределов устоявшегося культурного горизонта. Смыслообразующий, а значит, и наделенный символической определенностью должен быть отмечен прежде других образ, обладающий всеобщностью и имеющий субстанциональную значимость. Именно такого рода качественными параметрами обладал образ «Юмо», приобретший к этому времени значение «небесной тверди».

Будучи всеобщей и исходной данностью, олицетворением «второго», сотворенного верхнего мира, Юмо становится основой для характеристики и других вознесенных в заоблачную высь образов. Сама идея вознесения Юмо (очевидно, и не только Юмо) мыслится как акт разделения идеи образа от облика образа. Иначе говоря, это своеобразное «снятие», логическая операция над образом – пример выдающегося полета мысли первобытного человека. Если до этого события Юмо выражал собою суть «белого света», т.е. нерасчлененного единства среднего и верхнего миров, то отныне Юмо существует уже как образ-понятие, образ-символ.

Идея образа Юмо, возникшая как снятие слепка со среднего мира, понималась одновременно как снятие слепка из всего духовно-культурного континиума. Вследствие чего и остальные образы верхнего мира оказались определяемыми и зависимыми от их всеобщего основания. Другими словами, они существовали лишь в контексте с Юмо. Поэтому должны были быть отмечены маркером *«юмын»* (букв. принадлежащие Юмо).

Эпитетом «*юмын*» марийцы наделяют ряд животных, птиц и растений. Такого рода характеристика, без сомнения, является выражением их сакрального понимания. К числу «*юмын*» относились: *шордо* – лось (хотя у марийцев, как и у большинства других финно-угорских народов, лось и олень зачастую путались), *йӱксӧ* – лебедь, *юмынкомбо* или *кайыккомбо* – дикие гуси, *юмынтага* – бекас, *кӧгӧрчен* или *кеде* – голубь, *вараксим* – ласточка, *куку* – кукушка, *пызле* или *пызылме* – рябина и др.

Почитание этих животных и птиц связывают подчас с их тотемистической природой (1). Если даже допустить, что их культ некогда и был связан с тотемистическими представлениями, то эти воззрения уже не играли какого-либо решающего значения в культе данных фетишей. К тому же вряд ли рябина могла иметь отношение к тотемистическому мировосприятию. Поэтому понимание этих представителей земной фауны и флоры как *юмын* мы должны рассматривать в рамках той же логической операции «снятия» с мифологического образа *Юмо*. В связи с общей закономерностью развития мифосознания эпитет *юмын* следует понимать не как *священное* или *божественное*, а в значении *небесное*. Это уже впоследствии, в язычестве, в связи с антропоморфизацией Юмо и превращением его в верховное божество, прилагательное *юмын* приобретает смысл сакральной определенности в обозначении тех или иных явлений. Табуизация охоты и неприкосновенность лося или лебедя, объясняемая тем, что лось является *юмын имне* (конем юмо), а лебедь – *юмын кайык* (птицей юмо),– несет в себе смысл мифологического, нежели религиозного, языческого миропонимания.

В отличие от подземно-подводного мира, где обитают тени-двойники в виде темных очертаний, на небесах мыслится яркий, следовательно, воздушно-прозрачный и поэтому невидимый образ небожителей. Лишь их контуры мерцают вспышками яркого света ночных светил на темном фоне ночного неба. Реальный облик они приобретают только будучи воплощенными в свою земную оболочку и представ, таким образом, в качестве материального двойника своего небесного прообраза.

Сказанное не просто позволяет утверждать, что астральная картина в качестве одного из своих источников имела тотемистическую мифологию. И даже не новую констатацию дихотомии образа и облика культовых объектов. Перед нами понимание принципиальной возможности существования образа вне какого-либо материального вы-

ражения. Иначе говоря, вне земного – среднего – мира существуют образы в чистом виде, образы как таковые. Мир образов, если еще и не трансцендентный мир, то, по крайней мере, это мир чистых, а значит, идеальных образов – их концепта.

Говоря о взаимосвязи астрального и тотемистического миропонимания, отметим, что тотемистическая мифология является формой переноса на природу социальных по происхождению кровно-родственных отношений, формой взаимосвязи человека с природной фауной. Поэтому тотемистическая мифология отражает горизонтальные связи на уровне их земного бытия. Астральная мифология возносит земное бытие (включая и космогоническую, и тотемистическую картины), в результате его проецирования, в область космического пространства.

Однако само художественно-образное осмысление звездного неба совершается на основе матричной модели космогонического мифа. Рассматривая этот процесс в контексте связи *мать-сын,* восходящий к архетипу *утка-яйцо* уральского космогонического мифа, можно рассматривать эту взаимосвязь как форму осмысления природно-социального синкретизма. Социальное в данном случае еще предполагает его расширенное понимание, понимание как сотворенного, окультуренного, социально адаптированного, следовательно, мифологически осмысленного мира. Поэтому в мифологической картине финно-угров природно-социальный дуализм приобретает смысл соотношения изначально-матриархальной, а значит, и сакрально-непостижимой стихии в виде образов-праматерей и включенной в культурный горизонт природно-социальной «реальности». Окультуренное при этом – это не просто преобразованный мир природы и мир людей, окультуренное предусматривает все охваченное и осмысленное человеческим разумом пространство. Таким образом, и социальное (в рамках такого восприятия действительности) – это весь сотворенный космос, к тому же поделенный в нравственном отношении на две противоположные части: мир добра и зла, осмысленный в вертикальной оценочной шкале как верхний и нижний миры. Нравственный образ, отделенный от его земного прообраза, или социальный идеал добродетелей и воплощен в образе-понятии Юмо. Поэтому и эпитет *юмын* одновременно есть выражение нравственного в его абсолютном значении, то есть в значении непререкаемой ценности.

Вкладывая в содержание эпитета *юмын* смысловые составляющие «небесное» и «нравственное», попытаемся рассмотреть ряд астраль-

ных образов, довольно часто встречающихся в заговорных формулах марийцев. Одним из наиболее устойчивых является образ *кава менге* (небесного столба) – варианты *тул менге* (огненный столб), *кӱртньӧ, ший, шӧртньӧ менге* (железный, серебряный, золотой столб). В текстах заговорных формул встречается также выражение *«мланде рӱдӧ гыч нӧлталалтше ший менге»* (из центра земли восходящий серебряный столб) (2, с. 46). Итак, это образ не столько небесный, сколько субстанционально-всеобщий, космический, пронизывающий все миры,– столп мироздания. Очевидно, такое понимание скорее восходит к архаической традиции, к образу *земного столба,* поставленного некогда космогоническим демиургом в архаическом варианте уральского космогонического мифа (МНП – по Напольских) (3).

В мифологическом наследии марийцев данный диалект уральского космогонического мифа не прослеживается. Он характерен больше для обско-угорских и самодийских народов. Но присутствие в магических текстах, в «низшей мифологии» элементов МНП свидетельствует о древнеуральском пласте в духовной культуре всего финно-угорского мира. По крайней мере, об этом можно судить из содержания карело-финского эпоса Калевала. Йоукахайнен в своей хвастливой песне отмечает, что он «утвердил столб воздушный» в период творения мира (4, с. 42).

Однако образ небесного, воздушного столба в мифологии марийцев – это образ скорее небесный, нежели космогонический. Да и в Калевале, по сути дела, это уже далеко не земной, а надземный, небесный столб. В марийской народной песне мы также обнаруживаем его понимание как образа *верхнего мира*.

Кӱшныжат йӱксӧ чоҥешталеш,	Лебедь, пролетая в вышине,
Кава менгеш шинчын каналеш...(5)	Отдыхает, садясь, на *небесный столб*...(5)
	(перевод автора)

В космогонической модели мира этот столб символизирует центр мироздания, очевидно, и возведенный в верхний мир, он должен был стать центральным образом в полотне астральной картины. Ведь для осмысления центра астрального мира посредством ассоциации сами ассоциированные образы должны быть реконструируемы и легко узнаваемы в очертаниях известных звездных скоплений. По всем параметрам для этого подходила Полярная звезда – единственно неподвижная в Северном полушарии звезда, вокруг которой вращался ноч-

ной небосвод. В непосредственной близости от *небесного столба* располагалось созвездие лося – *шордо шӱдыр*. Оно отождествлялось с созвездием Большой Медведицы. Зрительное соединение семи ярких звезд созвездия создавало абрис лося с непропорционально большой головой и длинной шеей. Именно такое, ставшее каноническим, изображение лося встречается с неолитического времени в полосе распространения финно-угорских племен от Урала до Скандинавии. Поэтому не без основания мы можем утверждать о появлении такой трактовки образа, как возникшего из культа небесного лося.

Третий астральный образ – это образ лебедя – *йӱксӧ* или *юмын кайык* (небесной птицы). Несмотря на то что народная память не сохранила название созвездия лебедя, оно может быть легко локализовано в полотне ночного неба в непосредственной близости от Полярной звезды – *небесного столба*. В одной из народных песен можно обнаружить следующие строки:

Йӱксӧ чоҥешта шӱдыр ужын,
Куку чоҥешта ер ужын (5).

Лебедь летит, ориентируясь (глядя) на **небесную ось**,
Кукушка летит, ориентируясь (глядя) на озеро (5).

(перевод автора)

В марийском языке слово *шӱдыр* имеет три различных значения: ось, веретено, звезда. Все эти смысловые оттенки данного слова взаимосвязаны и, думается, обязаны своим происхождением астральному миропониманию. Да и означают они одну и ту же Полярную звезду. В одном контексте она предстает как *небесный столб*, в другом – как *небесная ось*, в третьем мы встречаем ее понимание как *небесного веретена* и, наконец, слово *шӱдыр* превращается в название звезды вообще.

В нашем фрагменте отмечаются два образа, понимаемые как *юмын* (небожители),– *лебедь* и *кукушка*. Каждый из них описывается во взаимосвязи еще и с другим астральным образом, что позволяет связывать его с контекстом и определить хотя бы в общих чертах его местопребывание в полотне художественно-образной модели звездного неба. Здесь *лебедь* и *кукушка* представлены в едином континиуме и тем самым связаны одной общей идеей, которая, как представляется, лежала в основе фольклорного текста, а не вытекала из содержания целостной астральной картины. Песенный сюжет соединил воедино две разноуровневые мифологемы.

Образ *кукушки* в представлениях марийского народа является одним из сложнейших образов. Он имеет ряд мировоззренческих аспек-

тов понимания. Наиболее поздним его маркером следует считать образ *вдовы*. Широкое распространение фигурок кукушки в намогильных столбах и кладбищенских воротах свидетельствует о понимании *кукушки* как медиатора между мирами или ее связи с душой умерших (6, с. 388). Но то, что она часто изображалась на могильном столбе, символизировавшем собой земной прообраз небесного столба, отражает часть мифологической картины, связанной с астральными представлениями. В заговорных формулах мы часто встречаем мотив *юмын куку* (небесной кукушки), сидящей на огненном столбе (варианты серебряный, золотой, медный столбы). Однако в анализируемом тексте, очевидно, представлена не эта ипостась *юмын куку,* а более ранняя, восходящая к субстратной *линии матери* в развитии мифологических представлений. Об этом свидетельствует образ *озера* как выражение первичного материнского лона.

Лебедь и *небесная ось* связаны друг с другом одним семантическим полем. Поэтому они рассматриваются в рамках единой модели, художественно-образной парадигмы понимания звездной картины. *Кукушка* и *озеро* образуют другое системное единство. В нашем тексте вторая строка *«кукушка летит, глядя на озеро»* является не просто перифразой начальной строки *«лебедь летит, глядя на небесную ось»*, а антитезисом, выражающим противоположное миропонимание, иную мифологическую картину. Включение в текст двух противоположных мифологических моделей выглядит не вполне оправданно. Но если учесть, что песенный сюжет возник в более позднее время и тем не менее он сохранил традиционную дихотомию «мать – сын», то, очевидно, здесь мы имеем дело с основным вариантом астральной мифологической модели, образованной на основе культа Юмо как небесной тверди, и вариантом ремистикации матрилокальной традиции, хотя уже не на уровне космогонического миропонимания. В фольклорном сознании мифологическое может быть сведено воедино вне их действительного контекста, то есть к одной смысловой конструкции может быть сведено несводимое.

Несмотря на то что *лебедь* и *кукушка* в архетипе имеют разные смысловые и информационные контексты, но, будучи описаны в единой системе культурного пространства, представляют собой составляющие одной метасистемы. Ведь в таких консервативных источниках, каковыми являются фольклорные, никогда не бывает ничего лишнего. Века шлифуют эти фрагменты «застывшей речи», сохраняя лишь

важные и значимые образы. В свете этого включение данных образов в единый смысловой, а значит, и в информационный контекст свидетельствует об устойчивости и закономерности такого рода «связки». Да и образ *небесной кукушки*, расположенной на вершине *небесного столба*, характеризует его как одну из составляющих астральной мифологической картины. Подтверждением тому является сюжет следующей марийской песни:

Возалме тӧшакет, ай, йӹксӧ пун,
Мындеретше – куку пун.
Ачана куку, авана йӹксӧ –
Йӹксӧ-кукун игыже ме улына. (7, с. 18)

Перина, на которую укладываешься,
Из лебединого пуха.
Подушка твоя из пуха кукушки.
Отец наш кукушка, мать – лебедь.
Мы с тобой птенцы кукушки и лебедушки.
(перевод автора)

Та же мысль прослеживается и в другом фрагменте:

Юмын куку ачам уло,
Куку шулдыр авам уло… (5)

Отец мой небесный – кукушка,
Моя матушка – кукушкино крылышко…
(перевод автора)

В наших текстах, хотя и опосредованно, но все же прослеживается мысль о лебеде и кукушке как о первопредках. Таким образом, мы все же находим подтверждение о происхождении астральных персонажей, являющихся изначально тотемистическими, следовательно, и о формировании астральной мифологии, ее образов, в том числе и на основе наличного тотемистического мировосприятия.

Сказанное позволяет утверждать, что рассмотрение *лебедя* и *кукушки* в качестве образов одной мифологической картины есть свидетельство наличия целостной моноструктурной художественно-образной астральной конструкции. Очевидно, сами эти образы могли быть одновременно и составляющими других форм мифологических, да и не только мифологических мировоззренческих систем: религии, морали, фольклора и т.п. Полиструктурность сознания первобытного человека и определила возможность существования в их представлениях различных ипостасей образов. Образы, обладая функциональной многогранностью, могли «присутствовать» одновременно во многих смысловых контекстах, абсолютно не отрицая друг друга.

В этом отношении миф следует понимать и как форму коммуникации между различными составляющими мировоззрения. Миф, будучи ядром сознания, являлся его всеобщим основанием. Другие элементы

сознания «черпали» из мифа архетипы для своих конструкций. Но и сам миф, как представляется из наших данных, не был монолитной целостностью. Миф обладал гибкой структурой и имел к тому же так называемое свойство «принципиальной незавершенности» (5). Мифологический мир сознания, как иерархическая структура, является и коммуникацией, и взаимодействием своих составляющих элементов. Вот почему и возникла возможность «переноса» образов одной системы в другие.

Очерчивая поле мифологического освоения астрального пространства, следует отметить, что внимание наших предков фиксировало *небесный столб* не иначе, как посредством вращения вокруг него наиболее заметного созвездия, каковым является созвездие Большой Медведицы. Именно круговое изменение пространственного положения последнего выявило исходный центр и таким образом позволило формировать представление об образе *кава менге (небесного столба).* В этой связи созвездие Большой Медведицы, по-марийски *Шордышӱдыр* (т.е. созвездие лося), должно было стать и оно действительно стало одним из определяющих образов в становлении картины звездного неба.

Исследователи отмечают связь мотива лося северорусской вышивки (очевидно, финно-угорский субстрат в русской культуре) с культом «небесных лосей» (8). В вышивке практически у всех финно-угорских народов образ оленя-лося является одним из ведущих. Небесную природу культа лося у финно-угров отмечал в свое время А.Ф. Анисимов (9, с. 59).

В карело-финском эпосе «Калевала» встречаем иллюзорный персонаж в облике лося – «лось Хийси», которого обязан был поймать эпический герой Лемминкайнен. Злой дух Хийси сотворил его из пня, мха, коры, веточек и жердей (9, с. 59). Мотив поимки «лося Хийси» во многом напоминает мотив охоты культового героя обских угров на небесного лося, вследствие чего остался след от его лыж на небесах в виде Млечного Пути и появился, в результате данной охоты, образ лося на звездном небосклоне (4, с. 139). Очевидно, отголоском данного сюжета являются представления хантов о появлении лосей на небесах. Считалось, что раньше лося на небе не было. Его взял туда бог Торым (Нуми-Торум). Лишь сам Торым мог охотиться на них. Созвездие Большой Медведицы ханты называли «курынг вой хес» – созвездие лося (10). В рунах «Калевалы» созвездие Большой Медведицы также называется то Медведицей, то Лосем. Таким образом, круг представлений родственных народов о «небесном лосе» мало чем от-

личался от подобных воззрений марийцев. В связи с этим думается, мотив «небесного лося» был непосредственно связан с данным созвездием и его канонический образ был далеко не случайным в мелкой пластике финно-угров.

Зафиксировав образ «небесного лося» в мифологическом полотне звездного неба, обратимся к марийским заговорным формулам. Они состоят из двух частей: в первой части перечисляются условия, препятствующие реальному или мнимому нежелательному действию, во второй – отговаривается «наличное» зло или недуг. Отговор строится по принципу возврата к исходному положению или желательному результату. Одним из важнейших в реализации идеи «возврата» условий является использование так называемых «вращающихся» объектов и явлений. Созвездие лося считалось вращающимся, следовательно, и возвращающимся к исходному состоянию. Поэтому среди отговоров, наряду с солнцем, луной, встречается и вербальная конструкция *«Шордышӱдыр пӧрдеш, пӧртылеш»* (созвездие лося вращается, возвращается). *Пӧртылеш* (возвращается) буквально означает не что иное, как «идет к себе домой». Глагол *пӧртылеш* образован от существительного *пӧрт* (дом, жилище).

Для воссоздания мифологической картины звездного неба представляется важным найти взаимоотношение между ее составляющими образами. Пока мы можем вести речь о точном расположении в полотне астральной картины лишь *небесного столба* и *небесного лося*. Расположение образов *лебедя* и *кукушки* определяется только их соотношением к другим «небожителям». В песенном фольклоре марийцев образ лося, как правило, наделяется весьма выразительной динамичной характеристикой. Для этого употребляется возвышенный слог с такого рода глагольной конструкцией, как *йорта* или *йорталеш* (шествует). В одной из таких песен обнаруживается взаиморасположение созвездий *лося* и *лебедя*.

Кӱшныжат йӱксӧ чоҥешталеш,
Ӱлныжӧ шордо йорталеш... (5)

Наверху лебедь пролетает,
Под ним шествует лось... (5)
(перевод автора)

Такого рода соотношения подчеркивают не столько их сферы обитания, сколько взаимосвязь между ними, как сакральными образами. Ведь и первый, и второй являются образами, маркируемыми эпитетом *юмын*, т.е. небожителем. Поэтому использование образов этих почитаемых фетишей в устно-поэтическом творчестве в едином контек-

сте (а в марийской песенной традиции первая часть четырехстрочья является исходной, обосновывающей последующую мысль идеей) является подтверждением их как составляющих единой мифологической целостности.

Иллюстрацией эпизода этой марийской песни является пластина из рога, найденная в 1978 г. во время археологических раскопок поселения Борщевы дьяковской культуры IV–III вв. до н.э. Композиция из фигур лебедя и лося поражает динамизмом. Фигура лося изображена в левом профильном повороте; динамизм выражен и вытянутой вперед шеей, и в приподнятом крупе. Птица изображена в той же манере, что и лось – в левом профильном повороте показаны две лапы. Вытянутая вперед шея, приподнятое крыло, расправленный хвост производят впечатление птицы в полете, а вытянутые лапы и наклоненная вперед голова – летящей птицы в момент приземления. Группы вертикальных линий дополняют композицию, образуя средний ярус, между фигурами птицы и лося (11, с. 15).

Полное повторение сюжета, изображенного на пластине из Борщевы, Х.И. Крис обнаружила далеко от дьяковских городищ в Среднем Прикамье на каменном пряслице из ананьинского поселения Половино. Несмотря на предельный схематизм, динамично выглядит фигурка птицы, устремленной в полете вниз, к фигурке лося. Фигурку птицы и лося на пряслице разделяет горизонтальная ломаная линия, которая, по мысли автора, может нести ту же смысловую нагрузку, что и группы вертикальных линий на пластине из Борщевы (12, с. 56–57). Тот же сюжет отмечен и на миниатюрном сосудике из Троицкого городища, где «…изображены очень схематично две фигурки в левом повороте: впереди птичка, а за ней лось. Под фигуркой лося – волнистая линия» (12, с. 58).

Аналогичное композиционное решение прослеживается и в онежских петроглифах II тыс. до н.э., где лебедь, лось и синтетическое (синкретическое) существо с клювом птицы и туловищем животного расположены вокруг центрального пятна – точки с двумя короткими лучами. И здесь фигурки находятся в левом повороте (12, с. 58). Тот факт, что во всех этих фрагментах изобразительного искусства запечатлен однотипный эпизод художественно-образной модели астральной картины, является свидетельством устойчивости традиции и единства мировоззренческой парадигмы всего финно-угорского мира.

На всех изображениях лебедь передается более масштабно, неже-

ли лось. За исключением онежского петроглифа, лебедь везде показан летящим. (Отметим, что это более ранняя прорисовка мифологического сюжета.) Думается, архаичностью понимания объясняется то, что данное изображение отличается статичностью композиции. Но в онежском памятнике статичность рисунка имманентно содержит в себе скрытую динамику, выражаемую ритмичностью образов. Здесь динамичность подразумевается еще и центральным образом – «осью». Два коротких лучика, исходящие от «оси»,– суть интервалы ее перемещения, изменения ее пространственного положения относительно других образов, расположенных вокруг исходного центра. Другими словами, *небесная ось* «шагает» вокруг самой себя. Через эти лучики реализуется идея о наличии «первоисточника движения», где вращающаяся ось задает движение всему звездному своду.

Наиболее полно подобная идея вращения звездного неба вокруг *небесной оси* выражена в изображении каменного пряслица. (Пряслице – груз округлой формы с отверстием в середине, надеваемый на веретено для устойчивости и скорости вращения.) Само пряслице вместе с веретеном представляло модель космического мироустройства. А потому и изображенные образы осмысливались как вращающиеся. Идее вращения подчинен и профильный поворот изображаемых животных. Левосторонняя ориентация образов вызвана желанием древних художников указать направленность движения, точнее, вращения вокруг «оси» – *шӱдыр*.

Общим в изображениях онежского петроглифа и ананьинского пряслица является еще один образ – образ «северного грифона» (синкретического существа с туловищем животного и клювом птицы). В первом случае «северный грифон» передан с предельным реалистическим синтезом черт птицы и животного, во втором – представлен весьма схематично. В устном народном творчестве марийского народа мы обнаруживаем этот образ среди разряда *юмын* (небожителей). Таковым является *юмынтага* (небесный баран). Так называют птицу – бекас, из-за звука, напоминающего блеяние барана, издаваемого боковыми перьями во время полета.

Итак, изобразительное творчество древних художников и устно-поэтическое (песенное) наследие марийского народа очерчивают практически одинаковый круг астральных образов, ритмически расположенных вокруг *небесного столба (оси)*. И эта мифологическая картина представляет ту исходную модель верхнего мира, которая впоследствии

станет основой для дальнейшего осмысления астральных образов и развития представлений о *небожителях*.

Сказанное позволяет утверждать, что астральная мифологическая картина в качестве одного из своих источников имела тотемистическую мифологию. Тотемистический миф является формой мироосвоения земной реальности посредством переноса на природу социальных, а значит, согласно уровню постижения общественных реалий, кровно-родственных отношений. В этом плане астральную картину надо признать шагом вперед в развитии мифологического освоения мира. Тотемистическое миропонимание отражает горизонтальные связи между людьми и природой на одном уровне – уровне «среднего мира». Астральное же земное бытие «возносит» в область космического пространства. Следовательно, и окружающий мир осмысливается как с горизонтального, так и вертикального измерения. Таким образом, целостность мироздания получает трехмерную определенность.

Формирование астральной картины мира – не просто перенесение в область космического пространства земного мифологического комплекса представлений. Это еще один кризис мифологического сознания. Предшествующий перелом в мировосприятии был обусловлен возникновением в недрах мифа морального, ценностно-оценочного понимания. Это был, выражаясь литературоведческой терминологией, «кризис жанра». Теперь же развитие мифологического сознания переживает своеобразный ренессанс. Это было обусловлено тем, что для дальнейшего своего «глубокого и интенсивного изменения» мировоззрение прибегает к «кризису принципов» (13, с. 72). Ведь в основе идеи отделения Юмо от людей лежала идея нравственной неравноценности между ними. Иными словами, мораль «эксплуатируется» для развития мифологического понимания мира. Происходит некое «отрицание отрицания». Мораль, возникшая как отрицание мифологического сознания, вновь отрицается. Таким образом, констатируется самодостаточность мифа и его значимость для создания глобальной картины мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Васильев В.М.* Тотемические пережитки в воззрениях марийского народа // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Ед. хр. 15.

2. Юзо мутат утара (Сборник марийских заговоров). Б.м., Б.г.

3. *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции (Прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза», вып. 5.– М.: ИЭА, 1991.

4. Калевала.– Л., 1984.

5. ПМА (Полевые материалы автора). д. Чебыково Мишкинского р-на Республики Башкортостан, д. Ошурга Медведевского р-на Республики Марий Эл.

6. *Wichmann J.* Tscheremissische Texte.– Turku, 1956.

7. *Васильев В.М.* Мари муро.– Казань, 1917.

8. *Сагалаев А.С.* Урало-алтайская мифология. Смысл и архетип.– Новосибирск, 1991.

9. *Анисимов А.Ф.* Космологические представления народов Севера.– М.-Л., 1959.

10. *Гондати Л.Н.* Следы язычества инородцев Северо-Западной Сибири.– М., 1988.

11. *Сидоров А.С.* Идеология древнего населения коми края // Этнография и фольклор коми.– Сыктывкар, 1972.

12. *Крис Х.И.* Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // Российская археология, 1995. № 4.

13. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? – М., 1991.

Yuri Kaliev

ABOUT THE PECULIARITIES OF FORMING OF THE «UPPER WORLD» PICTURE IN MYTHOLOGICAL CONCEPTIONS OF THE MARI

The author of the article considers the astral model of world of the Mari, its continuity with the archaic cosmogonical and tothemystic mythology. Revealing the forming of the «upper world» model as a result of crisis of complete cosmogonical picture, which depends on the beginning of moral, the author shows the moral importance as a social factor in further evolution of the mythological world perception.

The main key in understanding of system of astral conception is the image of Yumo. Suffering some cosmotogonical demiurge transformations in the way from the look of the drake to the image of symbol, Yumo in astral mythology is understood as «divine stronghold», as general basis of the universe and as the expression of moral one in its absolute meaning. Afterwards, this conception became an important thing in transformation of Yumo to supreme pagan deity.

An attempt to identify the astral appearance with a number of constellations was made in the article. On the basis of the field materials, common motives, images and associations of Mari people with the astral idea (notion) of the other Finno-Ugric people are revealed. However, its final decision demands inclusion materials of the Finno-Ugric and a number of other people neighboring with them.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И НАРЕЧИЯ С МОРФЕМОЙ *НИ-* В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Марийский язык весьма богат средствами отрицания. Они образуют строгую систему, где у каждой единицы своя сфера выражения и функционирования. Так, широко употребляются следующие отрицательные средства: приглагольные отрицания, специализированные для каждого наклонения, времени, числа, лица; слово *уке* 'нет', выступающее не только как частица, но и как самостоятельная предикативная единица и часть предиката, а также как полнозначная лексема с отвлеченным предметным значением; частица *огыл* 'не', обслуживающая любой отрицаемый член предложения; полные формы отрицаний глаголов настояще-будущего времени (*огым* 'я не ...', *огыт* 'ты не ...' и т.д.), оформляющие самостоятельные отрицательные предложения; морфемы каритивного значения – суффикс *-де* деепричастий (а также абессива в горном и северо-западном наречиях), суффикс *-дыме (-дымо, -дымӧ)* причастий и прилагательных, суффикс *-дымаш* отвлеченных имен существительных; сочинительный союз *ни ... ни* 'ни ... ни', усиливающий отрицание и подчеркивающий отрицаемые явления в отрицательных предложениях; словообразующая морфема *ни-* в отрицательных местоимениях и местоименных наречиях, интонация (у утвердительно оформленных предложений) и другие.

В данном ряду особое место занимают слова с каритивной морфемой *ни-*: местоимения *нигӧ* 'никто', *нимо* 'ничто, никакой', *нигудо* 'некоторый, никто из ...', *нимогай* 'никакой', *нимыняр(е)* 'нисколько, ничуть', *нигунар(е)* 'нисколько, ничуть'; наречия *нигушто* 'нигде, негде', *нигуш(ко)* 'никуда, некуда', *нигушан* 'нигде, негде', *нигушеч(ын)* 'ниоткуда, неоткуда', *нигунам* 'никогда', *нигузе* 'никак', *нимолан* 'незачем, не для чего, ни для чего; не за что, без причины', *нимучашдымын* 'бесконечно, бескрайне, безгранично', *нимаят, нимачат* (разг.) 'нисколько,

ничуть'; прилагательные *нимодымо* 'неимущий, нищий, бедный; бедняк', *нимучашдыме* 'бесконечный, бескрайний, безграничный', *нигунамсе* (функционирует в адвербиальных и адъективных сочетаниях с послелогом *деч*, передается конструкцией 'больше, лучше ... чем когда-либо'), а также редко употребительные слова: существительное *нимодымылык* 'бедность, убогость', числительное *нимынярымше* 'некоторый'. Как видно, бóльшую часть среди них составляют отрицательные местоимения и наречия.

Известно, что лексемы с такой (или подобной) морфемой, преимущественно местоимения и наречия, наличествуют и в других родственных языках: карельском, вепсском, саамском, удмуртском (*но-*), коми (*не-, ни-*), хантыйском и мансийском (*нэм-*), селькупском.

Финно-угроведы данную морфему возводят к различным источникам. К.Е. Майтинская в ранних работах считала, что она 'имеет финно-угорскую этимологию', и приводила параллели марийскому *ни-* из коми, удмуртского и всех угорских языков (8, с. 84, 101, также 5, с. 172). В основном такие же соответствия даются при коми *нем* 'ничто, ничего' в этимологическом словаре коми языка (7, с. 187). В более позднем исследовании по историко-сопоставительной морфологии финно-угорских языков К.Е. Майтинская частицу *ни-* в карельском, вепсском, марийском, коми языках признает заимствованной из русского языка (10, с. 229). Такого же мнения относительно происхождения данной морфемы марийские лингвисты А.А. Саваткова (15, с. 62, 71, 105; 16, с. 171), Г.И. Лаврентьев (6, с. 47), И.С. Галкин (3, с. 41). Е.Д. Прокофьева считает «частицу» *ни* отрицательных местоимений в селькупском языке «заимствованной из русского языка» (26, с. 406).

Необходимо отметить, что местоимения и наречия с подобной отрицательной морфемой встречаются и в некоторых тюркских языках: чувашском (*ни*), туркменском и турецком (*не*), узбекском (*на*). По мнению этимолога В.Г. Егорова, «частицу эту чуваши получили от русских, а тюрки – от персов» (4, с. 139).

Как во всем финно-угроведении, так и в марийской лингвистике до настоящего времени не определен статус самого деривационного элемента рассматриваемой группы слов. Одни исследователи – Н.Т. Пенгитов (13, с. 86, 156), В.А. Ефремов (20, с. 307), Н.И. Терешкин (26, с. 329), К.Е. Майтинская (9, с. 263; 10, с. 229), И.С. Галкин, Н.Т. Пенгитов, З.В. Учаев (11, с. 16), М.И. Зайцева (5, с. 172), И.С. Галкин (20, с. 147; 3, с. 41), И.Г. Иванов, И.С. Галкин (12, с. 13), З.В. Учаев

(25, с. 171), Л.П. Васикова (2, с. 552), А.А. Саваткова (15, с. 62, 71, 105; 16, с. 171) – квалифицируют морфему *ни-* как словообразующую частицу; другие – К.Е. Майтинская (8, с. 84, 101–102), З.В. Учаев (21, с. 36; 22, с. 178), Л.П. Васикова (1, с. 107) – как частицу-приставку (частицу-префикс); третьи – Е.Г. Жижева (19, с. 203), А.А. Саваткова (15, с. 62), Г.И. Лаврентьев (6, с. 45, 145), З.В. Учаев (24, с. 76, 100, 106), О.А. Сергеев (17, с. 120–121) – как приставку (префикс); четвертые – И.Г. Иванов, И.С. Галкин (12, с. 11), З.В. Учаев (25, с. 107) – избегают каких бы то ни было терминов. Нетрудно заметить, что часто одни и те же лингвисты в разных исследованиях, а иногда даже в рамках одной работы оперируют неоднозначными названиями для обозначения каритивной морфемы в составе местоимений и наречий.

Как и в других, в том числе финно-угорских, языках, в марийском языке отрицательные местоимения и наречия употребляются в преобладающем большинстве случаев в общеотрицательных предложениях, где сказуемое выражается самыми различными способами: глаголом отрицательного спряжения разных наклонений и времен, предикативным словом *уке* 'нет' (со связками и без них), конструкцией отглагольного имени существительного с суффиксом *-маш* и слова *уке* 'нет', отрицательно оформленным именным сказуемым и т.д. Например (все примеры являются цитатами из произведений художественной литературы, взятыми из картотечного фонда МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева): ***Нигӧ*** *ыныже шиж гына* 'Лишь бы никто не заметил'; *Сайым* ***нигунам*** *ом мондо* 'Добра никогда не забуду'; *Патыр ен* ***нигуштат*** *ок йом* 'Сильный человек нигде не пропадет'; *Ок кодо йолташым йолташ* ***нигушан*** 'Друг не оставляет друга нигде'; *Шӱмжӧ* ***нигузеат*** *ок лыпланe* 'Его сердце никак не успокоится'; ***Нимогай*** *йолгорно уке* 'Никакой тропинки нет'; *Пасушто* ***нигӧ*** *уке ыле* 'На поле никого не было'; *Мый* ***нигушкат*** *коштмашем уке* 'Я никуда не хожу'; *Кече* ***нимыняр*** *сай огыл* 'День нисколько не хороший'; ***Нигушко*** *кайышаш огыл* 'Он никуда не должен идти'; *Палаш огыл* ***нигунам*** 'Не знать бы никогда'; *Тунемаш* ***нигунамат*** *вара огыл* 'Учиться никогда не поздно'.

Общеотрицательные предложения, в составе которых выступают отрицательные слова с морфемой *ни-*, по своей структуре могут быть неполными (в том числе эллиптическими), предикат отрицательного значения может быть опущен: *Тазаже годым юмо кӱлын огыл гын, кызытше* ***нимолан*** 'Когда был здоров, ему не нужен был бог, а сейчас незачем'; ***Нимолан*** *мылам пычат* 'Незачем мне ружье'; *Таужо* ***нимолан*** 'Спасибо-то не за что'.

Все отрицательные местоимения и наречия нередко употребляются в предложениях с утвердительно оформленным предикатом. Такими являются инфинитивные предложения со сказуемым, выраженным неопределенной формой глагола с суффиксом *-аш*. Отрицательные слова в них передают полное отсутствие объекта или пространственных, временных, причинных, целевых и других обстоятельств, необходимых для реализации названного инфинитивом действия: ***Нигӧм*** *вучаш,* ***нигӧн*** *верч ойгыраш* ‘Некого ждать, не о ком горевать’; ***Нигӧ дене*** *чон почын мутланаш* ‘Не с кем по душам поговорить’; *Купыраш* ***нимо нерген*** ‘Не о чем говорить’; *Илашыжат* ***нимолан*** ‘Незачем и жить’; ***Нигушко*** *вашкаш* ‘Некуда спешить’; *Илаш* ***нигушто*** ‘Негде жить’; ***Нигушеч*** *пураш, капка тӱкылымӧ* ‘Неоткуда заходить, ворота закрыты’. Как видно, местоимения и наречия в данном употреблении передаются на русский язык соответствующими единицами с морфемой *не-*. Вероятно, в марийском языке подобные предложения появились и развились под влиянием русского языка, где «отрицательные местоимения и местоименные наречия с префиксом *не-* ... употребляются только в собственно-отрицательных предложениях типа *Не с кем посоветоваться; Не о чем рассказать; Некуда пойти; Негде отдыхать*» (14, с. 404). К таким инфинитивным предложениям близки по смыслу предложения с отрицательно оформленным сказуемым, выраженным причастием будущего времени и словом *уке* ‘нет’: *Ынде* ***нимо деч*** *лӱдшаш уке* (ср. *Ынде* ***нимо деч*** *лӱдаш*) ‘Теперь нечего бояться’.

Некоторые отрицательные местоимения и наречия встречаются в составе утвердительного сказуемого (также утвердительного деепричастия и инфинитива), выраженного спрягаемой формой отдельных глаголов психофизиологической семантики, а именно: *ӧраш* ‘растеряться, смутиться, оробеть, побояться’, *лӱдаш* ‘бояться, испугаться’, *аптыранаш* ‘смутиться, оробеть, растеряться, опешить’, *сыраш* ‘разозлиться, рассердиться’ и т.д.: *Епрем* ***нимолан*** *ӧрын* ‘Епрем совсем растерялся’; *(Валя) чӱчкыдын* ***нимоланат*** *сырен кудалта* ‘Валя часто ни за что разозлится’; *Надзиратель-влак* ***нимолан*** *ӧрын курж талышытыт* ‘Надзиратели, совсем растерявшись, бегают’; *Офицер-влак* ***нимом*** *ышташ ӧрын ончылтыт* ‘Офицеры смотрят, растерявшись что-либо (букв. ничто) делать’; *(Кырлян ачаже)* ***нигуш*** *пураш лӱдын* ‘Отец Кырли испугался что-либо делать’; *Семон* ***нимом*** *пелешташат аптыранен* ‘Семен растерялся что-либо (букв. ничто) сказать’.

Отрицательные слова, снабженные послелогом абессивного зна-

чения *деч посна* 'без', а также выступающие в качестве зависимых при словоформах с каритивными морфемами *-де, -дыме* или абессивным послелогом, могут употребляться и часто употребляются в предложениях с предикатом утвердительной формы: *Калык* ***нимо деч посна*** *кодеш* 'Народ останется ни с чем (букв. без ничего)'; *Тыге* ***нимо ойгыде*** *лӱшкымӧ годым кудывечыш ик ӱдырамаш толын пурыш* 'Во время такого веселого (букв. без никакого горя) шума во двор зашла одна женщина'; *Калык ончылно (пайрем)* ***нимо титакдыме, сулыкдымо*** *гай шога* 'Пайрем стоит перед народом как совершенно (букв. *ничто* в значении: *нисколько*) невинный, безгрешный'; *(Сергей)* ***нимогай увер деч посна*** *йомо* 'Сергей пропал без (*никакой* в значении: *какой-либо*) вести'; *Нуно* ***нимогай разведке деч посна*** *эртеныт* 'Они прошли без какой-либо (букв. никакой) разведки'.

Каритивные местоимения и наречия употребляются в составе деепричастного и причастного оборотов. При этом деепричастие и причастие, как правило, являются отрицательными. Предикат предложений с названными оборотами в преобладающем большинстве случаев бывает утвердительным: ***Нигӧ дене вашлияш шоныде,*** *Келай чӱчӱж деке* ***ошкыльо*** 'Ни с кем не желая встретиться, Келай зашагал к дяде'; *Андрий,* ***нимом пелештыде,*** *управе деке куржын колтыш* 'Ничего не сказав, Андрий побежал к управе'; ***Нимогай йӱкым лукде,*** *кӧргашан пушенгылаште ӱнгӧ-влак шинчат* 'Не издавая никакого звука, в дуплистых деревьях сидят филины-пугачи'; *Петю* ***нимыняр аптыраныде*** *вашештыш* 'Петя ответил, нисколько не смущаясь'; *(Сузо) идалык мучко* ***нигуш кусныде*** *ила* 'В течение года глухари обитают на одном месте (букв. никуда не переселяясь)'; ***Нигунам мондалтдыме*** *ий-влак шурген эртышт* 'Бурно прошли (никогда) незабываемые годы'; ***Нигӧн шинчаш логалдыме*** *изи шӱгар лийын шинче* 'Появилась неприметная (букв. не попадающаяся ни на чьи глаза) могилка'. Весьма редко сказуемое в подобных предложениях имеет отрицательное оформление: *Кенеташте мо лиймым* ***нигузе умылен кертде,*** *нимом ыштен кертын огытыл* 'От внезапности совершенно (букв. никак) не поняв случившегося, они ничего не могли поделать'.

К ним близки по структуре предложения с причастным оборотом, снабженным абессивным послелогом *деч посна* 'без'. Такой оборот, обычно со страдательным причастием, может включать в себя отрицательное местоимение субъектной функции: *Агроном ден Олю коклаште йӧратымаш нигӧн тыршымыж* ***деч посна,*** *ике семын, ылыжын* 'Лю-

бовь между агрономом и Олей зажглась без чьего-либо усилия, сама по себе'.

Возможно употребление отрицательного местоимения в составе именного предиката, выраженного отрицательным причастием или существительным с отрицанием, а также в самой именной части: *План* ***нигӧлан йӧрыдымӧ*** 'План никому не годный'; *Васли* ***нимом колдымо лиеш*** 'Васли перестал что-либо слышать (букв. становится ничего не слышащим)'; *Нуно* ***нимогай демократ огытыл*** 'Они никакие не демократы'; *Тудо* ***нимогай Пугачат огыл****, а кугыжа* 'Он никакой не Пугач, а царь'; *Мыйын от лий гын,* ***нигӧнат от лий*** 'Если не станешь моей, то не будешь ничьей'.

В предложениях с местоимениями *нигӧ* 'никто', *нимо* 'ничто', *нигудо* 'никто из ...' (а также *нимогай* 'никакой', *нимыняр* 'нисколько' в заместительном употреблении) отрицается наличие какого бы то ни было субъекта (лица или предмета – в именительном падеже в двусоставном предложении; в родительном и дательном падежах в односоставном предложении), объекта или обстоятельства (в форме косвенных падежей и в послеложных конструкциях) действия: *Йорлын* ***нимат*** *уке* 'У бедняка ничего нет'; ***Нимат*** *ок кой* 'Ничего не видно'; ***Нигудыжат*** *мутым ынеш т лук* 'Никто (из них) не хочет заговорить'; *Могай сий?* ***Нимогай*** *ок лий!* 'Какое угощение? Никакого не будет!'; *Ожно могай машина ыле?* ***Нимогаят*** 'Раньше какая машина была? Никакой'; ***Нигудыжынат*** *икте-весым коден кайымыже ок шу* 'Никому (из них) не хочется оставить друг друга'; *(Митя) тыгай мутым* ***нигӧ дечат*** *колын огыл* 'Митя ни от кого не слышал такого слова'; *Павлуш* ***нимомат*** *ок ойло* 'Павлуш ничего не говорит'; ***Нигудо велымат*** *шиным от сеге* 'Никак (букв. ни с какой стороны) их не осилишь'; *Кызыт* ***нимо семынат*** *тӧрлатен от керт* 'Сейчас никак (букв. никоим образом) не исправишь'.

При необходимости отрицаемое явление может быть уточнено, названо в различной форме:

– предыдущим или последующим перечислением названий лиц или предметов: *Ни сад, ни театр, ни шотан клуб –* ***нимат*** *уке!* 'Ни сада, ни театра, ни нормального клуба – ничего нет!'; *Тидым* ***нигӧ****: ни тунык-тышо, ни тунемше-влак – шижын огытыл* 'Этого не заметил никто: ни учитель, ни учащиеся';

– препозитивным или постпозитивным существительным, причастием, прилагательным, называющими лицо или предмет: *Лӱдыкшыжӧ* ***нимат*** *уке* 'Ничего страшного нет'; *Утыжо* ***нимат*** *уке* 'Лишнего ниче-

го нет'; *Тӱняште ышташ лийдыме **нимат** уке* 'На свете нет ничего невозможного'; *Газетымат мемнан ялыш **нигӧ** нангайыше уке* 'Некому нести и газету в нашу деревню'; *Сийлашем **нимат** ӱянже уке* 'Чтобы угостить, у меня нет ничего масленого';

– широким контекстом: *Марий сӧрваленат йодын, шудалынат ончен, уке, **нимат** полшен огыл* 'Мужик и умолял, и ругал, нет, ничего не помогло'.

Предложения с местоимениями *нигӧ* 'никто', *нимо* 'ничто' (в значении: ни один человек, ни один предмет) , выражающими полное отсутствие кого-чего-л., могут содержать исключение, ограничение сферы отрицания. Последнее может оформляться именем существительным с послелогами *деч, деч посна* и послеложной конструкцией *деч моло* в значении 'кроме, кроме как': *Маска деч посна нуным тыге **нимат** кӱрыштын огыл* 'Кроме медведя, их никто так не раздирал'; *Эмганышым Оска деч моло **нигӧ** тӧрлатен ок керт* 'Кроме Оски, раненого никто (другой) не может вылечить'; *Пайда деч моло **нимат** ок лий* 'Кроме пользы, ничего (другого) не будет'; *Мылам шӱгар деч сайже **нимат** уке* 'Для меня нет ничего лучше могилы'; *«Уке» деч кумда, кӱкшӱ, кугу **нимат** уке* 'Нет ничего шире, выше, больше, чем «нет»'. Нужно признать, что конструкции с послелогом *деч* обозначают, помимо объекта исключения, предмет сравнения, обладающий каким-либо качеством самой высокой степени. Содержание всех подобных предложений может быть передано соответствующими утвердительными предложениями типа: *Маска веле нуным тыге кӱрыштын* 'Только медведь раздирал их так'; *Эмганышым Оска веле тӧрлатен кертеш* 'Раненого может вылечить только Оска'; *Пайда веле лиеш* 'Будет только польза'; *Мылам шӱгар веле эн сай* 'Для меня только могила лучше всего'; *«Уке» эн кумда, кӱкшӱ, кугу* '«Нет» шире, выше, больше всего'.

Иногда исключение в отрицании выражается более описательно – постпозитивным употреблением конструкций местоимений *нигӧ* 'никто', *нимо* 'ничто' со словами *уке (маныме) деч(ын), укеште* и последующей предикативной части ограничительно-выделительного значения: *(Сельсоветыште) **нигӧат уке маныме дечын** лач илалшырак ӱдырамаш тӱрым тӱрлен шинча ыле* 'В сельсовете (чтобы не сказать, что никого нет) сидела и вышивала только пожилая женщина'; *Нимодымо марийын **нимо уке деч** лач ик иныыже ыле* 'У бедного мужика (букв. от отсутствия всего) была только одна лошадка'. Во многих случаях конкретный предмет, явление исключения, узнается только в широком кон-

тексте: *Кабинетыштыже книга оптыман шкаф, ӱстел да пӱкен-влак, моло **нимат** уке* 'У него в кабинете шкаф с книгами, стол и стулья, другого ничего нет'.

Известно, что местоимения *нигӧ* 'никто', *нимо* 'ничто' имеют обобщающее значение 'все'. Оно ярко проявляется прежде всего в конструкциях с послелогом *деч*: *нигӧ деч* 'больше всех', *нимо деч* 'больше всего', *нигӧ деч гоч, нимо деч гоч* 'больше всех', *нигӧ деч ондак* 'раньше всех', *нигӧ деч ончылно* 'впереди всех', *нигӧ деч ончыч(ын)* 'раньше всех', *нигӧ деч почеш* 'позже всех', *нигӧ деч тале* 'сильнее всех', *нигӧ деч чот* 'больше всех', *нимо деч чот* 'больше всего'; *нигӧ деч эр* 'раньше всех' и других: *Пече вокте̄нысе пызле **нимо дечат** чевер* 'Рябина возле забора красивее всего'; *Мый тыйым **нигӧ деч гоч** вученам* 'Я тебя ждал больше всех'; *Нурвел ялже **нимо деч гоч** шерге лийын* 'Деревня Нурвел была ему дороже всего'; *Арулык шотышто тыйын пӧртет ялыште **нигӧ деч ончылно** шога* 'По чистоте в деревне твой дом лучше (букв. впереди) всех'; *Валерийын бригадыже **нигӧ деч ончыч** зимовкыш толын* 'Бригада Валерия раньше всех вернулась в зимовку'; *(Марина кува) малаш возеш **нигӧ деч почеш*** 'Баба Марина ложится спать позже всех'; ***Нигӧ деч сайын** пашам ышта* 'Работает лучше всех'; *Тудо **нигӧ деч чот** лӱшкыш* 'Он шумел больше всех'; *Ачам мончам **нимо деч чот** йӧрата* 'Мой отец баню любит больше всего'. Понятно, местоимения в таких конструкциях функционируют как объект сравнения, с качеством, особенностями которого сопоставляются превосходящее качество, особенности кого-чего-л. Из примеров видно, предикат в подобных предожениях имеет утвердительную форму.

В предложениях с местоимениями *нимогай* 'никакой', *нимо* 'ничто', *нигудо* 'никоторый, никакой', *нимыняр* 'нисколько', занимающими определяющую позицию в общеотрицательных предложениях, выражается отсутствие определяемого лица, предмета по всякому признаку, полное отрицание названного определяемого субъекта, объекта, обстоятельства действия: ***Нимогай** серышат уке* 'Нет никакого письма'; ***Нимогай** йӱкат ок шокто* 'Не слышно никакого звука'; *Макси **нимогай** паша дечат лӱдын огыл* 'Макси не боялся никакой работы'; *Панкрат Иваныч дечын ме **нимо** осалымат ужын онал* 'От Панкрата Ивановича мы не видели ничего плохого'; *Мый **нимогай** совещанийыштат лийын омыл* 'Ни на каком совещании я не был'; ***Нигудо** пӧлемыштат муын омыл* 'Я не нашел ни в какой из комнат'.

Местоимением *нигӧ* 'никто' в родительном падеже определительной функции передается отрицание любого возможного признака по принадлежности: ***Нигӧн*** *окна ончыло тыгай куэ уке* 'Ни перед чьим окном нет такой березы'.

Отрицательные наречия выражают отрицание какого бы то ни было обстоятельства действия – места (*нигушто*, *нигушан* 'нигде, негде'), какого-либо направления (*нигуш(ко)* 'никуда, некуда', *нигушеч(ын)* 'ниоткуда, неоткуда'), времени (*нигунам* 'никогда'), образа (*нигузе* 'никак'), цели и причины (*нимолан* 'незачем; не за что, без причины'): *Ег тошкалдыме корно* ***нигуштат*** *уке* 'Нигде нет дороги, куда бы не ступил человек'; *Мыйым* ***нигушко*** *ит колто* 'Меня никуда не отпускай'; *Тушкен* ***нигуш*** *ит кай* 'До тех пор никуда не уходи'; *Тидым* ***нигунамат*** *ом мондо* 'Этого никогда не забуду'; *Саша* ***нигузе*** *ыш вашеште* 'Саша не ответил никак'.

Нимыняр, нигунар, нигузе, нимат 'нисколько, ничуть' нередко выражают меру и степень отрицаемого действия, а *нимыняр, нигунар, нимат,* помимо этого, меру и степень отрицаемого признака (чаще всего выраженного в сказуемом). Они подчеркивают полное отсутствие определяемого действия или признака: *Мый* ***нимынярат*** *ом лӱд* 'Я нисколько не боюсь'; *Ме* ***нигунарат*** *ноен онал* 'Мы нисколько не устали'; ***Нигузе*** *омо ок тол* 'Никак сон не идет'; *Эргым тидым* ***нимат*** *ок умыло* 'Мой сын этого нисколько не понимает'; ***Нимынярат*** *тудо черле огыл* 'Он нисколько не болен'; *Мыжер* ***нигунарат*** *шыгыр огыл* 'Кафтан нисколько не узкий'; *Когылет* ***нимат*** *тамле огыл* 'У тебя пирог нисколько не вкусный'. Как свидетельствуют примеры, такие предложения обозначают действие, совершенно не имеющее места в действительности, а также признак, ни в коей мере не свойственный названному предмету.

В общеотрицательных предложениях возможно присутствие нескольких отрицаний с морфемой *ни-*. В них утверждается одновременное отсутствие какого бы то ни было субъекта и объекта, субъекта и обстоятельства, объекта и обстоятельства, разных объектов, а также отсутствие одновременно субъекта, объекта и обстоятельства, одновременно обстоятельств места (или направления) и времени: *Ик жап* ***нигӧ нимом*** *ыш пелеште* 'Одно время никто ничего не ответил'; ***Нигушто нимо*** *ок шокто* 'Нигде ничего не слышно'; *Овокам* ***нигӧат нигуштат*** *ужын огыл* 'Овоку никто нигде не видел'; ***Нигуштат нимогай*** *рожат ок кой* 'Не видно нигде никакой щели'; ***Нигӧлан нимом*** *ит ойло* 'Никому ничего не говори'; ***Нигунамат нигӧ дене*** *ужын омыл поры-*

жым ‘Никогда ни с кем я ни видел добра’; *Сакар* ***нигунамат нимогай*** *судышкат коштын огыл* ‘Сакар никогда ни на какой суд не ходил’; *Мылам* ***нигунамат нигуштат*** *сай лийын огеш керт* ‘Мне никогда нигде не может быть хорошо’.

Предложение может включать в себя ряд однородных членов (прежде всего подлежащих, дополнений), выраженных отрицательными словами с морфемой *ни-*: ***Нимо, нигӧ*** *ыш кой* ‘Ничего, никого не было видно’; *Тиде* ***нимоланат, нигӧланат*** *огеш кӱл* ‘Это ничему, никому не нужно’.

Все отрицательные местоимения и наречия весьма часто присоединяют к себе частицу *-ат*, которая, усиливая отрицание в предложении, одновременно акцентирует внимание на отрицаемом слове: *Жап* ***нигӧмат*** *ок вучо* ‘Время никого не ждет’; ***Нимат*** *ок кой* ‘Ничего не видно’; ***Нимынярат*** *лӱшкаш ок йӧрӧ* ‘Нисколько нельзя шуметь’; ***Нигузеат*** *шарнен ыш керт* ‘Никак не мог вспомнить’; ***Нигунамат*** *яра шинчылтмашыже уке* ‘Никогда не сидит без дела’; *Иктат* ***нигушкат*** *ида кай* ‘Никто никуда не уходите’; *Огеш кой* ***нигуштат*** ‘(Его) не видно нигде’. В случае наличия при отрицательном слове послелога частица *-ат* переходит на последний: ***Нигӧ*** *денат ом келше* ‘Ни с кем не дружу’. ***Нимо*** *семынат ок лий* ‘Никак нельзя’. Если же отрицание с морфемой *ни-* занимает зависимую позицию определительного словосочетания, то частицу принимает на себя главный компонент: *Тыгай патырлан* ***нимогай*** *чаракат уке* ‘Для такого богатыря нет никакой преграды’; *Йырым-ваш* ***нимо*** *йӱк-йӱанат ок шокто* ‘Вокруг не слышно никакого шума’.

Наряду с отрицательными словами с морфемой *ни-* в марийском языке параллельно бытует другой способ отрицания аналогичного назначения. Это слова и конструкции с числительным *ик(те)* ‘один’, снабженные усилительно-выделительной частицей *-ат*: *иктат* ‘никто, ничто, ни один’ (традиционно включается в систему отрицательных местоимений), *иканат* ‘никогда’, *ик вереат* ‘нигде’, конструкции слова *ик* ‘один’ и любого существительного с указанной частицей. Все они становятся средством отрицания, употребляясь только в общеотрицательных предложениях. Например: *Шонкалаш* ***иктат*** *ок мешае* ‘Думать никто не мешает’; ***Иканат*** *вараш кодын огыл* ‘Никогда не опаздывал’; *Тыгай паша* ***иктыланат ик вереат*** *нимо порым ыш кондо* ‘Такая работа никому нигде никакого добра не доставила’; *Пӧлемыште* ***ик еҥат*** *уке* ‘В комнате нет никого (букв. ни одного человека’); ***Ик мутымат*** *ок пелеште* ‘Ничего (букв. ни одного слова) не говорит’. Безусловно, слова и конструкции с числительным *ик* ‘один’, как одно из

средств отрицания, их история, грамматические значения, функционирование должны стать предметом специального исследования.

Небезынтересно, подобная схема передачи отрицания с помощью числительного *«один»* в той или иной мере имеет место и в других языках мира (например, в азербайджанском, адыгских), в том числе финно-угорских (удмуртском, хантыйском): удм. *odig-no, odik-no* 'никто, ничто, ни один' (*odig, odik* 'один' + отрицательная частица *-no*) (9, с. 265; 10, с. 231).

Итак, отрицательные местоимения и наречия с морфемой *ни-* составляют одну из средств системы отрицания в марийском языке. Они функционируют преимущественно в общеотрицательных предложениях. Однако нередко выступают и в предложениях с утвердительным предикатом, а именно: в инфинитивных предложениях заимствованной из русского языка структуры (***Нимом ышташ*** 'Нечего делать'); в предложениях, где сказуемое выражено глаголом психофизиологической семантики (***Нимолан ӧрын*** 'Совсем (букв. нечему) растерялся'; ***Нимом ышташ аптыранен*** 'Совсем (букв. ничто делать) растерялся'); в случае присоединения к себе абессивного послелога *деч посна* 'без' и замещения определительной позиции в словосочетаниях с каритивно или абессивно оформленным главным компонентом (***Нимо деч посна кодо*** 'Остался ни с чем'; ***Нимогай увер деч посна йомо*** 'Пропал без какой-либо (букв. никакой) вести'); являясь частью отрицательно оформленных деепричастного и причастного оборотов, причастного оборота с абессивным послелогом (***Нимом пелештыде ошкыльо*** 'Ушел, ничего не сказав'; ***Нигунам мондалтдыме ий-влак эртышт*** 'Прошли (никогда) незабываемые годы'; ***Нигӧн полшымыж деч посна ыштен*** 'Сделал без ничьей помощи'); выступая в сравнительных конструкциях с послелогом *деч* типа *нигӧ деч гоч, нимо деч гоч* 'больше всех' и др. По значению отрицательные местоимения и наречия выражают прежде всего отрицание наличия кого-чего-л. вообще, отсутствие всякого субъекта, объекта, обстоятельства (места, направления, времени, образа, цели и причины) действия, определяемого лица или предмета по всякому признаку, а также полное отрицание самого действия или предикативного признака. Предложения с анализируемыми словами могут содержать в себе информацию об ограничении сферы отрицания, для чего используются разные синтаксические конструкции. В общеотрицательных предложениях может присутствовать несколько отрицаний с морфемой *ни-*, как разных грамматических значений, так и

однородных. Ко всем отрицательным местоимениям и наречиям довольно часто присоединяется частица *-ат*, усиливающая отрицание и выделяющая отрицаемое слово в предложении. Наряду с отрицательными словами с морфемой *ни-* в марийском языке используется другой синонимичный способ выражения отрицания – слова и конструкции с числительным *ик(те)* 'один', снабженные частицей *-ат*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васикова Л.П.* Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Структурные схемы предложений. Сложносочиненные предложения. Ч. 1.– Йошкар-Ола, 1982.

2. *Васикова Л.П.* Кырык марла орфографи лӹмдер.– Йошкар-Ола, 1994.

3. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Тунемме книга.– Йошкар-Ола, 1986.

4. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка.– Чебоксары, 1964.

5. *Зайцева М.И.* Грамматика вепсского языка (Фонетика и морфология).– Л., 1981.

6. *Лаврентьев Г.И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке.– Йошкар-Ола, 1984.

7. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка.– Сыктывкар, 1999.

8. *Майтинская К.Е.* Местоимения в мордовских и марийском языках.– М., 1964.

9. *Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем.– М., 1969.

10. *Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков.– М., 1979.

11. Марий орфографий мутер.– Йошкар-Ола, 1972.

12. Марий орфографий мутер.– Йошкар-Ола, 1992.

13. *Пенгитов Н.Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. I. Введение, фонетика, морфология.– Йошкар-Ола, 1958.

14. Русская грамматика. Синтаксис. Том II.– М., 1980.

15. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке.– Йошкар-Ола, 1969.

16. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка // Bibliotheca ceremissica. T. V.– Savariae, 2002.

17. *Сергеев О.А.* Марий йылме. Мут ышталтмаш. Йылмым келгынрак тунемше-влаклан.– Йошкар-Ола, 1995.

18. Словарь марийского языка. Т. 4.– Йошкар-Ола, 1998.

19. Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений.– Сыктывкар, 1955.

20. Современный марийский язык. Морфология.– Йошкар-Ола, 1961.

21. *Учаев З.В.* Кызытсе марий йылме.– Горький, 1976.

22. *Учаев З.В.* Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. 1-ше ужаш.– Йошкар-Ола, 1982.

23. *Учаев З.В.* Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. 2-шо ужаш.– Йошкар-Ола, 1985.

24. *Учаев З.В.* Марий йылме: Теорий: 5–9 класслан учебник.– Йошкар-Ола, 1993.

25. *Апатеев А.И., Учаев З.В., Хлебникова Л.И.* Мары йӹлмы: Теорий: 5–9 класслан учебник.– Йошкар-Ола, 1993.

26. Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. III.– М., 1966.

Serafima Sibatrova

NEGATIVE PRONOUNS AND ADVERBS WITH THE MORPHEME *NI-* IN THE MARI LANGUAGE

Negative pronouns and adverbs with the morpheme ***ni-*** are one of the components of negative system in the Mari language. They function mainly in general negative sentences. However, they are often found in sentences with affirmative predicate, for example: in the infinitive sentences which structure is borrowed from Russia (***Nimom âštaš*** 'Nothing to do'); in the sentences where predicate is express by the verb having psychophysiological semantics (***Nimolan örân*** 'He lost his head at all'); in the cases when the sentence added the abessive postposition ***deč posna*** 'without' and which substitutes the defenitional position in word-combinations, where the main component has negative and abessive stages (***Nimo deč posna kodo*** 'He stay without anything'. ***Nimoγaj uβer deč posna jomo*** 'He was missing without any news'); being the part of negative adverbial and participle constructions and participle construction with abessive postposition (***Nimom peleštâde oškâljo*** 'He went without any word'. ***Niγunam mondaldâme ijβlak ertâšt*** 'Unfogettable years passed'. ***Niγön polšâmâž deč posna ašten*** 'He has done it without any help'); being found in comparative constructions with postposition ***deč*** as ***niγö deč γoc***, ***nimo deč γoc*** 'most of all' and others.

According to their meaning negative pronouns and adverbs express first of all the negation someone's presence in general, the absence of any subject, object, adverbial modifiers (of place, direction, time, manner, purpose and cause), definable person or thing according to any feature and also absolute negation of action proper or predicative feature. The sentences with regarded words can have information about restriction of negation sphere for purpose of which different syntactic constructions are used. The general negative sentences can contains some negations of both in different grammatical and similar meaning with morpheme *ni-*. The particle ***-at***, intensifying the negation and pointing out the disclaimed word in the sentences is rather often added to all negative pronouns and adverbs. Equally with the negative words with the morpheme ***ni-*** there is other manner of expression of negation in the Mari language. It is words and word constructions with numeral ***ikte*** 'one ' and the particle ***-at*** added to it.

«Финно-угроведение», 2004, №1

СООБЩЕНИЯ

Сергей Свечников
Йошкар-Ола

ОТНОШЕНИЯ МАРИЙЦЕВ С СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСЬЮ И ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ (СЕРЕДИНА XIII – НАЧАЛО XV В.)

В 1236–1242 гг. Восточная Европа подверглась опустошительному монголо-татарскому нашествию. Письменные источники не сообщают о непосредственном вторжении монголо-татар в 30–40-е гг. XIII в. на ту территорию, где проживали марийцы. Возможно, нашествие задело марийские земли, расположенные близ районов, подвергшихся наиболее жестокому разорению (Волжско-Камская Булгария, Мордовия, Владимиро-Суздальская Русь) – это Правобережье Волги, примыкающие к Булгарии левобережные марийские земли, междуречье Унжи и Ветлуги, а также Заузолье.

Марийцы, как и многие другие народы Среднего Поволжья, были включены в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). Особенность положения марийцев заключалась в том, что они находились в лесной северо-западной периферии империи, вдали от степной зоны, не отличались они и развитой экономикой, поэтому над значительной частью марийских земель не было установлено жесткого военно-полицейского контроля. Вместе с тем нельзя утверждать, что ханская власть в марийских землях была лишь номинальной. Относительно жесткий контроль был установлен в горномарийском Правобережье, поскольку это был экономически привлекательный и важный в стратегическом плане район, к тому же находившийся поблизости от таких крупных золотоордынских городских центров, как Мохши (Наровчат) и Темников. По мнению В.Д. Димитриева, управление над землями горных и луговых марийцев могло осуществляться булгарским князем с военным отрядом из основанного в конце XIII в. городка Веда-Суар (Чебоксары) (1, с. 13–22). Кроме того, согласно горномарийским преданиям, кре-

пость Аламнер, известная по археологическим исследованиям как Важнангерское (Мало-Сундырское) городище XIV–XV вв., являлась резиденцией татарского «вельможи» (2, с. 35). Контроль над приволжским марийским населением, видимо, осуществлялся из булгарских городов (Казань, Иски-Казань и др.) и золотоордынского военного (баскакческого(?) поселения на левом берегу Волги, известного ныне как Мари-Луговское селище; антропологический материал одноименного синхронного могильника (3, с. 130–131), похоже, подтверждает достоверность преданий марийцев (2, с. 331; 4, с. 247), в которых говорится о частых случаях умыкания татарскими воинами марийских девушек.

Данные обстоятельства вместе с тем не могли привести к прекращению роста русского влияния в Волго-Камье. Более того, существование Улуса Джучи, как полагает Ю.А. Зеленеев, не препятствовало, а скорее даже способствовало расселению русских в Поволжье (5, с. 51). Поскольку магистральный волжский путь в средней и нижней его части на долгие годы оказался под жестким контролем Улуса Джучи, княжеская экспансия и народная колонизация в первые десятилетия после нашествия войск Батыя была направлена в бассейны северных притоков Волги – на Унжу, Ветлугу, Вятку и т. д., так как эти районы крайне редко подвергались нашествиям ордынцев из-за их лесистости и малонаселенности (6, с. 191–193).

Здесь появились мелкие самостоятельные русские государственные образования вокруг городских центров, основанных еще в период существования единой Владимиро-Суздальской Руси. Это Галичское (возникло около 1247 г.), Костромское (приблизительно в 50-е гг. XIII в.) и Городецкое (между 1269 и 1282 гг.) княжества (7, с. 103–119). Одновременно росло влияние Вятской Земли. Во второй половине XIV в. вятчане уже прочно обосновались на Средней Вятке, в бассейне Пижмы и Ярани, вытеснив оттуда марийцев и удмуртов (8, с. 67; 9, с. 155–184).

Монголо-татарское нашествие и последующие набеги степных воинов вынудили некоторую часть марийцев покинуть правобережье Волги и скрываться на более спокойной левой стороне. Однако сюда с запада и севера надвигался колонизационный поток славяно-русов и ославянившихся финно-угров. Вследствие этого, как считает Г.А. Сепеев, уже с XIV–XV вв. началось переселение марийцев в Прикамье, в район устья реки Белой (10, с. 22–25). Однако подавляющее большинство марийского населения оставалось в Волго-Вятском междуречье.

Повсеместно шел процесс консолидации марийских племен в рамках вождеств. Это были союзы племен или поземельно-родственные союзы с потестарной или протогосударственной структурой, и вряд ли они уже имели признаки государственности. Марийцам «приходилось постоянно заботиться о собственной безопасности, что неизбежно вызывало потребность в военной организации путем союзнического объединения многих патрономических поселков и даже целых территориально-племенных группировок родственного населения» (11, с. 78).

На Средней Вятке достаточно сильным влиянием пользовались известные по многочисленным преданиям малмыжские и уржумские «князья» (12, с. 42–43; 13, с. 39–49). К сожалению, пока не выявлены письменные источники, по которым можно было бы с уверенностью судить о характере взаимоотношений между марийцами и русскими на Вятке в золотоордынский период. Вместе с тем ряд косвенных сведений – отсутствие марийского субстрата в древнерусских археологических памятниках Пижмы, одновременное исчезновение последних в период образования Казанского ханства (9, с. 155–184), летописное сообщение о том, что в период Казанского ханства «наипаче же с Пижмы реки черемиса для разорения христиан часто набегающе в волости Котелнича города» (14, с. 42–43) – наводят на мысль, по меньшей мере, о натянутых отношениях между автохтонным и аллохтонным населением в середине XIII – начале XV в. Марийцы, судя по тем же преданиям, находились в конфликтных отношениях и с соседними удмуртскими племенами (13, с. 40–41; 15, лл. 10–14, 17). Воинственность марийцев была обусловлена не только сложной военно-политической обстановкой в регионе, но и особенностями общественного развития, которые характеризовались отчетливо выраженными военно-демократическими признаками (11, с. 99) с их имманентными импульсами к набегам.

В Верхнем Поветлужье между Галичским княжеством, Вятской Землей и Улусом Джучи, согласно «Ветлужскому летописцу», «Летописцу Солигаличского Воскресенского монастыря» и другим местным повествовательным произведениям летописного характера (все они позднего происхождения (XVII–XVIII вв.), в XII – начале XV в. существовало Ветлужское кугузство (вождество) – протогосударственное военно-демократическое образование местных марийцев (16, с. 1–16; 17, с. 20–51; 18, с. 300–306; 19, с. 81–88). А.А. Преображенский, А.Г. Бахтин, отмечая ненадежность указанной группы ис-

точников, тем не менее допускают возможность их использования в той мере, насколько это приемлемо в той части, которая не вызывает сомнения (20, с. 232–243; 21, с. 37–39). С этим можно вполне согласиться. Сведения указанных заволжских летописцев в целом не противоречат реальной исторической обстановке того времени. Особенно хорошо это видно, если сопоставить их с известиями общепризнанных источников.

К сожалению, источники слабо обрисовали потестарную структуру Ветлужского кугузства, однако все же явствует, что на его вершине был кугуз (мар. *кугу оза, кугыза* – «великий хозяин, старейшина»), его власть ограничивалась советом старейшин, большим авторитетом среди местного населения пользовались языческие жрецы. Скорее всего, титул кугуза не был наследственным, поскольку, во-первых, в названных источниках нет никаких намеков на то, что кугузы приходились друг другу родственниками, во-вторых, прямо указывается, что последний ветлужский князь Кельдибек был избран (вероятно, старейшинами) (16, с. 1–16; 17, с. 20–51; 18, с. 300–306; 19, с. 81–88).

Ветлужские кугузы (Коджа-Яралтем, Кай, Бай-Борода, Кельдибек) находились под сильным политическим влиянием соседних русских князей (галичских, костромских), а также Золотой Орды и Вятской Земли. Русские князья применяли традиционные методы воздействия на местную знать – матримониальные союзы, подручничество, приглашение к себе марийских ополченцев для участия в междоусобных феодальных войнах. У кугузов была возможность лавирования между противостоявшими друг другу соседними государственными образованиями, и это способствовало относительно длительному существованию этого протогосударства. Говоря о взаимоотношениях между ветлужскими марийцами и пришлым русским населением, можно полагать, что в целом их контакты были сложными по своему характеру. Согласно вышеуказанным источникам, эпизодические войны и конфликты все же не мешали русским людям селиться среди марийцев и даже строить церкви в их поселениях (16, с. 1–16; 17, с. 20–51; 18, с. 300–306; 19, с. 81–88). Очевидно, уже тогда началась ассимиляция, обрусение местного марийского населения, причем с сохранением некоторых прежних этнических элементов. Это, в частности, выразилось в появлении в Поветлужье жгонского говора (22, с. 101–105).

В 60–70-е гг. XIV в. в Улусе Джучи наступила феодальная смута, ослабившая на время его военно-политическое могущество. Этим ус-

пешно воспользовались русские князья, которые стремились вырваться из зависимости от ханской власти и в то же время прирастить свои владения за счет периферийных областей империи Джучидов.

Особенно заметных успехов добилось Нижегородско-Суздальское княжество, преемник княжества Городецкого. Первый же нижегородский князь Константин Васильевич (1341–1355) «повеле руским людем селиться по Оке и по Волге и по Куме рекам.., где кто похощет» (23, с. 72), то есть стал санкционировать колонизацию Окско-Сурского междуречья. А в 1372 г. его сын, князь Борис Константинович, основал на левом берегу Суры крепость Курмыш, установив тем самым контроль над местным населением – в основном горными марийцами и мордвой (24, с. 19; 25, с. 18; 26, с. 128; 27, с. 187).

Возможно, строительство этого восточного форпоста произошло с согласия темника Мамая, стремившегося расколоть противостоявшие ему силы русских феодалов. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что руками нижегородских князей Мамай в 1370 г. – накануне возведения Курмыша – подчинил себе Волжско-Камскую Булгарию (27, с. 185; 28, с. 215; 29, с. 388; 30, с. 63). Нижегородские феодалы сотрудничали с золотоордынскими правителями и впоследствии – вплоть до окончательного присоединения Нижнего Новгорода к Московскому великому княжеству в 1417 г. (21, с. 37–39).

С другой стороны, поход Бориса и Василия Константиновичей возобновил прерванную на более чем полутора столетий серию военных акций против Булгарии. В 1376 г. был совершен уже совместный московско-нижегородский поход «на безбожные Болгары», но на этот раз русские князья действовали самостоятельно, без указки из Золотой Орды. Булгарские города стали теперь зависеть, хотя всего лишь на время, не от Золотой Орды, а от Руси (25, с. 25; 27, с. 192; 31, с. 120). В конце XIV в. нижегородско-суздальские князья носили титул «князя болгарского и всея Понизовские земли заволских юрту» (32, с. 88–89), что свидетельствует о притязании русских феодалов на территорию всего Среднего Поволжья.

Владения нижегородских князей стали появляться на правом берегу Суры (в Засурье), где в основном проживали горные марийцы и предки чувашей (33, с. 201–202). К исходу XIV в. русское влияние в бассейне Суры настолько возросло, что представители местного населения стали предупреждать русских князей о предстоящих вторжениях золотоордынских войск (8, с. 69). В летописях содержится немало сведений о том,

что некоторые русские феодалы в ходе своего участия в междоусобной борьбе в конце XIV – начале XV в. скрывались от преследований на правом берегу Суры (27, с. 246; 34, с. 2; 35, с. 486; 36, с. 167). Заметный рост русского (прежде всего экономического и культурного) влияния в горномарийских землях виден и по археологическим данным (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Красноселищенское I, Саутkинское, Юльяльское селища, Юльяльский могильник) (37, с. 199–215). Вероятно, именно в силу этих моментов ордынский царевич Араб-Шах разорил в 1377 г. наряду с окрестностями Нижнего Новгорода также Засурье (25, с. 27–28; 26, с. 134; 27, с. 193–194).

Усиление русских князей вызывало серьезное беспокойство темника Мамая, стремившегося возродить под своим верховенством единую Золотоордынскую империю. В свою очередь участившиеся вторжения русских ратей, территориальная экспансия русских княжеств толкали некоторую часть марийской знати на дальнейшее сближение с Ордой, не посягавшей на земли оседлого по преимуществу населения, а лишь требовавшей изъявления покорности путем выплаты дани и выполнения ряда повинностей. Немалую роль в усилении антирусских настроений среди марийского населения, помимо княжеских походов, играли частые нападения ушкуйников. Наиболее чувствительными для марийцев, судя по всему, оказались налеты, произведенные русскими речными разбойниками в 1374 г., когда те разорили селения вдоль Вятки, Камы, Волги (от устья Камы до Суры) и Ветлуги (25, с. 20; 26, с. 129; 27, с. 189). Были и случаи, когда представителям поволжских народов удавалось обезвредить ватаги ушкуйников. Например, известно, что в 1378 г. в «Арьской земле» был разгромлен отряд Рязана (27, с. 201). Необходимо также учитывать социальную, этнокультурную и языковую совместимость марийцев (особенно луговых), булгар и татар-кыпчаков (8, с. 77). Из всего этого нетрудно понять, почему «черемиса» в качестве наемников приняла участие в походе Мамая на Русь, увенчавшимся Куликовской битвой 1380 г. (38, с. 34).

В 1382 г. хан Тохтамыш захватил Москву, снова заставил московского князя Дмитрия Ивановича платить «выход», а также приостановил расширение русских княжеств за счет марийских земель и других окраинных областей Улуса Джучи (28, с. 239–244). В 1391 г. в результате похода Бектута была разорена Вятская Земля, слывшая прибежищем ушкуйников (25, с. 125; 26, с. 158; 27, с. 219). Однако

в 1392 г. вятчане в ответ разграбили булгарские города Казань и Жукотин (Джукетау) (25, с. 125–126). Тохтамыш не предпринял карательных действий против Вятской Земли, ибо все силы Золотой Орды были мобилизованы на войну с Тамерланом (Тимур Аксак) (под 1393 г. в некоторых летописях встречается лишь продублированная запись о набеге царевича Бектута (39, с. 99).

Между тем набор в войско Тохтамыша осуществлялся и на марийской земле. Согласно «Ветлужскому летописцу», в 1394 г. в кугузстве появились «узбеки» (17, с. 33) – воины-кочевники из восточной части Улуса Джучи (28, с. 224–227), которые «забирали народ для войска и увезли его по Ветлуге и Волге под Казань к Тохтамышу». А в 1396 г. кугузом был избран ставленник Тохтамыша Кельдибек (17, с. 33) (о том, что в 1395–1396 гг. в Среднем Поволжье все еще правил именно этот хан, доказали А.Ю. Якубовский, М.Г. Сафаргалиев, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Д. Димитриев) (28, с. 277; 29, с. 430; 40, с. 158; 41, с. 19).

В результате крупномасштабной войны между Тохтамышем и Тимуром Золотоордынская империя значительно ослабла, многие булгарские города были опустошены, а уцелевшие его жители стали перебираться на правую сторону Камы и Волги – подальше от опасной степной зоны; булгарское население начало вступать в более тесные межэтнические контакты с марийцами, интеграционные процессы между этими народами существенно усилились (42, с. 10).

Военно-политическое и экономическое положение Булгарии и прилегающих районов серьезно ухудшилось в результате похода галичского удельного князя Юрия Дмитриевича в 1399 г. Были взяты города Булгар, Казань, Керменчук, Жукотин, русские рати заходили в глубь территории Улуса Джучи – в летописях указано, что «никто же не помнит толь далече воевала Русь Татарьскую землю». Грабежи и погромы длились 3 месяца (26, с. 163–164, 171; 27, с. 225–226, 229; 43, с. 65; 44, с. 49). Видимо, тогда же галичский князь покорил Ветлужское кугузство – об этом сообщает «Ветлужский летописец» (17, с. 36). Кугуз Кельдибек признал свою зависимость и от руководителей Вятской Земли, заключив с ними военный союз. В 1415 г. ветлужане и вятчане совершили совместный поход на Северную Двину (16, с. 7; 18, с. 36). В 1425 г. ветлужские марийцы вошли в состав многотысячного ополчения галичского удельного князя, начавшего открытую борьбу за московский великокняжеский стол. Внешний вид ополченцев ошеломил митрополита Фотия, прибывшего к Юрию Дмитриевичу с целью переговоров: «...не видах столько народа в овчих шерьстех» (17, с. 38; 27, с. 246).

Феодальная война отвлекала внимание и силы русских князей от внешнеполитических проблем. Этим стремился воспользоваться Кельдибек, чтобы выйти из вассальной зависимости. В 1429 г. он принял участие в походе булгаро-татарских войск во главе с Алибеком (Либеем, Али-бабой) на Галич и Кострому (17, с. 38; 27, с. 248; 45, с. 186). В ответ на это в 1431 г. Василий II Темный предпринял суровые карательные меры против булгар, которые и без того серьезно пострадали от засухи, массового голода и эпидемии чумы (29, с. 486–487; 45, с. 187; 46, с. 43). В 1433/34 г. Василий Косой, получивший Галич после смерти Юрия Дмитриевича, физически устранил кугуза Кельдибека и присоединил Ветлужское кугузство к своему уделу (17, с. 37).

Не приходится сомневаться в том, что во время походов русских князей на Булгарию в конце XIV – начале XV в. попутно разорялись и марийские земли, поскольку в период образования Казанского ханства не только «худые болгары», но и «черемиса» просили хана Улу-Мухаммеда «быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго» (43, с. 53).

Марийскому населению приходилось испытывать на себе и влияние со стороны русской православной церкви. Марийское языческое население, как правило, негативно воспринимало попытки их христианизации, хотя были и обратные примеры. В частности, Кажировский и Ветлужский летописцы сообщают, что кугузы Коджа-Яралтем, Кай, Бай-Борода, их родственники и приближенные приняли христианство и допускали строительство церквей на контролируемой ими территории; в то же время в преданиях ветлужских марийцев ситуация изображена следующим образом: русский Бог одолел марийского Юмо, и марийцам пришлось покинуть верховья Ветлуги, отступить на юг (16, с. 3–8; 17, с. 23–36; 18, с. 82–83).

Среди приветлужского марийского населения получила распространение и своя версия китежской легенды: якобы марийцы, не пожелавшие покориться «русским князьям и попам», заживо похоронили самих себя прямо на берегу Светлояра, а впоследствии вместе с рухнувшей на них землей сползли ко дну глубокого озера (19, с. 149–150). Вместе с тем существует такая запись, сделанная в XIX в.: «Среди светлоярских паломников всегда можно встретить две-три одетых в шарпан марийки, без всяких при этом признаков обрусения» (47, с. 16). Очевидно, у марийской версии легенды о граде Китеже есть некоторая доля достоверности.

В русской агиографической литературе выработалась традиция изображать первопустынников, селившихся на нерусской территории, как кротких поборников православной веры, которые своими действиями вызывают симпатии окрестного языческого населения. Ярким примером является «Житие Макария Желтоводского и Унженского». Макарий основал свою обитель на левом берегу Волги близ устья Керженца в 30-е гг. XV в. Согласно житию, к нему приходили местные жители – «черемисы» – и угощали его хлебом и медом, «преподобный с любовию и уважением принимал их с дарами для своей братии, обращая их в христианство». Желтоводская обитель просуществовала только до 1439 г., когда на нее напал хан Улу-Мухаммед; большинство братии было перебито либо забрано в полон, однако самого Макария хан отпустил. Преподобный с горсткой уцелевших своих сподвижников переселился на реку Унжу, там основал другой монастырь, причем переход на новое место был совершен прямиком через лесное Заволжье, где проживали в основном марийцы и, вероятно, реликтовые группы восточной мери (48, с. 24–38).

Другой пустынник, инок Троицко-Сергиева монастыря Авраамий, основал на Галичской земле во II половине XIV в. свою обитель и начал крестить местных «чудских невегласов» (финно-угорское население, включая, вероятно, восточную меря и северо-западных марийцев), одержимых «дьявольской прелестью». Авраамию активно покровительствовали галичские князья (49, с. 150–151).

В Важнангерском (Мало-Сундырском) городище с комплексом близлежащих селений и Красноселищенском I селище на территории Горномарийского района Республики Марий Эл среди прочих находок обнаружено несколько предметов христианского культа (37, с. 205–208; 50, с. 96–104). Видимо, они были занесены в эти земли русскими людьми (торговцы, полоняники и др.), но, к сожалению, эти материалы не дают повода судить о масштабах и даже о факте распространения православия среди местного горномарийского населения в золотоордынский период.

Можно утверждать, что ко времени появления Казанского ханства (30–40-е гг. XV в.) в сферу влияния Северо-Восточной Руси были вовлечены марийцы следующих областей: правобережье Суры – значительная часть горных марийцев (сюда можно включить и окско-сурских «черемисов»), Поветлужье – северо-западные марийцы, бассейн реки Пижмы и Средняя Вятка – северная часть луговых мари. Менее

были затронуты русским влиянием кокшайские марийцы, население бассейна реки Илети, северо-восточной части современной территории Республики Марий Эл и прилегающей к ней территории Правобережной Вятки, то есть основная часть луговых мари.

Сложный, противоречивый характер отношений марийцев с Северо-Восточной Русью и Золотой Ордой точно отражен в утверждении Р.Г. Кузеева: «...военные походы, стычки, сражения, конфликты, как бы часто они в течение столетия не происходили, в народном сознании оставались лишь яркими вспышками. Между ними были годы и десятилетия мирного соседства крестьян, торгового и культурного обмена, простого общения, что оказало плодотворное влияние на культурный облик всех народов региона» (51, с. 110). Сказанное, правда, относится к периоду Казанского ханства, но в той же мере это было характерно для золотоордынского периода. Вместе с тем нельзя отрицать и трагизм положения марийцев, которые, «оказавшись еще на заре своей истории в зоне политических интересов славянского и тюркского миров, рано потеряли свою самостоятельность» (52, с. 45).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Димитриев В.Д.* Чебоксары. Очерки истории города конца XIII–XVII веков.– Чебоксары, 2003.

2. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов.– Чебоксары, 1972.

3. *Газимзянов И.Р.* Палеоантропологический материал из Горно-Шумецкого могильника // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК, вып. 27.– Йошкар-Ола, 2004.

4. Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Акцорин.– Йошкар-Ола, 1991.

5. *Зеленеев Ю.А.* Расселение русских в Волго-Очье в IX–XV вв. // Русские в Среднеповолжском полиэтническом регионе: Материалы научно-практической конференции, 19–20 декабря 1997 г.– Йошкар-Ола, 1998.

6. *Каргалов В.В.* Русь и кочевники.– М., 2004.

7. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси.– М., 1984.

8. *Кизилов Ю.А.* Земли и народы России в XIII–XV вв.– М., 1984.

9. *Макаров Л.Д.* Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК, вып. 23.– Йошкар-Ола, 1994.

10. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.).– Йошкар-Ола, 1975.

11. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа.– М., 1978.

12. Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции).– Йошкар-Ола, 1965.

13. *Худяков М.Г.* История покорения Малмыжского края // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край.– Йошкар-Ола, 2003.

14. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец). Памятник Вятской письменности XVII – XVIII веков. Издал АСВ-н.– Вятка, 1905.

15. *Бердников А.М.* Сборник материалов марийского исторического фольклора. 1939 г. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 301.

16. *Дементьев Д.П.* Краткие сведения о Кажировской пустыни // Костромская старина, вып. 2.– Кострома, 1892.

17. *Дементьев Д.П.* Краткий исторический очерк Шангского Городища // Костромская старина, вып. 3.– Кострома, 1894.

18. Летопись Солигаличского Воскресенского монастыря // Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского Археологического общества, изданные под редакцией И.Н. Бородина. Т. III.– М., 1913.

19. Нижегородские марийцы: Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев / Сост. Н.В. Морохин.– Йошкар-Ола, 1994.

20. *Преображенский А.А.* Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской (историографические и источниковедческие заметки) // Восточная Европа в древности и в средневековье: Сб. статей.– М., 1978.

21. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края.– Йошкар-Ола, 1998.

22. *Попов А.И.* Из истории лексики языков Восточной Европы.– М.–Л., 1957.

23. Древняя российская вивлиофика. Ч. XVIII.– М., 1791.

24. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку.– СПб., 1859.

25. Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.– СПб., 1897.

26. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись.– Пг., 1921.

27. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века.– М.–Л., 1949.

28. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение.– М., 1998.

29. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.).– М., 1996.

30. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.– М., 1985.

31. Полное собрание русских летописей Т. XXIII. Ермолинская летопись.– СПб., 1910.

32. *Макарихин В.П.* Великое княжество Нижегородское: система управления // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина.– М., 1985.

33. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. I.– М., 1951.

34. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.– СПб., 1901.

35. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Тверской сборник.— СПб., 1863.

36. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись.– СПб., 1913.

37. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография.– Йошкар-Ола, 2002.

38. Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв.– Л., 1982.

39. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи.– СПб., 1848.

40. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды.– М., 1973.

41. *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству.— Чебоксары, 2001.

42. Татары Среднего Поволжья и Приуралья.– М., 1967.

43. *Герберштейн С.* Записки о Московии.– М., 1988.

44. Казанская история.– М.–Л., 1954.

45. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись.– М.–Л., 1959.

46. *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.– М., 1991.

47. *Комарович В.Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд.– М.–Л., 1936.

48. Житие преподобного Макария Желтоводского и Унженского.– Макарьевский Свято-Троицкий Желтоводский монастырь, 1995.

49. *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XV веках.– М., 1966.

50. *Ефремова Д.Ю.* Предметы христианского культа в Марийском Поволжье в средневековую эпоху (XIII–XVI вв.) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК, вып. 27.– Йошкар-Ола, 2004.

51. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала.– М., 1992.

52. *Сануков К.Н.* Древние марийцы между тюрками и славянами // Российская цивилизация: прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей. Ч. I.– Чебоксары, 2000.

Sergei Svechnicov

RELATIONSHIPS OF THE MARIS WITH NORTH-EASTERN RUSSIA AND GOLD HORDA (THE MIDDLE OF THE XIII – BEGINNING OF THE XV CENTURIES)

In the middle of the XIII – beginning of the XV centuries, as many other people of Middle Volga region, the Maris were members of Ulus Juichy (Gold Horda). The peculiarity of position of Mari people was that they were settled in the forest North-Eastern periphery of Gold Horda and that's why there was not established strong control of khan's administration above considerable part of Mari land. That circumstance favoured the extension of Russian colonization in Mari land. In Gold Horda period there was the noticeable increase of Russian influence to Mari population. In general, relationship between Russians and the Maris equally as ones between Mari people and Gold Horda developed discrepantly and not simply.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Инна Казанцева
Йошкар-Ола

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗНЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ В МАРИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Сравнение как мыслительный процесс играет важную роль в чувственном познании и осмыслении окружающего мира. В плане логическом оно является результатом развития абстрактного мышления людей, а в плане лингвистическом – отражением этого мышления в речевой деятельности. Говоря о взаимосвязи логической и лингвистической категорий, следует отметить тот факт, что лингвистические категории, какие бы специфические выражения они ни получали в разных языках, универсальны, т.е. встречаются во всех языках мира. Действительно, каждый язык богат образными оборотами, в основе которых лежит сравнение, возникшее вместе с языком как одно из важнейших проявлений его выразительных возможностей. Основа образности – способность создавать наглядно-чувственные образы предметов и явлений. Сила образа – в его конкретности, в тесной связи с контекстом в широком смысле этого слова.

Сравнение занимает особое место в языке и мышлении. Познавательная роль его заключается в классификации, упорядочении и в оценке окружающей человека действительности. Путем сравнения человек издавна постигал окружающий мир; сопоставление неизвестного с хорошо знакомым – древнейший способ наименования предметов, явлений. Таким образом, за сравнением стоит то, что закреплено человеческим сознанием, и это образует так называемый лингвистический треугольник: предмет – понятие – слово.

В данной статье объектом исследования являются устойчивые обороты с семантикой сравнения в марийском и немецком языках. Цель исследования заключается в выявлении их структурно-семантических особенностей, в определении роли сравнительных оборотов при характеристике человека в разносистемных языках, в выделении наиболее

распространенных моделей сравнительных конструкций, а также в определении эквивалентности таких понятий, как фразеологическая единица, слово, словосочетание. Для обеспечения убедительности приводимых теоретических положений используются результаты изучения художественных произведений марийских и немецких писателей, а также словари данных языков. При этом основными методами исследования являются описательный и семантико-стилистический методы.

Исследование сравнительных оборотов марийского и немецкого языков показало, что наиболее активно при их формировании используется лексика, отражающая конкретные явления действительности, связанные с жизнью человека. Среди множества сравнений, бытующих в речи и литературе, выделяются сравнительные обороты, обладающие семантической целостностью, устойчивостью, воспроизводимостью, экспрессивностью. Некоторые исследователи, изучив специфику функционирования устойчивых сравнительных оборотов в речи и литературе, относят их к компаративным фразеологизмам (1; 2; 3). Грачева Ф.Т., исследуя устойчивые сравнительные обороты на материале марийского языка, также предлагает рассматривать их «на уровне фразеологических единиц, за исключением свободных сравнительных оборотов, которые постоянно рождаются в речи и обильно вводятся в произведения художественной литературы» (4, с. 50).

Исходя из этого, сравнительные конструкции можно условно подразделить на две группы:

1) первая включает в себя сравнения, создаваемые в потоке речи в зависимости от ситуации. В данную группу входят свободные сравнительные обороты, значение которых представляет собой простую сумму значений его компонентов и для которых не характерно постоянство в лексическом составе, т.е. они являются ситуативно обусловленными;

2) другая образует так называемые устойчивые словесные группы (фразеологизмы), которым присуща обобщенная семантика, обычно не зависящая от лексического значения составляющих его слов, например:

марийский язык:

мызе гай нӧраш 'промокнуть насквозь', букв. 'промокнуть как куропатка';

презе гай ӱҥышӧ 'тише воды, ниже травы', букв. 'тихий, как теленок';

вуйдымо пормо гай тӧрштылаш 'бесноваться, безумствовать', букв. 'прыгать как безголовый слепень';

ош йӱксӧ гай ӱдыр 'девушка, словно белая лебедушка';

копавундаште гай кояш 'быть совершенно ясным, очевидным (как на ладони);

немецкий язык:

wie eine gebadete Maus sein 'промокнуть насквозь', букв. 'быть как выкупанная мышь';

jmd kann kein Wässerchen träben (wie aufs Maul geschlagen) 'быть тише воды, ниже травы', букв. 'кто-то не может замутить и воды'

sich wie ein wildgewordener Affe benehmen 'бесноваться, безумствовать', букв. 'вести себя как взбесившаяся обезьяна';

schlank wie die Pinie sein 'быть стройной, как тополь';

auf der Hand liegen 'быть совершенно ясным, очевидным (как на ладони)'.

Что касается фразеологии, то в области данной лингвистической дисциплины имеется большое количество работ, представляющих значительный интерес (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.И. Смирницкий, Н.Н. Амосова, В.Л. Архангельский, И.А. Мельчук, А.В. Кунин, И.И. Чернышева и др.). Одним из важнейших вопросов теории фразеологии является теория об эквивалентности фразеологической единицы (ФЕ) слову. Некоторые языковеды чрезмерно сближали ФЕ и слово (А.И. Смирницкий, В.В. Виноградов), не учитывая в полном объеме структурно-семантические особенности слова и ФЕ. А.В. Кунин, однако, полагает, что не следует преувеличивать общность этих двух понятий, и предлагает заменить теорию эквивалентности ФЕ слову теорией соотнесенности ФЕ со словом, в основе которой лежат иные принципы (5, с. 23). В отношении данного вопроса мы разделяем теоретические положения А.В. Кунина о природе и характере ФЕ.

Таким образом, сущность ФЕ, ее качественная характеристика определяются категориальными признаками, которые выявляются при сравнении с другими единицами языка – словами и словосочетаниями. Явления действительности могут быть переданы одним словом, словосочетанием или фразеологическим оборотом, эквивалентным по смыслу. Существование подобных фразеологизмов и возможность выразить понятие описательно обусловливают наличие синонимичных отношений не только между словами, но и между словами и выражениями. В таких случаях фразеологизмы входят в состав синонимиче-

ского ряда в качестве одного из членов. Фразеологический синоним, будучи эквивалентом слова (словосочетания), помогает автору дать меткую характеристику персонажа, подчеркнуть особенно важную деталь, способствует четкой и образной передаче авторского отношения к описываемым событиям, лицам.

В то же время нельзя забывать о том, что рассматриваемые понятия соотносительны, но ни в коей мере не тождественны. Фразеологизм соотносится со словом лишь по содержанию, семантике, но не по форме.

В структурном же отношении ФЕ представляет собой словосочетание. Внешне оно организовано по тем же структурным моделям, что и свободное словосочетание, совпадает с ним по форме.

Учитывая категориальные признаки семантической структуры ФЕ, многие языковеды (1; 2; 3; 4) приводят собственные определения данных языковых единиц, большинство из которых сводятся к следующему: ФЕ – это устойчивое словосочетание с постоянным лексическим составом и структурой, включающее в себя два или более компонента, наделенное целостным значением, идиоматичностью, экспрессивностью и сочетающееся с другими словами.

По своему происхождению ФЕ весьма неоднородны. В их образовании принимали и принимают участие факторы экстралингвистического характера. Большая роль в формировании ФЕ принадлежит и самому языку, их возникновение связано с историческими моментами и социально-бытовыми явлениями в жизни народа. В каждом языке имеются ФЕ, идентичные в структурном, семантическом и образном плане. Это вызвано общностью жизненных условий и ситуаций, мышления, человеческих чувств и понятий, совпадением основных функций, психических процессов у представителей народов всего земного шара. Поэтому можно выделить определенные пласты лексики, наиболее богатые фразеологизмами: это, в первую очередь, сравнения, указывающие на поведение, характер, умственные способности человека, его эмоции, отношение к окружающей среде, определенные понятия и ситуации. Многие из них являются образными выражениями, в основе которых лежат слова – названия частей тела, животных, птиц, предметов обихода, вещей, явлений природы, т.е. наиболее часто встречающиеся образы.

Для описания человека очень часто используются реальные (логические, мотивированные) сравнения, возникшие на основе традиционных представлений о том или ином животном. На протяжении веков жизнь людей была связана с природой, с наблюдением жизни

животных и птиц, и это наблюдение ассоциировалось с поведением человека и переносилось на него. Результаты этих наблюдений, человека над окружающей его действительностью, легли в основу общих для многих народов образов, символов, например:

дикие животные:

мар. *пире гай шужаш* – нем. *hungrig wie ein Wolf sein* 'быть голодным, как волк'; мар. *рывыж гай чоя* – нем. *listig wie ein Fuchs sein* 'быть хитрым, как лиса'; мар. *мераҥ гай лӱдаш* – нем. *feige wie ein Hase sein* 'быть трусливым, как заяц'; мар. *маска гай патыр* – нем. *gesund (stark) wie ein Bär sein* 'быть сильным, как медведь';

домашние животные:

мар. *пий гай ӱшанле* – нем. *treu wie ein Hund sein* 'быть верным, как собака'; мар. *шорык гай ораде* – нем. *dumm wie ein Bock sein* 'быть глупым, как баран'; мар. *пий гай нояш* – нем. *müde wie ein Hund sein* 'быть уставшим, как собака';

названия птиц:

мар. *шӱшпык гай мураш* – нем. *wie eine Heidelerche singen* 'заливаться соловьем'.

Следует отметить, что СФЕ, основанные на реальных наблюдениях за животным и растительным миром, возникают в различных языках независимо друг от друга в разное время.

Что касается структуры СФЕ, то здесь выделяются три компонента, которые условно обозначаются следующим образом: А – предмет сравнения (то, что сравнивается), В – образ сравнения (то, с чем сравнивается А), С – основание сравнения (признак, по которому реализуется сравнение между А и В) (6, с. 9–10; 7, с. 289–290; 8, с. 17–18).

Так, в немецком языке наиболее распространенной синтаксической схемой для образования сравнительных конструкций является присоединение сравнения к глаголу или обстоятельству (наречию) через модель ***wie + Substantiv***. Например: *kämpfen wie ein Löwe* 'бороться, как лев', *hungrig wie ein Wolf sein* 'быть голодным, как волк'.

В марийском же языке для выражения сравнения используются:

послелог ***гай*** 'как, словно, подобно кому – чему-либо, вроде кого – чего-либо', который может быть заменен другими сравнительными элементами в пределах одного сравнительного оборота;

послелог ***семын*** 'по, подобно, сообразно кому – чему-либо', для которого характерна устойчивость и который редко допускает замены;

усилительные частицы ***чылт*** 'совершенно, совсем, окончательно',

йылт 'совсем', ***ялт*** 'совсем, совершенно, точь-в-точь', ***чисти*** 'совершенно, совсем', которые могут заменять послелог ***гай*** и могут быть использованы в устойчивых сравнительных оборотах наряду с ним в препозиции;

союз ***пуйто*** 'будто, как будто', который ограничен в употреблении и передает невозможность какого-либо факта или указывает на нереальность ситуации;

суффикс ***-ла***.

Например: *капка йымал пий гай* 'как дворняжка', *айдеме семын* 'как человек', *чылт картинке (гай)* 'как картинка', *чисти ия* 'на самом деле черт', *пуйто порволен* 'как будто провалился'.

Иногда значение сравнения привносится с помощью послелогов ***наре*** 'почти, приблизительно, около чего-либо', ***виса*** 'приблизительно, почти, около чего-либо, с кого – чего-либо'. Данные послелоги указывают на количество и размер сравниваемых предметов, например: *калык кутко наре* 'народу много, словно муравьев', *калык ия виса* 'очень много (до черта) народу'.

Помимо этого, существует другой способ образования сравнительных конструкций – с участием сочетания ***дене икте*** 'одинаков ', например: *Ме вет тӱвыт* ***сокыр дене икте*** *улына, – манын, Элеса кугун шӱлалта* (Д. Орай) 'Мы ведь слепому подобны,— глубоко вздохнув, говорит Элеса'; ***Айдеме илыш йогын вӱд дене икте*** (Ш. Осып) 'Человеческая жизнь подобна текущей воде'.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. В последнее время большинство исследователей основными признаками всех структурных типов фразеологизмов, отличающими их от свободных словосочетаний, считают постоянство в лексическом составе, грамматической структуре, обобщенной лексической семантике и воспроизводимость как целостных готовых единиц. Сравнительные фразеологизмы обладают всеми этими признаками, но они не являются решающими при выделении сравнительных фразеологизмов из ряда других сравнительных оборотов.

2. Основные отличия ФЕ от свободных словосочетаний не заключаются в их внешней структуре. Главное внимание при решении этого вопроса следует уделять их внутренней, лексико-семантической структуре и, в первую очередь, изучению характера лексического значения отдельных слов, выступающих в тех или иных словосочетаниях, и тех смысловых (семантических) сдвигов, которые претерпевают отдельные слова при образовании сравнительных ФЕ.

3. Сравнительные ФЕ – это не только средство речевой коммуникации, но и особое художественно-изобразительное речевое средство, позволяющее дать яркую характеристику людей, животного мира, явлений природы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Огольцев В.М.* О фразеологизации устойчивых сравнений // Вопросы семантики фразеологических единиц / Тезисы докладов и сообщений.– Новгород, 1971.

2. *Ройзензон Л.И.* Заметки по русской компаративной фразеологии // Труды Самаркандского госуниверситета им. Алишера Навои, вып. 217.– Самарканд, 1971.

3. *Chernyseva I.I.* Phraseologie // Stepanova M.D. Chernyseva I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache.– Moskau, 1987.

4. *Грачева Ф.Т.* Сравнительные устойчивые обороты как источник обогащения фразеологии // Советское финно-угроведение. 1976. №1.

5. *Кунин А.В.* Английская фразеология (теоретический курс).– М., 1970.

6. *Ашурова Д.У.* Лингвистическая природа художественного сравнения (на материале англ. языка): Автореф. дисс. …канд. филол. наук.– М., 1970.

7. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка.– М., 1973.

8. *Черемисина М.И.* Сравнительные конструкции русского языка.– Новосибирск, 1976.

Inna Kazantseva

STRUCTURAL AND SEMANTICAL CHARACTERISTIC SEATURES OF FIGURATIVE COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE MARI AND GERMAN LANGUAGES

The investigation of comparative constructions of the Mari and German languages has shown, that they are based mostly on vocabulary that reflects concrete phenomena connected with people's life. Numerous comparatives found in oral and written speech are characterized by semantic integrity, stability, ability to be reproduced and expressiveness. Many linguists refer such constructions to comparative phraseological units and should be analyzed in terms of phraseology.

The main difference of phraseological units from free word combinations doesn't lie in their formal structure, that is why linguists should focus their attention on their internal lexical-semantic structure.

Comparative phraseological units are characterized by the three-component structure: the subject of comparison – the image of comparison – the basis comparison.

In the German language the most frequent syntactic s cheme for building comparative constructions is joining the comparison to the verb or the adverb (adverbial modifier) after the pattern **wie + substantive**. In the Mari language comparatives are expressed by: postpositions **γaj** and **semə̑n**, intensifying particles **čəlt**, **jə̑lt**, **jalt**, **čisti**, the conjunction **pujto**, and the suffix **-la**.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Ираида Иванова
Йошкар-Ола

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНОНИМИЧНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ С ПОСЛЕЛОЖНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖАХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы грамматической синонимии в финно-угорских языках рассмотрены недостаточно. В марийском языкознании находим лишь отдельные замечания о синонимии на уровне синтаксиса, например в монографии Л.П. Васиковой «Сложные предложения в современном марийском литературном языке» (3, с. 224). Вопросы синонимии словосочетаний и послеложных конструкций освещаются также в исследованиях С.С. Сибатровой (7, с. 108–115). Синонимичные глагольные словосочетания с обстоятельственными отношениями рассматриваются и в работе Л.А. Петуховой «Глагольные словосочетания, выражающие обстоятельственные отношения» (6, с. 50–67).

На материале удмуртского языка выделяются синонимичные словосочетания в работах П.Н. Перевощикова «Глагольные словосочетания» (5, с. 38–124) и В.М. Вахрушева «Субстантивные словосочетания в удмуртском языке» (4, с. 130–163). П.Н. Перевощиковым зафиксированы богатые синонимические возможности глагольных словосочетаний при выражении объектных, субъектных и различных обстоятельственных отношений.

В мордовских языках вопросы грамматической синонимии находят широкое освещение в исследованиях Р.Н. Бузаковой: «Синонимика падежных и послеложных конструкций на материале эрзянского языка» (1, с. 22–32), «Синонимия словосочетаний в мордовских языках» (2, с. 3–32). Р.Н. Бузакова определила синонимичные модели словосочетаний, в которых словосочетания одной структуры могут трансформироваться в словосочетания другой структуры, сохраняя при этом семантическую общность. В основном в этих синонимичных структу-

рах преобладающими являются послелоги, которые вносят определенные отличительные оттенки в семантику словосочетания.

Разносторонне разработаны вопросы грамматической синонимии в немецком языке в работах Е.П. Шенделься, М.П. Брандеса, В.Г. Адмони, Е.В. Нарустранга. Множество примеров грамматической синонимии приводятся в «Краткой энциклопедии немецкого языка» в разделе «Грамматическая стилистика» (11, с. 1024–1067), где выделяются синонимичные аффиксальные формы имен и глаголов, синонимичные синтаксические конструкции, образованные разными средствами.

Синонимия французского языка нашла место в работах ряда ученых, таких как Ш. Балли, Ж. Дюбуа, Б. Дюприе и других.

В синтаксисе русского языка вопросы синонимии словосочетаний разработаны в трудах В.П. Сухотина, А.Л. Шумилиной и других (8, 10).

В основе общности, позволяющей отнести ряд конструкций к синтаксическим синонимам, лежит общность грамматического значения, а также различие стилистического порядка. Синонимия может осуществляться только при условии передачи общего значения разными средствами. В нашей работе сделана попытка показать трансформацию словосочетаний одной структуры в словосочетания другой структуры, сохраняющих при этом их семантическую общность. В этих синонимичных структурах преобразующими являются послелоги. Они вносят определенные отличительные оттенки в семантику словосочетаний. Рассмотрим синонимию глагольных словосочетаний с существительными в формах пространственных падежей и послеложных конструкций.

В марийском языке весьма продуктивны глагольные словосочетания с именами существительными в пространственных падежах и существительными с послелогами. Существительное с послелогом выступает как целостная конструктивная единица, несущая значение, которое может быть очень близко к значению падежа без послелога. В этом случае послеложная конструкция синонимична падежной форме. В словосочетаниях глагол может выступать в спрягаемой и неспрягаемой формах. С глаголами разных форм могут сочетаться имена существительные, прилагательные, имена числительные, местоимения в косвенных падежах без послелогов и с послелогами, деепричастия, инфинитивы, наречия. В конструкциях с послелогами существительные чаще всего употребляются в именительном паде-

же. Однако послелоги *дек* «к», *деч* «от», *дене* «с, на» и некоторые другие могут сочетаться с существительными и местоимениями в родительном падеже (*нупын деч* «от них», *тудын дене* «с ним»).

Большие синонимичные возможности с послеложными конструкциями проявляют падежи с пространственными значениями.

Местному падежу синонимичны конструкции с послелогами *вок-тен* «рядом», *гыч* «из», *ончылно* «перед», *ӱмбалне* «над» при выражении локальных отношений и с послелогом *дене* «с» при выражении локальных отношений с объектностными оттенками, например:

Канаван тура ***серыштыже*** *пырня ора-влак* ***кият*** (17, с. 216) «На крутом берегу лежат бревна» – ср.: ***сер вок тен кият*** «лежат на берегу».

Энгырвоштырым кидешышт кучен, колым энгырен, шуко гана ***серыштат шинчылтыныт*** (18, с. 274) «Взяв в руки удочку (они) много раз сидели на берегу» – ср.: ***сер вок тен шинчылтыныт*** «сидели на берегу (досл. возле берега)».

...Мемнан ***взводыштo*** *ик салтак* ***колыш,*** *кумыт сусыргыш* (14, с. 95) «В нашем взводе один солдат погиб, трое были ранены» – ср.: *мемнан* ***взвод гыч колыш,*** *сусыргыш* «из нашего взвода погиб, были ранены».

Тудын яндар шемалге чурийже Сакарын ***шинчаштыже*** *кызытат ойыплалтын* ***коеш*** (17, с. 88–89) «Ее ясное, смуглое лицо до сих пор искрится в глазах Сакара» – ср.: ***шинча ончылныжо*** *ойыплалтын* ***коеш*** «искрится перед глазами».

Кӱшнӧ, пушенге ***вуйышто,*** *йӱштӧ мардеж* ***шӱшка*** «Наверху, на верхушке дерева, свистит холодный ветер» – ср.: *пушенге* ***вуй ӱмбалне шӱшка.***

Вияш ***корныштo*** *пий* ***верештеш,*** *кадыр* ***корныштo*** *ӱй теркемат* ***муат*** (14, с. 208) «На прямой дороге собака встретится, на обходной дороге найдешь и тарелку с маслом» – ср.: ***корно ӱмбалне верештеш, корно ӱмбалне муат*** «встретится в (досл. на) дороге, найдешь в (досл. на) дороге».

«Мый тошто илышем ше ***вачыштем нумалынам»,*** *– манеш тудо* (17, с. 87) «Я пронес свою жизнь на своих плечах», – говорит он» – ср.: *Комсомолец-влак Вачайын мом ойлымыжым шкат неш шинчат, нуно ше* ***вачышт дене*** *чыла йӧсыжым, нелыжым* ***нумалыныт*** (17, с. 192) «Комсомольцы сами очень хорошо понимают то, что сказал Вачай, они на своих плечах несли всю тяжесть».

Глагольные словосочетания с существительными в инессиве, кроме локальных отношений, могут передавать целевые и временные значения. В этом случае они синонимичны конструкциям с послелогом *годым* «когда, во время», например: *Продукцийын качествыжым са-*

емдымаште *республикысе промышленный предприятийлаште шагал огыл* ***ышталтеш***... (19) «Для улучшения (досл. в процессе улучшения) качества продукций в промышленных предприятиях республики делается немало» – ср.: ***саемдыме годым ышталтеш*** «делается для улучшения (досл. во время улучшения)».

Тыге пел кече кажне ***перерывыште ӱчашышна***... (13, с. 190) «Так мы спорили во время каждой перемены (досл. на перемене)» – ср.: *Поянрак кашак гына,* ***перерыв годым*** *ик лукыш погынен шогалын, ала-мом семынышт* ***мутланеныт*** (17, с. 147) «Только группа богачей, собравшись в углу во время перерыва, что-то говорила про себя».

При выражении направления действия от одного предмета к другому глагольные словосочетания с существительными в форме латива синонимичны конструкциям с послелогом *дек* (*деке*) «к», например:

«Ну, эше ик гана!» – кидым шуялтен... чевердасышат, ***омсашке ошкыльо****... следователь майор Кирилл Александрович Червяков* (12, с. 11) «Ну, ещё раз!» – протянув руку и попрощавшись, следователь майор Кирилл Александрович Червяков направился к двери» – ср.: *«Олмыжо куштo?» – Эвлес* ***омса дек тарваныш*** (12, с. 11) «Где он находится?» – Эвлес направился к двери».

Глагольное словосочетание с существительным в форме направительного падежа, выражающее конечный пункт действия, синонимично с конструкцией с послелогом *марте* «до». Например:

Чынжымак, изи йочан орланымыже ***мучашышке шуын*** (14, с. 78) «Действительно, мучение маленького ребенка дошло до предела» – ср.: ***мучаш марте шуын*** «дошло до предела».

При обозначении места совершения действия синонимичные отношения проявляются между словосочетаниями с именами существительными в форме обстоятельственного падежа и конструкциями с послелогом *дене* «с, на». Например:

Омешыжат ужеш *гын (Вӧдыр), муаш тырша ыле докан* (15, с. 21–58) «Если бы приснилось во сне (Ведыру), наверно, постарался бы отыскать» – ср.: *А тудо тендам* ***омыж денат ужеш*** (15, с. 21–58) «А вы снитесь ему и во сне».

В разговорной речи часто употребляется словосочетание *черетеш шогалаш* «вставать в очередь», синонимичную конструкцию которому можно встретить в художественных произведениях, например:

Тиде кум-ныл пайдан гыч батальон, полк, бригада йӱнеже. Санденак йошкарармеец-влак ***черет дене шогалыт****, вучат* (17, с. 11) «Из этих трех-

четырех бадеек хотят пить батальон, полк, бригада. Поэтому красноармейцы встают в очередь, ждут» – ср.: ***черетеш шогалыт***, *вучат* «встают в очередь, ждут (досл. на очередь)».

На место совершения действия может указывать также конструкция с послелогом *мучко* «по»: *Тудыжо (лум)…* ***кап мучко шулен йога*** (13, с. 65) «Тот (снег) тает по (всему) телу» – ср.: ***капеш шулен йога*** «тает на теле».

Отметим, что различие при замене конструкций с послелогом *мучко* «по» на глагольные словосочетания с существительными в направительном или в обстоятельственном падежах заключается в лексико-семантическом значении управляющего компонента. Например, глаголы со значением восприятия в большинстве случаев требуют употребления существительного в иллативе и обстоятельственном падеже: *уремыш ончалаш* «посмотреть на улицу» – ср.: ***Урем мучко ончалат*** *– кок могырышто 3–4-пачашан кугу кӱ пӧрт радам…* (14, с. 79) «Посмотришь на улицу (досл. вдоль улицы) – ряды 3–4-этажных каменных зданий».

Конструкции с послелогом *мучко* могут заменять глагольные словосочетания с существительными в форме инессива при указании на развитие действия в пространстве. Например: *Воштет лектын кайышаш гай писе мардеж* ***уремыште*** *орышо гай лӱшка* (14, с. 165) «Пронизывающий ветер гудит на улице, как бешеный» – ср.: *Теве* ***урем мучко*** *лум тӱтан… шӱшкен-мурен* ***эрта*** (14, с. 165) «Вот по улице просвистела снежная буря».

Конструкции с послелогом *ӱмбак* «на, над» способны заменять словосочетания с именами существительными в иллативе и обстоятельственном падеже. Выбор той или иной падежной формы зависит от значения глагола и выполняемой функции падежа. Обстоятельственный падеж, являясь многофункциональным, способен заменять местный и направительный падежи. При указании на направление действия обстоятельственный и направительный падежи оказываются синонимичными. Соответственно, конструкции с послелогом *ӱмбак* синонимичны словосочетаниям с существительными в обстоятельственном падеже и иллативе. Например:

Ағысыр ***койкеш*** *(Григорий Петрович) шуйналт* ***возо*** (16, с. 382) «(Григорий Петрович) лег на узкую кровать» – ср.: ***койко ӱмбак возо*** **(*койкышко возо*)** «лег на кровать».

Семон… ***терешыже*** *изи эргыжым* ***шынден***, *кудал толеш* (16, с. 153) «Семон… едет, усадив своего маленького сына на сани» – ср.: ***тер ӱмбакыже*** **(*терышке*)** ***шынден***, *кудал толеш* «едет, усадив на сани».

Однако обстоятельственный и направительный падежи в абсолютном большинстве случаев не могут замещать друг друга. Выбор падежной словоформы зависит от лексического значения управляющего глагола. Например, глаголы со значением движения подчиняют себе существительные в обстоятельственном и направительном падежах, а глаголы действия – в местном и обстоятельственном падежах. Конструкции с послелогом *ӱмбак* проявляют больше синонимичных возможностей с иллативом. Например:

Лышташышт тале мардеж пуымо дене… ***ше мландышке волен возыт*** (14, с. 74) «Листья от сильного ветра падают на сырую землю» – ср.: *…тул сескем-влак,* ***млande ӱмбак велын****, мардеж почеш шорге* ***шаланышт*** (13, с. 96) «…искры, падая на землю, рассыпались вслед за ветром».

Следует отметить, что послеложная конструкция употребляется более часто, чем падежная форма. Известно, что многие древние падежи в современном марийском языке исчезли и заменились послеложными конструкциями. Послелоги и наречия в прошлом были существительными в падежных формах. Выбор той или иной падежной формы обусловлен лексико-семантическим значением глагола. Местному падежу синонимичны послеложные конструкции со значением места протекания действия, а иллативу – со значением направления действия. Обстоятельственный падеж, являясь многофункциональным, проявляет синонимические возможности как с иллативом и инессивом, так и с некоторыми синонимичными им послеложными конструкциями. При замене послеложных конструкций глагольными словосочетаниями с существительными в пространственных падежах следует учесть семантику управляющего компонента, а следовательно, и способность его управлять теми или иными падежными формами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузакова Р.Н.* Синонимика падежных и послеложных конструкций на материале эрзянского языка // Финно-угристика, вып. 1. Межвузовский тем. сб. научн. работ.– Саранск, 1978.

2. *Бузакова Р.Н.* Синонимия словосочетаний в мордовских языках // Проблемы грамматического строя. Труды МНИИЯЛИЭ, вып. 77.– Саранск, 1984.

3. *Васикова Л.П.* Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Ч. 1.– Йошкар-Ола, 1982.

4. *Вахрушев В.М.* Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // Словосочетания в удмуртском языке.– Ижевск, 1980.

5. *Перевощиков П.Н.* Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке.– Ижевск, 1980.
6. *Петухова Л.А.* Глагольные словосочетания, выражающие обстоятельственные отношения // Вопросы грамматики и лексикологии.– Йошкар-Ола, 1980.
7. *Сибатрова С.С.* К вопросу о синонимике синтетических форм и послеложных конструкций в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1986. №2.
8. *Сухотин В.П.* Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке: Глагольные словосочетания.– М., 1960.
9. *Шендельс Е.П.* Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке): Автореф. дис... д-ра филол. наук.— М., 1964.
10. *Шумилина А.Л.* К вопросу о синтаксической синонимике // Исследования по лексикологии и грамматике рус. языка.– М., 1961.
11. Kleine Enzyklopedie der deutschen Sprache.– Leipzig: Bibliographisches Institut, 1970.
12. *Абукаев-Эмгак В.А.* Шочмо тувыр. Ч. 2.– Йошкар-Ола, 1992.
13. *Алексеев Г.В.* Погонан рвезылык // Повести и рассказы.– Йошкар-Ола, 1989.
14. *Шабдар О.* Ӱдырамаш корно.– Йошкар-Ола, 1975.
15. *Охотин В.И.* Увертарымаш почеш толшо пиал // Ончыко, 2001. № 12.
16. *Чавайн С.Г.* Элнет.– Йошкар-Ола, 1981.
17. *Шкетан М.* Эренгер.– Йошкар-Ола, 1986.
18. *Юзыкайн А.М.* Тулото.– Йошкар-Ола, 1978.
19. Марий коммуна. 6 сентября 1983.

Iraida Ivanova

SEMANTICAL AND FUNCTIONING OF SYNONYMIC WORD COMBINATIONS WITH POSTPOSITIONAL CONSTRUCTIONS AND NOUNS IN THE FORMS OF THE CASE OF SPACE IN THE MARI LANGUAGE

Synonymy is carried out under the conditions of transferring the common meaning by different methods. An attempt to show the transformation of a word-combination with one structure into a word-combination with another structure, preserving their semantic integrity, is made in our work. In similar synonymic structures, post-prepositions are the means, which contribute to differentiation of shades of meaning in the semantics of word-combinations. The synonymy of verbal word-combinations with nouns in the forms of the case of space and post-prepositional constructions is considered.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Ирина Шеда-Зорина
Ижевск

УДМУРТСКАЯ ДИАСПОРА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ

Существующие на сегодняшний день определения понятия «диаспора» довольно разнообразны и неоднозначны как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Говоря об удмуртской диаспоре, мы условимся считать ею ту часть удмуртского этноса, которая в результате национально-государственного строительства, развернувшегося после Октября 1917 года, оказалась вне своей титульной республики. По данным переписи населения 1989 года из 747 тысяч удмуртов более 250 тысяч (33,5 % от всего этноса) живет за пределами Удмуртской Республики.

В советское время проблемы национально-культурного развития расселенных за пределами Удмуртской Республики групп удмуртского населения, за исключением, может быть, первых лет автономии, на официальном уровне не учитывались специально.

Между тем диаспора всегда остро нуждалась во внимании к своим специфическим интересам, и не случайно забота о сохранении и развитии удмуртов, проживающих за пределами республики, была закреплена как одна из важных задач органов государственной власти в Конституции Удмуртской Республики 1994 года (ст. 1, п. 2) и в Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики (1995 г.).

Началом целенаправленной работы по оказанию помощи удмуртской диаспоре мы можем считать ноябрь 1996 года, когда на организованной Комитетом по делам национальностей при Правительстве Удмуртской Республики региональной научно-практической конференции «Удмуртская диаспора: проблемы и пути их решения» были выработаны конкретные предложения и сформулирована необходимость объединения усилий и координации деятельности заинтересованных в данном вопросе министерств, ведомств, общественных объ-

единений, научной и творческой интеллигенции как Удмуртской Республики, так и регионов, где проживают удмурты.

За прошедший с 1996 года период проделана определенная работа, в целях же выработки научно-обоснованного подхода и максимального учета особенностей и потребностей каждой локально-территориальной группы при решении проблем удмуртской диаспоры Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН при поддержке Министерства национальной политики УР в 2002 году начата реализация исследовательской программы «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа», в рамках которой в июле 2002 года проведена экспедиция в Куединский район Пермской области, а в октябре того же года – в Татышлинский и Янаульский районы Республики Башкортостан. Проживающие в этих районах удмурты (Куединский район – 17,7%, Татышлинский район – 21%, Янаульский район – 14% от общего числа населения района по переписи 1989 года) относятся к закамской группе.

Закамская этнографическая группа удмуртов характеризуется общностью исторического происхождения: она сформировалась в результате переселенческого движения удмуртов с мест традиционного расселения на башкирские земли, начавшегося в XV–XVI вв. и продолжавшегося с нарастанием до конца XIX в. Общностью характеризуется также и их традиционная материальная и духовная культура. В конфессиональном отношении закамские удмурты, за исключением двух небольших крещеных подгрупп, являются приверженцами традиционных удмуртских верований.

Предварительный анализ материалов, собранных в ходе экспедиций, дает возможность выявить не только особенности, присущие всем «удмуртским» сельским администрациям трех вышеперечисленных районов, но и различия, существующие между ними, обусловленные как историческими, так и современными факторами развития.

Как особенность можно отметить, что практически все сельскохозяйственные кооперативы, являющиеся основными производственными предприятиями, обеспечивающими население администраций работой, по многим показателям являются передовыми в районах. СПК, базированные в удмуртских населенных пунктах, не только сохранились, но успешно развиваются, при этом выбор путей адаптации к новым экономическим условиям достаточно разнообразен и во многом зависит от сложившихся условий в регионах.

Так, например, капитализация сельского хозяйства в Пермской области идет много быстрее, чем в соседнем Башкортостане. Начавшийся в конце 80-х – начале 90-х годов процесс развала и разорения хозяйств вынуждал на местах проявлять инициативу и самостоятельность. Удмуртские населенные пункты воспользовались возможностью отделения и создали новые сельские администрации (Большегондырская, Киргинская, Гожанская, Кипчакская), включающие 1–2 деревни, на базе которых продолжали работать существующие или были созданы новые коллективные хозяйства. При этом, осознавая, что успех производства во многом зависит от руководителя, члены кооперативов очень тщательно отнеслись к выбору председателей. Новые руководители сориентировали производство на наиболее прибыльные направления: племенное хозяйство, семеноводство, овощеводство, пчеловодство; активно и достаточно успешно стали искать пути более выгодного сбыта продукции своих хозяйств; наладили конструктивное сотрудничество с районными властями и нефтедобывающими предприятиями.

В то же время ни в одной из четырех «удмуртских» сельских администраций Куединского района нет фермерских хозяйств и только 1–2 удмурта занимаются частным предпринимательством. Данное явление отчасти может быть объяснено результатами, полученными в ходе исследований, проведенных Пермским государственным техническим университетом, в соответствии с которыми удмурты отличаются самым низким среди других этнических групп населения Пермской области уровнем адаптации к новым экономическим условиям.

Анализ полевых материалов, собранных в Татышлинском и Янаульском районах Башкортостана, невольно наводит на мысль, что руководство республики любыми путями пытается сохранить «социалистический островок» на селе: и территории сельских администраций, и коллективные хозяйства, и большая часть руководителей сохранились здесь со времен социализма; в колхозах по-прежнему существует должность освобожденного председателя профкома; в школах активно работает пионерская организация со 100% охватом учащихся (начиная с 5-го класса), проводятся политинформации, общешкольные линейки, парады, смотры строя и песни, сбор металлолома и макулатуры, оформляются отрядные уголки, работают Дворцы пионеров,– при этом у подавляющего большинства опрошенных не возникает даже сомнений, что предлагаемой политике идеологической и хозяйственной работы могут быть какие-то альтернативные варианты. В самом северном районе Баш-

кортостана, в Татышлинском, к тому же отдаленном от больших городов, непротивление и ожидание решений «сверху» особенно ощутимы.

Несколько иная ситуация в удмуртских населенных пунктах Янаульского района, на жизнедеятельность которых большое влияние оказывает близость городов Янаул и Нефтекамск и активная добыча нефти на землях коллективных хозяйств нефтегазодобывающим управлением «Краснохолмскнефть».

В конечном же итоге с сожалением приходится констатировать, что, несмотря на достаточно разный подход к решению существующих на селе проблем, ни тому ни другому региону пока не удается обеспечить достойную жизнь своим труженикам – даже в лучших хозяйствах обоих субъектов, к которым, как уже отмечалось, относится большинство сельскохозяйственных кооперативов, созданных на базе удмуртских населенных пунктов, среднемесячная зарплата работников СПК составляет лишь 700–800 рублей и при этом выплачивается нерегулярно. Не удивительно, что на фоне сложившейся социально-экономической ситуации будущее села оценивается опрошенными отрицательно, откровенно пессимистично в Пермской области и несколько осторожно, но с большой долей сомнения в дальнейшем успешном развитии в Республике Башкортостан.

Что же помогает удмуртской диаспоре (которая в основном, как и удмурты, живущие в Удмуртской Республике, относится к сельскому населению) сохраняться и развиваться в столь сложных условиях перехода к рынку?

На наш взгляд – это прежде всего приверженность к традиционной культуре и к устоявшимся формам хозяйствования. Даже в самые трудные годы перестройки в «удмуртских» коллективных хозяйствах обоих регионов не произошло сокращения поголовья скота и уменьшения посевных площадей. Трудолюбие, отмечавшееся многими исследователями как отличительная черта, характеризующая удмуртов, по-прежнему остается главным моральным стержнем, поддерживающим народ в смутные и тяжелые времена. Для достижения более или менее безбедного существования селяне (в том числе руководители СПК) вынуждены содержать большое подсобное хозяйство (в среднем 2–3 головы крупного рогатого скота, 3–4 овцы, 3–4 поросенка, утки, куры, гуси, огород), при этом и в любых делах и начинаниях большую роль играет взаимовыручка и взаимопомощь – в удмуртских деревнях люди по-прежнему «всем миром» (веме) строят дома, обрабатывают огороды, косят траву, просят богов о помощи и милосердии. Приверженность к обы-

чаям и традициям предков особенно ощутима в Республике Башкортостан, где удмурты, веками живя в инонациональном окружении, не разучились ценить родной язык и свою культуру, а напротив, здесь на практике можно наблюдать как происходит процесс мирного взаимопроникновения и взаимообогащения культур: население посещенных в ходе экспедиции деревень владеет 3–4-мя языками и с удовольствием слушает песни и исполняет танцы рядом живущих народов. За время многовекового соседства удмуртов, башкир, татар, марийцев Татышлинского и Янаульского районов в их лексиконе не появились слова, оскорбляющие и унижающие чувство национального достоинства.

Удмуртские деревни как в Республике Башкортостан, так и в Пермской области имеют достаточно развитую инфраструктуру, в них ведется активное строительство частного сектора, большую роль в жизни деревень играют сельские сходы, и, несмотря на то что, по мнению многих информантов, в последние годы участились мелкие кражи, усилилось пьянство, фактов, подтверждающих резкое повышение преступности среди местного населения, нет, не зафиксированы здесь также случаи наркомании и СПИДа.

Тем не менее неуверенность в завтрашнем дне, усиливающаяся неопределенностью государственной аграрной политики, вынужденная сверхэксплуатация себя ради достижения материального достатка, неверие в возможность обеспечения достойного будущего своих детей неизбежно вызывают чувство бесперспективности и безысходности. Среди населения удмуртских деревень депрессивное состояние, к сожалению, нередко приводит и к крайней форме выражения отчаяния – суициду: 5 самоубийств за неполные 7 месяцев 2002 года на территории одного (Большегондырского) сельсовета Куединского района Пермской области и 2 случая суицида только за время пребывания экспедиции в Татышлинском районе Республики Башкортостан.

Таким образом, анализ материалов, собранных в ходе экспедиций, еще раз подтверждает, что в наиболее сложные этапы развития общества сохранение этнических признаков помогает процессу выживания. Разумное сочетание общинного самоуправления и административного руководства, поддержка общественного землепользования и производства и вместе с тем оказание разносторонней помощи личному подворью, учет национальных традиций хозяйствования при проведении рыночных реформ являются на сегодняшний день основой жизнеобеспечения удмуртской диаспоры.

На наш взгляд, удмуртской диаспоре, сумевшей не потерять свою этническую идентичность, язык и самобытную культуру, веками живя в инонациональном окружении, для дальнейшего сохранения и развития и для успешной адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям необходимо стремиться к более широкому представительству в различных политических союзах, партиях, создавать свои национально-культурные центры и при этом активно сотрудничать с национально-культурными объединениями других народов, принимать участие в финно-угорском движении, чтобы организованно и консолидировано оказывать прогрессивное влияние на реформы, проводимые в стране.

Существенную помощь диаспоре в области сохранения и развития родного языка, национальной культуры, традиций и обычаев могут и должны оказывать как государственные органы власти, так и общественные организации, ученые, творческая интеллигенция Удмуртской Республики, но в конечном итоге только в тесной взаимосвязи и сотрудничестве между субъектом федерации, в котором тот или иной этнос оказался в меньшинстве, и его титульной этнической родиной могут быть решены многие проблемы диаспор.

Активная позиция прежде всего самой удмуртской диаспоры, оказание ей разносторонней поддержки со стороны титульной республики, успешное развитие межрегионального сотрудничества являются основными предпосылками ее дальнейшего гармоничного развития.

Irina Sheda-Zorina

UDMURT DIASPORA IN THE BORDER OF THE XX-XXI CENTURIES

The author of the article considers the mechanisms of adaptations and oppositions of people in modern social and economic conditions, citing as an examples Udmurts, which live in Kuyedinsky region of Perm district and Tatyshlinsky and Yanaulsky regions of Bashkortostan. The analysis of materials confirms that supporting for collective land tenure, helping to own coaching inn and taking into account the national traditions of housekeeping helps to the process of surviving people in the most difficult stage of social development.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Аркадий Васинкин
Йошкар-Ола

ДВА ПИСЬМА Ф. ВАСИЛЬЕВА В. КОЛУМБУ

Хватает Волге широты и сини,
Но с Камою она еще сильней.
И для меня бы не было России
Без маленькой Удмуртии моей.

Флор Васильев

Безграничную любовь к родному краю и к своему народу испытывают все талантливые люди. Их жизнь и бурная деятельность обычно скоротечны, но всегда оставляют неизгладимый след в памяти соотечественников. Яркой звездой сверкнуло на небосклоне удмуртской поэзии творчество Флора Ивановича Васильева.

«Детство, опаленное войной» – лучше и точнее не скажешь о поколении, людях, родившихся в грозовые предвоенные годы. В. Колумб и Ф. Васильев, о творческом наследии которых в дальнейшем пойдет речь, действительно были «детьми войны» и людьми близкой судьбы. Страшное время осталось в их памяти надолго, прочертило глубокий след.

...Фашисты убили
Отца моего.
Мне выпала доля
Дожить за него.
Не хватает ста лет
Для стремлений моих –
Трудиться, учиться и жить
За двоих,–

читаем мы в стихотворении В. Колумба «Жизнь моя» *(перевод В. Татаринова)*. Ему вторит удмуртский коллега Флор Васильев:

Детство мое...
Опалены
Жаром войны

Его слабые крылья,
Но шаги его
Все мне слышны –
Годы их тишиной не накрыли.

«Детство», перевод Е. Храмова

Есть еще одно такое объединяющее их понятие, обобщающее слово, они – погодки.

В феврале 1934 года в глухой деревушке Бердыши в Удмуртии появился будущий талант, и дали ему нежное имя Флор – цветок. А через год с небольшим, в мае 1935-го – в лесном краю прозвучит крик, это впервые пробует свой голос будущий величайший марийский поэт со звучной фамилией Колумб. Имя его «Валентин» в переводе с латинского – «сильный».

«Нежный» и «Сильный» – и в природе, и в жизни обычно всегда вместе, им судьбой предназначено быть рядом, шагать, опираясь на плечо друг другу. Однако они, два поэта, не были друзьями, если даже встречались когда-то, виделись и общались, об этом нет ярких свидетельств, но их объединяло общее дело – творчество. Об этом я узнал случайно.

Копаясь в архивной пыли, вдруг обнаружил два письма, написанные одинаковым почерком и адресованные одному и тому же человеку. Эти документы публикуются впервые, поэтому привожу их полностью и с сохранением всех особенностей авторского стиля.

Сборник стихов В. Колумба «Живая вода», о котором идет речь в коротком письме, был выпущен в Москве издательством «Советский писатель» в 1961 году. Это первая небольшая, объемом 68 страниц, книга стихов марийского поэта на русском языке, изданная в авторизованном переводе. Именно это издание попало в руки удмуртского поэта Флора Васильева, и стихи марийского коллеги приглянулись ему глубиной мыслей и свежестью образов, яркой поэтичностью.

«Уважаемый Валентин Христофорович!

Мне очень понравились многие Ваши стихи из сборника «Живая вода». Одно из них – «Жалобы коня» я перевел на удмуртский язык, правда, без Вашего согласия. Но мне кажется, что Вы не будете обижаться.

Товарищи сказали, что перевод получился. И вот его напечатали в республиканской молодежной газете. Газету посылаю Вам.

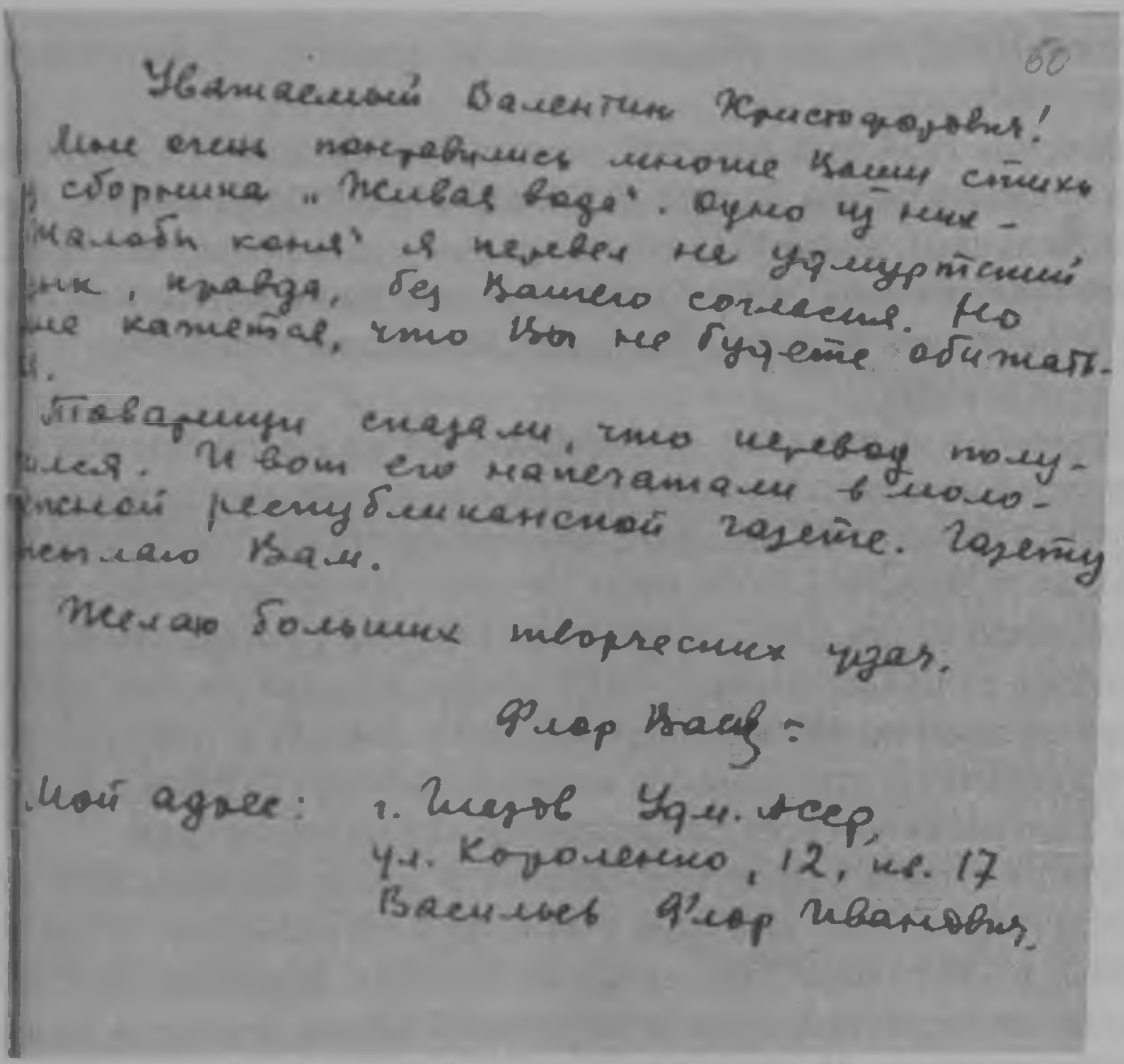
Желаю больших творческих удач.

Флор Васильев

Мой адрес: г. Глазов Удмуртской АССР,
ул. Короленко, 12, кв. 17.

Васильев Флор Иванович» (1, с. 61) –

таково содержание первого письма.

60

Уважаемый Валентин Христофорович!
Мне очень понравились многие Ваши стихи
в сборнике „Живая вода". Одно из них –
„Жалобы коня" я перевел на удмуртский
язык, правда, без Вашего согласия. Но
мне кажется, что Вы не будете обижать-
ся.
Товарищи сказали, что перевод полу-
чился. И вот его напечатали в моло-
дежной республиканской газете. Газету
посылаю Вам.
Желаю больших творческих удач.

Флор Васильев

Мой адрес: г. Глазов Удм. АССР,
ул. Короленко, 12, кв. 17
Васильев Флор Иванович.

К сожалению, в данном документе не указана дата, но в этом нет необходимости, невелика потеря, потому что последующее письмо тесно связано с предыдущим:

«Добрый день, Валёнтин Христофорович!

Большущее спасибо за письмо. Спешу ответить. Да, стихи ваши мне понравились. Особенно «Живая вода», «Жалобы коня» и ряд других. Представьте, понравилось и стихотворение «Но стихам моим верь, жена!». Здорово написано. Жалею, что изуродовали переводчики. Знаете что,

пошлите мне подстрочники этого стихотворения. Попытаюсь перевести. А заодно еще несколько новых стихов. Авось что-либо выйдет снова в республиканских газетах, хотя переводы они всегда там маринуют. Ну, черт с ними!

Так что буду ждать, пошлите. Хорошо?

Что нового в ваших краях?

О себе. Работаю в городской газете «Ленинский путь», заместителем редактора. Стихов у меня мало, но и те – дрянь! Вышел первый сборник в начале прошлого года. Но там есть стихи, даже порядочно, за которых приходится сейчас расплачиваться перед читателями. До сих пор не пойму, как они попали туда.

В издательстве 3-й год лежит второй сборник. Не знаю, когда и выйдет. Обещают на будущий год. Скоро должны выпустить детские сборники, небольшие. Вот и все, весь мой багаж.

Не знаю, как у вас, но все мое время проглатывает газета. Приходится работать урывками.

Пишите, Валентин Христофорович, если это вас не затрудняет. Жду. Непременно пошлите стихи. Только укажите размер оригиналов.

20.03.62 г. *Флор»* (1, с. 61)

Из этого письма, во-первых, следует, что если был ответ на послание удмуртского коллеги, значит, В. Колумб и Ф. Васильев все же изредка переписывались. Во-вторых, теплые отношения между ними сложились сразу же, так как в последующей корреспонденции официальный тон, фамильярность уже отсутствуют. В-третьих, второе послание Флора Васильева свидетельствует о его скромности и высокой требовательности к себе («Стихов у меня мало, но и те – дрянь»; «Вот и все, весь мой багаж»). В-четвертых, данное сообщение красноречиво говорит о близости сердец двух великих финно-угорских поэтов второй половины XX века, о постоянной их готовности поддержать друг друга («Знаете что, пошлите мне подстрочники этого стихотворения»; «Непременно пошлите стихи»).

«Всех, кто знал поэта, покоряли его сердечная чуткость, такт, желание помочь другому. Можно бы привести просто десятки больших и малых примеров, рисующих Флора Васильева именно со стороны действенного доброго отношения к людям.

– Что за беда! – бывало, ободряюще говорил он. – Подожди горе-

вать. Все будет хорошо! – И не ждал, что хорошо станет само собой, а прикладывал к этому все усилия» (2, с. 4–5)– так вспоминает о нем другой удмуртский поэт Олег Поскребышев.

Но бываю я всех счастливей
Изо всех подаренных дней,
Если вижу вокруг счастливыми
Я других, остальных людей (3, с. 57) –

подтверждение его слов мы находим в стихах удмуртского поэта.

Безграничная доброта выплескивается из стихов и поэм его марийского собрата Валентина Колумба. Наиболее остро мы можем ощутить это в поэме «Доброта». О близости судеб и поэтических строк Флора Васильева и Валентина Колумба можно рассуждать бесконечно, но лучше всего об этом расскажут сами стихи:

Пробила пуля деду грудь...
О нем тужу сейчас я...
Но времени не зачеркнуть
Добытого им счастья» (3, с. 48) –

читаем мы в стихотворении «Мой дед».

Военное детство, гибель младшего брата, смерть жены, преждевременная кончина израненного на войне отца – много жизненных трудностей, бед пришлось испытать нежному и чуткому сердцу удмуртского поэта. И в этом судьба Флора Васильева перекликается с судьбой Валентина Колумба (на войне погибли отец и брат, рано пришлось взвалить ему на неокрепшие плечи все хозяйственные заботы и т.д.).

Они знали и предчувствовали, что времени для жизни и творчества им отведено немного, и оба торопились жить.

Долгие слушаю годы
Всплески и голоса:
Рыбами полны воды,
Птицами полны леса,
Тихо черемуха светит,
Сходит с ума соловей.
Никто из них не заметит
Час кончины моей (4, с. 5) –

эти стихи Васильева были опубликованы на русском языке в 1976 году. Через два года, в июльскую жару, жизнь Флора Васильева прервалась трагически (появился он на свет в зимнюю стужу, в феврале, прожил

всего 44 года). А за два года до опубликования удмуртским поэтом этих печальных строк перестало биться сердце Валентина Колумба (родился он в мае, а жизненная судьба оборвалась в декабре 1974 года). Перед кончиной он тоже создает как бы пророческий цикл стихов «Прощайте, любимые легенды». Смерть его также была преждевременной и трагической. Он не дожил даже до сорока.

Перед вами два письма, две близкие своей трагичностью судьбы гениальных людей... Флор Васильев и Валентин Колумб прожили жизнь яркую, но короткую, спрессованную временем. Что это, закономерность или же роковая случайность?

ИСТОЧНИК И ЛИТЕРАТУРА

1. МарНИИЯЛИ. Архив В. Колумба. Папка № 1.

2. *Олег Поскребышев.* О Флоре Васильеве // Флор Васильев. Вкус солнца.– М., 1983.

3. *Флор Васильев*. Родное.– М., 1986.

4. *Флор Васильев*. Иволги слышалось пение (перевод Е. Храмова) // Времена жизни.– М., 1976.

Arkadi Vasinkin

F. VASILYEV'S TWO LETTERS TO V. KOLUMB

Udmurt poet Flor Vasilyev and his Mari colleague Valentin Kolumb were not close friends but they are the children of war and people of close destiny.

They were broken together with that time when they lived, they were united by their the creative work which they loved devotedly.

Analizing Kolumb's works and his life experience a rich biobibliographical material was collected. Accidentally, F. Vasilyev?s two letters to his Mari colleague were found among them. It was informed to the Chairman of Udmurt Writer Union Management Yegor Zagrebin. He urgently asked to prepare an article. My promises flew in this publication. We would like to receive from Udmurt colleague Kolumb's answer which must be kept in Udmurt poet's archives, according to Flor Vasilyev's second letter.

«Финно-угроведение», 2004, №1

ПЕРСОНАЛИИ

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

(к 90-летию со дня рождения профессора Н.Т. Пенгитова)

Исполнилось 90 лет со дня рождения профессора Николая Тихоновича Пенгитова. Кто его не знает? Наверно, не ошибусь, если скажу, что его знает весь мир. Ведь он один из «патриархов» марийского языкознания, второй после В.М. Васильева языковед с ученой степенью. Он как ясновидящий умел предвидеть развитие марийской лингвистической науки, ковал свою школу, указывал пути молодым ученым для поиска новых решений по самым насущным проблемам марийского языка. Не случайно все финно-угроведы высоко ценят его труды и сегодня. Жаль только, что он не сумел передать нам все свои идеи при жизни. Он ушел от нас в 1994 году, 3 октября, прожив лишь полгода после своего 80-летнего юбилея. А идей было очень много.

Родился Н.Т. Пенгитов 28 марта 1914 года в деревне Старокрещено (по-марийски Крешын Руй) Токтай-Белякской волости Вятской губернии, ныне Ошканерского сельсовета Новоторъяльского района Республики Марий Эл.

Труден был жизненный путь Николая Тихоновича. Даже в школе он начал учиться только с 9 лет, но учился старательно. У него появилось желание стать учителем, поэтому после окончания 6 классов он пешком отправляется в Яранск, чтобы поступить в педтехникум. При этом педтехникуме тогда было подготовительное отделение. Николай поступает на это отделение и через год становится студентом Яранского педагогического техникума. В 1932 году Николай Тихонович успешно заканчивает учебу и сразу же поступает в Марийский госу-

дарственный педагогический институт на факультет языка и литературы. Так он продолжал осуществлять задуманную еще в детстве мечту – стать преподавателем с высшим образованием. В 1936 году, после окончания отделения русского языка и литературы, работает завучем Мари-Турекской средней школы. Через год его направляют в Мари-Билямор-ское педагогическое училище преподавателем русского языка и литературы. Здесь он проработал до 1941 года.

В то время в марийском языкознании не хватало кадров, поэтому руководство Марийской республики, заметив, что Николай Тихонович имеет склонности к научной работе, направляет его на учебу в аспирантуру Ленинградского университета. К великому сожалению, Николаю Тихоновичу не пришлось учиться в аспирантуре: началась Великая Отечественная война, он вернулся обратно домой. До призыва в армию работает в Новоторъяльском роно. Из-за плохого зрения его не призвали на фронт, а направили на завод «Уралмаш», где он работал простым рабочим. Но и здесь из-за болезни глаз долго не продержался, в 1942 году его вообще демобилизовали. После демобилизации он до 1943 года работает директором Сернурского педагогического училища. В 1943 году его назначают заведующим кафедрой марийского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, но душа его тянулась в науку. После окончания Великой Отечественной войны он осуществил свою мечту. В 1948 году Николай Тихонович поступает в аспирантуру Института языка и мышления АН СССР в г. Ленинграде. Его научным руководителем стал известнейший финно-угровед, член-корреспондент АН СССР Д.В. Бубрих. Но в 1949 году безвременно оборвалась жизнь Д.В. Бубриха, его заменил также всемирно известный финно-угровед профессор В.И. Лыткин. Институт языка и мышления стал называться Институтом языкознания АН СССР, ныне Институт языкознания АН России. В Ленинграде Николай Тихонович участвовал в различных научных форумах, общался с такими корифеями языкознания, как Л.В. Щерба, И.И. Мещанинов, Л.Р. Зиндер, А.В. Десницкая, С.Е. Малов, С.Д. Кацнельсон, В.А. Аврорин, О.Г. Суник. Ему была предложена тема для исследования по экспериментальной фонетике, но из-за плохого зрения он отказался и взял тему «Причастия в марийском языке». В 1951 году Николай Тихонович успешно защитил кандидатскую диссертацию и вновь вернулся на кафедру марийского языка и литературы Марпединститута ее заведующим.

Впервые мне довелось с ним встретиться в г. Петрозаводске в 1949 году, когда я был студентом второго курса финно-угорского отделения Карело-Финского (ныне Петрозаводского) университета. Туда он приезжал на Всесоюзную конференцию по языкознанию и, узнав, что в университете есть его земляк-студент, решил со мной встретиться. Тогда он посоветовал мне заняться изучением истории марийского языка в сравнительно-историческом плане. По сути дела, это определило дальнейший мой путь в науке. В 1953 году я поступил в аспирантуру при кафедре финно-угорских языков Тартуского университета к академику П. Аристэ.

В 1956 году как ведущий ученый Марийской республики Николай Тихонович назначается директором МарНИИ им. В.М. Васильева, которым руководил до 1960 года. В 1960 году вновь возвращается в Марийский государственный педагогический институт заведовать кафедрой марийского языка и литературы. Несмотря на небольшой срок руководства МарНИИ, им была проделана гигантская работа: Николай Тихонович организовал составление «Русско-марийского словаря» (Москва, 1966), многотомной научной грамматики марийского языка «Современный марийский язык» (Фонетика, Йошкар-Ола, 1960; Морфология, Йошкар-Ола, 1961; Синтаксис сложного предложения, Йошкар-Ола, 1961; Лексикология, Йошкар-Ола, 1972), одним из авторов и редакторов которой был он сам. В эти же годы он написал «Сопоставительную грамматику русского и марийского языков», Йошкар-Ола, 1958. Под его руководством был создан свод правил по марийской орфографии и пунктуации и орфографический словарь «Марий орфографий мутер», Йошкар-Ола, 1972. По его инициативе были написаны фундаментальные труды, такие как «Очерки истории Марийской АССР» в 2-х томах, Йошкар-Ола, 1960, 1965; «Очерки истории марийской литературы», Йошкар-Ола, 1963. В 1956 году им было положено начало систематическим работам Марийской археологической экспедиции в пределах Республики Марий Эл.

Н.Т. Пенгитов интересовался не только языком. Его перу принадлежат и ряд работ по фольклористике, литературе, этнографии. Очень много внимания он уделял школе. Им подготовлен ряд школьных учебников и программ. Его стараниями ежегодно издавались сборники научных трудов сотрудников МарНИИ, проводились итоговые научные конференции молодых ученых. Научно-исследовательская работа кипела, научные кадры росли.

Будучи заведующим кафедрой марийского языка и литературы МГПИ, он не забывал молодых ученых МарНИИ, приглашал их читать лекции по своим исследуемым проблемам. Таким образом молодые лингвисты проходили вузовскую стажировку, учились преподавательской деятельности. Будучи на заслуженном отдыхе, Николай Тихонович до самых последних дней своей жизни не прерывал связи с вузами и научно-исследовательским институтом, он активно участвовал в различных научных мероприятиях.

Немало его учеников стали докторами и кандидатами наук. Это доктора филологических наук, профессора Л.П. Васикова, Н.И. Исанбаев, Г.И. Лаврентьев, Д.Е. Казанцев, И.Г. Иванов; кандидаты филологических наук, профессора З.В. Учаев, Е.Н. Мустаев, И.С. Иванов; кандидаты педагогических наук К.Т. Тимофеев, А.Ф. Веденькин и др. А сколько его учеников стали заслуженными учителями.

За особые заслуги в научной и педагогической деятельности Н.Т. Пенгитов награжден орденом Трудового Красного Знамени, несколькими медалями. Ему присвоили звание: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки и техники Марийской АССР».

Память о Николае Тихоновиче Пенгитове никогда не угаснет, его будут помнить не только его ученики и учителя школ, но и весь мир лингвистической науки.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Геннадий Сепеев, Иван Ялтаев
Йошкар-Ола

ПАТРУШЕВ АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения доцента кафедры региональной истории МарГУ, кандидата исторических наук Анатолия Степановича Патрушева. Широкой научной общественности он известен как историк-финно-угровед, специалист по аграрной истории Марийского края. Марийский ученый сделал значительный вклад в исследование состояния сельского хозяйства и аграрных отношений, истории общественного движения и классовой борьбы на территории края в конце XIX – начале XX в., просветительства, образования и культуры марийского народа.

Анатолий Патрушев родился 12 апреля 1934 года в деревне Шукшиер Сернурского района Марийской АССР. Он был пятым ребенком в многодетной семье Патрушевых – сельского учителя Степана Хрисанфовича и колхозницы Пелагеи Андреевны. Родители воспитали 8 детей в духе уважения к труду и знаниям. Семеро из них получили высшее образование, а трое стали квалифицированными учеными. Это – кандидаты наук, доценты Геннадий (лингвист) и Анатолий (историк) и доктор наук, профессор Валерий (археолог).

В 1941–1948 гг., в трудное военное и послевоенное время, Анатолий учился в Дубниковской семилетней школе, затем в 1948–1952 гг. – в Сернурском педучилище. Успевая по всем предметам, он постепенно стал отдавать предпочтение урокам истории и географии. Интерес к истории зародился по рассказам и воспоминаниям отца о событиях в жизни родного селения и его жителей, которые легли в основу рукописи учителя об истории деревни Шукшиер. В педучилище Анатолий окончательно утвердился в решении получить историческое образование.

Во время учебы на отделении истории истфилфака Марийского пе-

дагогического института в 1952–1956 гг. А.С. Патрушев успешно осваивал комплекс исторических дисциплин, проявлял интерес к местной истории и краеведению, занимаясь в институтской и республиканской библиотеках. Был он активным общественником, избирался комсоргом курса и дважды членом комсомольского бюро факультета. Выпускник-историк воспользовался возможностью получить вторую специальность – в 1956–1957 гг. он продолжил учебу на выпускном курсе географического факультета Горьковского пединститута, который окончил успешно.

После вуза А.С. Патрушев был направлен в Сернурский район и получил назначение в Мустаевскую среднюю школу учителем истории и географии. За 1957/58 учебный год он запомнился коллективу учителей и учащихся, местному населению активной деятельностью в стенах школы и за ее пределами. Молодой учитель интересно и разнообразно проводил уроки. Он участник и ведущий различных школьных мероприятий, докладчик на праздничных и общественных торжествах, лектор местного агитколлектива. Как классный руководитель самого большого VIII класса (около 40 учащихся), сложившегося из выпускников-семиклассников Мустаевской средней и нескольких окрестных семилетних школ, он сумел сплотить их в дружный коллектив, отличившийся на школьном смотре художественной самодеятельности.

Мустаевские ветераны помнят особую причастность А.С. Патрушева к постановке коллективом учителей комедии-водевиля «Окса тул» (Клад) классика марийской литературы С.Г. Чавайна, репрессированного в 30-е годы и реабилитированного в 50-е. Ему, завсегдатаю Республиканской библиотеки в студенческие годы, было поручено попытаться найти в ее фондах, с помощью ее работников, текст комедии, хотя было известно, что наследие классика было уничтожено. Настойчивость молодого учителя была вознаграждена: в закоулках книгохранилища, среди чудом сохранившихся книг, был обнаружен экземпляр востребованной им пьесы. Она была доверена ему до следующего утра. Переписка полного текста комедии стоила А.С. Патрушеву бессонной ночи, но он испытал огромное удовлетворение от исполнения этого поручения коллектива. Спектакль по водевилю С.Г. Чавайна, показанный на временных подмостках школьного зала, был восторженно принят школьниками, жителями Мустаева и близлежащих деревень.

Уже во время работы в школе наметился крутой поворот в жизни и судьбе сельского учителя. Его кандидатура как бывшего перспективного выпускника-историка оказалась востребованной для научной работы в МарНИИ в связи с развернувшейся подготовкой двухтомника «Очерков истории Марийской АССР».

Проработав до конца учебного года в школе, в июне 1958 года А.С. Патрушев был зачислен в штат МарНИИ на должность младшего научного сотрудника сектора истории. Ему была поручена разработка и написание главы «Марийский край в годы первой мировой войны и февральской революции (1914–1917 гг.)» для «Очерков...». Молодой сотрудник успешно справился с неисследованной по существу темой, разработав ее на основе исторических публикаций, выявленных архивных материалов и документальных источников. Результатом работы стал принятый к публикации первый научный труд молодого сотрудника – статья «Состояние крестьянского хозяйства и классовая борьба в деревнях Марийского края в годы первой мировой войны» (Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ, вып. 16. 1961). Для тома советского периода «Очерков...» он осуществил подбор иллюстраций. Кроме того, А.С. Патрушев подготовил публикацию архивных документов «К характеристике положения лесорабочих Марийского края в начале XX века» (Вопросы истории и археологии Марийской АССР. Труды МарНИИ, вып. 17. 1962).

Занимаясь в архивах и библиотеках, любознательный историк целеустремленно искал «новые страницы» и «белые пятна» в истории Марийского края. Открывая их, он старательно фиксировал забытые и неизвестные события и сюжеты из жизни края, различных ведомств, обществ и учреждений, городов, сел и деревень, судьбы и факты коллективов и отдельных личностей. Наряду с материалами по основной теме, он собирал «банк данных» по другим граням истории края. А.С. Патрушев однажды пережил чувство первооткрывателя, обнаружив в фондах Казанского госархива подлинные документы, относящиеся ко времени выхода в 1907 году первого светского издания на марийском языке,– календаря-ежегодника «Марла календарь». Раньше о календарях судили лишь по содержанию материалов и по воспоминаниям отдельных современников с весьма противоречивой оценкой идейных позиций издателей и авторов. В документах, выявленных А.С. Патрушевым, выражена резко негативная оценка издания

монархическими кругами как вредного, противоправительственного направления с предложениями губернатору поручить провести расследование, наказать издателя, цензора, рассыльных, изъять тираж в волостях с марийским населением. Впервые эта публикация (Ончыко, 1959, №2) документально представила восприятие календаря глазами власть имущих. Несомненно, статья А.С. Патрушева вызвала необходимость более объективного рассмотрения вопроса об идейной направленности и оценки марийских календарей в преддверии подготовки «Очерков истории Марийской АССР».

Молодой ученый начал сотрудничать со средствами массовой информации, знакомил читателей с событиями прошлого и современной научной жизнью республики. Так, на страницах газеты «Марийская правда» появились статьи о мастере-стеклодуве М.Я. Рылове (1.03.1961), о первых автомобилях в окрестностях Царевококшайска (6.07.1961), о первом тракторе в Маробласти (25.02.1962), об участии марийских ученых на Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште (16.09.1960). С этим же событием он ознакомил читателей молодежной газеты «Рвезе коммунист» (17.09.1960). О достижениях ученых республики последних лет он информировал читателей, будучи участником совместного ученого совета МарНИИ и пединститута, посвященного 40-летию Марийской АССР (МП.22.10.1960).

Имеющего определенный опыт научной работы, автора ряда опубликованных статьей, А. С. Патрушева направлили в аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, где он обучался в 1961–1963 годах. Его научная тема была связана с предыдущей, начатой в МарНИИ, но расширена хронологически и утверждена под названием «Марийская деревня в начале XX века». Научным руководителем стал доктор исторических наук Х.Х. Хасанов. Аспирант активно штудировал специальную литературу, работал в фондах Научной библиотеки КГУ, в архивах Казани, Йошкар-Олы, соседних республик и областей.

Исследование аграрной истории Марийского края приобрело приоритетное направление в его научной деятельности. Однако в сфере его внимания оставались и другие аспекты истории края – одни в силу его участия в подготовке «Очерков истории Марийской АССР», другие из-за его природной любознательности и интереса к краеведению.

В октябре 1963 года А.С. Патрушев вернулся на прежнюю должность в МарНИИ, оставаясь аспирантом-заочником. На завершаю-

щем этапе подготовки дореволюционного тома «Очерков...» ему необходимо было доработать свою авторскую XI главу о состоянии промышленности и написать раздел «Классовая борьба в Марийском крае в пореформенный период» для VIII главы. Он успешно справляется с заданиями, и обе авторские работы были включены в издание (Очерки истории Марийской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.– Йошкар-Ола, 1965).

По результатам архивных поисков молодой историк выступал на ежегодных научных сессиях МарНИИ с докладами по вопросу аграрной истории края в конце XIX – начале XX в., в частности, об особенностях общинного землевладения, об укреплении наделов в личную собственность по столыпинской аграрной реформе. На расширенном заседании сектора истории и редколлегии I тома «Очерков истории...», посвященном идейной направленности и оценке деятельности журнала «Марла календарь» (декабрь 1963 г.), он выступил с содокладом, с привлечением выявленных архивных документов, о попытке прекращения и запрета календаря, оцененных монархическими кругами Казани как издания «крайне вредного и возбуждающего против власти направления». На заседании присутствовали ученые МарНИИ и вузов, писатели, работники издательства и музея. Доклад К.К. Васина, содоклад А.С. Патрушева, выступления присутствовавших способствовали утверждению в целом положительного значения календаря в развитии культуры и литературы марийского народа, несмотря на противоречия между прогрессивно-демократическими и либерально-буржуазными позициями издателей и авторов. Подробно об этом заседании он пишет в публикации «Хроника» (Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Труды МарНИИ, вып. 19. 1964). На страницах газет «Марий коммуна» и «Марийская правда» в эти годы он рассказывает об учителе-революционере П.Г. Григорьеве, о 75-летнем пути Мустаевской средней школы, о первом тракторе в Маробласти и др.

В марте 1965 года А.С. Патрушев был назначен заведующим сектором истории МарНИИ. Он работал бессменно в этой должности до мая 1978 года.

За эти 13 лет наиболее плодотворно проявилась его научная работа, активное участие и деятельность в организации исторических исследований в институте, формировании кадров сектора истории,

установлении связей с научными учреждениями центра и соседних республик и областей.

Он продолжил диссертационное исследование, выступал на научных конференциях с докладами по аграрной тематике, публикуя соответствующие тезисы и статьи. Так, на годовых научных сессиях МарНИИ его выступления опубликованы тезисно на темы о незначительных результатах столыпинской реформы и деятельности Крестьянского поземельного банка в крае (Тезисы.., 1967), о сельском хозяйстве края накануне Октября (Тезисы.., 1968). В исторических сборниках МарНИИ им опубликованы статьи «Об общинном землевладении в Марийском крае в конце XIX – начале XX в.» (История, археология, этнография. Труды МарНИИ, вып. 22. 1967), «О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века» (Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ, вып. 23. 1971).

Результатом многолетней исследовательской работы А.С. Патрушева стала его кандидатская диссертация на тему «Марийская деревня в начале XX века», успешная защита которой состоялась на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Казанского государственного университета в январе 1972 года. Высоко оценили исследование марийского ученого официальные оппоненты – профессора И.М. Ионенко (КГУ), И.Д. Кузнецов (Чувашский НИИ, письменный отзыв), А.В. Хлебников (Марийский пединститут, он же – от имени ведущего научного учреждения), члены Ученого совета, профессора Е.П. Бусыгин, Р.И. Нафигов и др. Выступавшие отметили крупный вклад соискателя в изучение аграрной истории Марийского края эпохи империализма, заметно дополняющий общую картину состояния сельского хозяйства региона Среднего Поволжья. Были высказаны предложения о скорейшей публикации работы. Диссертационное исследование А.С. Патрушева было издано в виде монографии «Марийская деревня в период империализма» (Йошкар-Ола, 1974). Впервые аграрная история края конца XIX – начала XX в. получила всестороннее и обобщающее освещение вопросов крестьянского землевладения и землепользования, состояния отраслей крестьянского хозяйства, материально-производственной базы, общественно-правового положения крестьян, проведения столыпинской аграрной реформы и ее минимальных результатов, антиправительственных выступлений и классовой борьбы в крае в течение изучаемого периода. Тема массового движения и революционных выступлений крестьян пуб-

ликовалась также в материалах научных конференций и в тематических научных сборниках, например, «Марийское крестьянство в период свержения местных органов царской власти» (Материалы... по итогам... 1974 года.– Йошкар-Ола, 1975); «Аграрные выступления крестьян Царевококшайского уезда весной и летом 1917 года» (Тезисы... по итогам... за 1971–75 гг.); «Марийские листовки периода первой русской революции» (200 лет марийской письменности.– Йошкар-Ола, 1977); «Политический митинг в Кокшамарах в 1906 году» (Вопросы дореволюционной истории Марийского края.– Йошкар-Ола, 1978); «Марийский край в период февральской буржуазно-демократической революции. Свержение местных органов царской власти (март-апрель 1917 г.)» (Там же) и др.

Еще до защиты диссертации А.С. Патрушев начал исследование по теме «Аграрные преобразования в Марийском крае после Октября». Ей он посвятил ряд публикаций: «Установление советской власти в марийских волостях Уржумского уезда (на примере Сернурской волости)» (Тезисы... по итогам... за 1967 год. 1968); «Мландын у озаже» [Новый хозяин земли] (Ончыко, 1970, № 5); «Марий кресаньыкын Ленин корныжо» [Ленинский путь марийского крестьянства] (Йошкар-Ола, 1970); «Ленинский декрет о земле и марийское крестьянство» (Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период.– Йошкар-Ола, 1978) и др.

Особое место в научных поисках А.С. Патрушева занимало изучение истории просветительства и культуры марийского народа. Среди них выделяются статьи по документальным материалам о становлении и начальном периоде просветительской и издательской деятельности будущего ученого В.М. Васильева: «В.М. Васильев и «Марла календарь» (Валериан Михайлович Васильев.– Йошкар-Ола, 1974), творческой деятельности будущего классика марийской литературы С. Г. Чавайна. Последнему посвящена книга «С. Чавайн в Казани: Годы учебы в учительской семинарии» (Йошкар-Ола, 1973). Активное участие он принимал в выявлении и представлении материалов по Марийской АССР для многотомного академического издания «Культурная жизнь в СССР: Хроника» (М., Наука, 1975–1978).

А.С. Патрушев – участник многих институтских, вузовских, республиканских конференций, а также XIII Международного конгресса исторических наук в Москве (1970), Международного аграрного семинара в г. Фрунзе (1971 г., с докладом), Всесоюзной конференции по

опыту написания истории городов, сел, колхозов и совхозов в г. Киеве (1972 г., с докладом). Он выступал с докладами на 4 конференциях историков-аграрников Среднего Поволжья.

Как руководитель сектора истории А.С. Патрушев принимал активное участие в подготовке и проведении научной сессии по этногенезу марийского народа (1965), XIII Всесоюзной конференции по финно-угроведению (1969), конференции «200 лет марийской письменности» (1975), Первой конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (1976), прошедших в г. Йошкар-Оле. Так, на конференции по этногенезу мари он был ответственным за магнитофонную запись и фотографирование выступавших с докладами и в прениях. Позднее он был ответственным за выпуск книги по материалам конференции «Происхождение марийского народа» (Йошкар-Ола, 1967). На конференции историков-аграрников, помимо выступления с докладом, он был членом оргкомитета, после нее был включен в состав редколлегии. Вместе с казанским историком Ю.И. Смыковым А.С. Патрушев выполнил научно-организационную работу по подготовке двух выпусков сборника по материалам конференции (Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья, Йошкар-Ола, 1978). Об итогах и значимости конференции в г. Йошкар-Оле, о перспективах и проблемах изучения аграрной истории региона Среднего Поволжья А.С. Патрушев и Ю.И. Смыков дали подробную информацию в журнале по отечественной истории (История СССР.– М., 1977, №4).

Деятельное участие принимал А.С. Патрушев в подготовке документального сборника по истории марийского комсомола. Для этого издания он выявлял, отбирал и оформлял материалы по ранним, наиболее трудным периодам, которые были включены в 3 раздела, охватывающие 1919–1932 гг. (Из истории Марийской организации ВЛКСМ. Сборник документов и материалов 1919–1978 гг.– Йошкар-Ола, 1978).

Признанием компетентности А.С. Патрушева как историка, сведущего по многим проблемам местной и региональной истории, является систематическое обращение в возглавляемый им сектор за консультацией для написания отзывов, рецензий со стороны научных учреждений, издательства, редакций газет и журналов, работников музеев, школ, театров, аспирантов и соискателей. Только по заказу книжного издательства он представил несколько рецензий на произведения марийской художественной литературы и по краеведению:

исторические романы И. Борисова-Тыныш, К. Исакова, сборник повестей К. Васина, краеведческие сборники журналиста М. Сергеева, сборник документальных очерков о жизненном пути видных общественных и политических деятелей 20–30-х годов XX в. «Нуным калык шарна» (Народ их помнит) коллектива историков и краеведов, исследование о деятельности рабочих-двадцатипятитысячников в годы коллективизации в МАО историка В.А. Ерошкина и др. Рецензии-информации А.С. Патрушева о новинках научной продукции и событиях научной жизни печатались и на страницах республиканской прессы. Так, на страницах газеты «Марийская правда» он опубликовал обзор материалов о Марийской республике и народе, представленных в 9-м томе «Советской исторической энциклопедии» (9.01.1967), анализ содержания научных сборников секторов истории (28.09.1967), археологии и этнографии (26.03.1977) МарНИИ. В журнале «Политическая информация» напечатана рецензия на книгу казанского историка Ю.И. Смыкова «Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю» (1977, №11), в газете «Марий коммуна» – обзор основных выступлений на конференции о происхождении марийского народа (12.12.1965).

Продолжается активное сотрудничество А.С. Патрушева со средствами массовой информации и по освещению событий прошлого. Например, в газете «Марий коммуна» опубликованы информационные события о митинге в Кокшамарах в марте 1906 г. (5.03.1966), о первом самолете, прилетевшем в Маробласть (2.03.1967), о первом праздновании 1 Мая в крае (1.05.1967), о праздновании 2-й годовщины Октября в Конганупе (6.11.1969), о событиях революции 1905–1907 гг. в крае (21.11.1975) и др. В «Марийской правде» увидели свет статьи А.С. Патрушева о циркуляре казанского губернатора, запрещавшем празднование дня 8 марта в губернии (8.03.1967), о выступлениях крестьянина Токтай-Белякской волости А.Е. Кропотова на заседаниях III Государственной думы в оценке В.И. Ленина (10.02.1971) и др., в «Марий коммуне» – о революционерке, члене «Народной воли», уроженке с. Тумьюмучаш Конганурской волости А.В. Якимовой (22–23.03. 1969).

Сотрудничество А.С. Патрушева с органами народного образования выразилось в представлении материалов о событиях исторического прошлого, которые публиковались в учебном пособии «Родной край» для 3–4 классов начальных школ республики (Йошкар-Ола, 1966), в книгах для чтения учащимся начальных классов марийских

школ: классного (1974) и внеклассного (1975) чтения. Пособие «Родной край» неоднократно переиздавалось в последующие годы.

А.С. Патрушев показал себя умелым организатором научной работы коллектива сектора, заботившимся о привлечении молодых кадров для исследования слабоизученных тем в истории края. Он выявлял способных выпускников из Марийского пединститута и других вузов, и дирекция, полагаясь на его рекомендации, принимала их на работу. Большинство из них оправдало надежды А.С. Патрушева, определилось с темой, успешно начало свой путь в науку. Пройдя стажировку и учебу в аспирантуре ведущих научных учреждений г. Москвы (Институт истории СССР АН СССР, МГУ), многие из них еще в годы руководства А.С. Патрушева сектором успешно защитили кандидатские диссертации: А.С. Казимов, А.Н. Чимаев, В.Н. Аблинов, Л.А. Дубровина. В марте 1976 года за вклад в исследование истории и культуры Марийского края постановлением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР А.С. Патрушеву было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «История СССР».

А.С. Патрушев принимал активное участие в общественной деятельности института и за его пределами. В МарНИИ он избирался заместителем и секретарем парторганизации, председателем месткома профорганизации, руководил первичными организациями Общества «Знание», Общества охраны памятников истории и культуры, группой народного контроля. В 60–70-х годах он в течение 9 лет являлся заместителем председателя президиума городского совета Общества охраны памятников истории и культуры, был членом Ученого совета Республиканского научно-краеведческого музея, внештатным лектором Марийского ОК КПСС. В октябре 1975 г. постановлением Совета Министров Марийской АССР А.С. Патрушев был утвержден руководителем секции по историческим наукам Республиканского совета по координации научно-исследовательских работ.

Научная и общественная деятельность А.С. Патрушева отмечена многими благодарностями и грамотами. Республиканский и Центральный советы Общества охраны памятников наградили его почетными грамотами, а последний – значком «За активную работу в Обществе». Он награжден почетными грамотами Марийского обкома КПСС и Совета Министров МАССР, Президиумов республиканского и городского правлений Общества «Знание», Министерства культуры, Мар-

книгоиздата, редакций газет «Марийская правда» и «Марий коммуна», радиокомитета, музея и др.

С января 1978 года по настоящее время научно-педагогическая деятельность А.С. Патрушева связана с историко-филологическим факультетом Марийского государственного университета: он был избран по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории. Однако по ходатайству дирекции МарНИИ ему было разрешено работать в прежней должности по совместительству на 0,5 ставки до сдачи в производство материалов Первой конференции по аграрной истории Среднего Поволжья. По месту издания материалов в Йошкар-Оле он оставался наиболее действенным членом редколлегии и счел своим долгом довести ответственное дело до конца. С 1 мая 1978 года он был освобожден от должности заведующего сектором истории МарНИИ.

В 1979–1981 гг. А.С. Патрушев был заместителем декана историко-филологического факультета, на 1981–1983 гг.– избран заведующим кафедрой всеобщей истории. В 1982 году ему было присвоено ученое звание доцента. С разделением кафедры всеобщей истории на две самостоятельные А.С. Патрушев в 1983–1988 гг. возглавлял кафедру истории СССР (с двухлетним пребыванием в должности старшего научного сотрудника). В 1988–1993 гг. А.С. Патрушев – доцент этой же кафедры. С июня 1993 года по настоящее время он трудится доцентом новообразованной кафедры региональной истории.

В университете основной сферой деятельности А.С. Патрушева стала преподавательская работа, первое время сочетавшаяся с руководящей работой в деканате и на кафедрах. Приобретенные в предыдущие годы знания и опыт он щедро передавал студентам на лекциях и специальных курсах. Основной его специализацией стал лекционный курс «История Марийской АССР – Республики Марий Эл», который он читает во всех группах историко-филологического факультета, включая заочное отделение, в последние годы также на юридическом и других факультетах. Кроме того, он читает курсы по отечественной истории XVII–XIX вв., заменяя коллег, находящихся на стажировке, на повышении квалификации и т.п. В числе спецкурсов, которые ведет один из старейших преподавателей факультета,– «Сельское хозяйство Марийского края в начале XX века» и «Марийский край в годы трех русских революций XX века». А.С. Патрушев многие годы руководит музейной практикой студентов, их курсовыми и

дипломными работами. Десятки студентов выбрали и написали дипломные работы по истории Марийского края под его научным руководством. Из них более тридцати работ были рекомендованы к публикации, две из них получили грамоты Всероссийских конкурсов. Пять наиболее способных дипломников А.С. Патрушева выбрали тернистый путь науки и защитили кандидатские диссертации: В.Ф. Абрамов (в 1989 г. в ЛГУ), С.Н. Исанбаев (в 1990 г. в Институте истории СССР АН СССР), В.И. Козин (в 1992 г. в МГУ), И.А. Лебедев (в 1988 г. в КГУ), И.Ф. Ялтаев (в 1990 г. в КГУ). Один из них – В.Ф. Абрамов – к тому же защитил докторскую диссертацию в Российском государственном гуманитарном университете (г. Москва).

Значительное место во время работы в университете А.С. Патрушев отводит научно-исследовательской деятельности. Он продолжает представлять материалы по культуре республики к академическому изданию «Культурная жизнь в СССР. Хроника» к двум выпускам (за 1951–1965 и 1966–1977 гг.), которые изданы в 1979 и 1981 годах. Вновь он включается в изучение истории марийского комсомола, входит в состав авторского коллектива. А. С. Патрушев – автор трех глав: «В борьбе за власть Советов (1917–1918 гг.)», «В годы гражданской войны (1918–1920)», «На фронте хозяйственного возрождения (1921–1925 гг.)» (Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ.– Йошкар-Ола, 1984). Затем А.С. Патрушев был привлечен к участию по созданию хроникального обзора истории Марийской партийной организации. Он является автором трех первых глав хроники: «До Великой Октябрьской социалистической революции», «Большевики Марийского края в период Великой Октябрьской социалистической революции и триумфального шествия Советской власти», «Коммунистические организации Марийского края в период иностранной интервенции и гражданской войны» (Путь борьбы и созидания. Хроника Марийской областной организации КПСС.– Йошкар-Ола, 1988).

Более чем через 20 лет после «Очерков истории Марийской АССР» марийские историки подготовили к изданию двухтомную, переработанную «Историю Марийской АССР». А.С. Патрушев, как член авторского коллектива, разработал материалы к главам VIII (Классовая борьба и национальное движение в пореформенную эпоху) и X (Край между двумя буржуазно-демократическими революциями и в период февральской революции), которые представил редколлегии первого дореволюционного тома, где они были опубликованы (История Ма-

рийской АССР. Т. 1. От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.– Йошкар-Ола, 1986).

В сфере внимания остается и традиционная тема А.С. Патрушева – вопросы аграрной истории края. На эту тему он выступал на конференциях по аграрной истории Среднего Поволжья в гг. Саранске и Чебоксарах, в частности, о советской историографии аграрной истории региона (Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья.– Саранск, 1981, в соавторстве) и о крестьянском движении в Царевококшайском уезде Казанской губернии в 1917 (Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма.– Чебоксары, 1982). На I Всероссийской научной конференции финно-угроведов, состоявшейся в октябре 1993 г. в г. Йошкар-Оле, А.С. Патрушев выступил с докладом об особенностях общинного землепользования в крае в начале XX века (Узловые проблемы современного финно-угроведения.– Йошкар-Ола, 1995).

В его публикации «Культура земледелия марийцев в конце XIX – начале XX века» (Финно-угроведение. 1999. № 4) акцентируется внимание на исконно сложившихся традициях, опыте и практике бережного отношения к окружающей природе, к лесным угодьям марийских крестьян. Они избегали сплошной беспорядочной вырубки леса, избирательно относились к расчистке лесных участков, пригодных под пашню. Будущую пашню они выбирали после тщательного изучения почвенного покрова и преобладающих пород деревьев. Лучшими для расчистки новей они считали места, покрытые орешником, а также с преобладанием дуба, вяза, липы, так как эти деревья, по их мнению, растут на более плодородных почвах, чем остальные. Автор упоминает, что существовала специальная молитва, с которой по обычаю марийцы обращались к дереву перед рубкой в случае острой необходимости для строительства. Марийцы различали семь сортов почвы, качество которых подходило для посева соответствующих полевых культур.

Характеризуя состав полевых культур, А.С. Патрушев показал изменения их удельного веса в структуре севооборота, сравнивая показатели 80–90-х годов XIX века и предреволюционного десятилетия XX века.

На III Международном историческом конгрессе финно-угроведов в г. Йошкар-Оле (28 октября – 1 ноября 2003 г.) А.С. Патрушев выступил с докладом «Общее и особенное в развитии хозяйства марийцев в конце XIX – начале XX в.», который он озвучил на заседании секции

«Проблемы истории развития финно-угорских народов в XVI – начале XX в.».

А.С. Патрушева по-прежнему интересуют вопросы истории просветительства, образования и культуры марийского народа. Среди них выделяется обстоятельная статья по историографии изучения марийских календарей, прослеживающая эволюцию взглядов и оценок на идейную направленность и содержание календарей, социально-классовую характеристику их издателей и авторов материалов (Вопросы истории Марийского края.– Йошкар-Ола, 1978). На новых материалах подготовил статью «Из истории подготовки автономии марийского народа» (Самоопределение и автономии народов России.– Йошкар-Ола, 1995).

В сборнике «Певец народа. Воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне» (Йошкар-Ола, 1988) помещен очерк историка «Документы Казанского архива» о времени учебы писателя в учительской семинарии с комментариями автора о значении казанского периода жизни в формировании мировоззрения и литературного творчества будущего классика марийской литературы. Статья А.С. Патрушева (в соавторстве) «Царевококшайская учительская семинария (1917–1919)» показала деятельность и значение данного учебного заведения в подготовке учительских кадров для нужд местных школ края (Марийский археографический вестник. 1997. № 7).

Результатом многолетней и плодотворной исследовательской деятельности ученого является более 80 научных работ.

А.С. Патрушев активно проявляет себя в общественной жизни университета, города, республики. Он неоднократно выдвигался в состав участковой избирательной комиссии выборных кампаний, избирался ее председателем или заместителем председателя. В 1990–1993 гг. он был избран депутатом городского Совета, в составе которого был утвержден председателем постоянной комиссии по культуре и межнациональным отношениям.

В апреле 1990 года организацией «Марий ушем» А.С. Патрушев был избран председателем Центрального совета и правления этого объединения. Он исполнял эту должность до II съезда в апреле 1992 года. С тех пор он неоднократно избирался членом Центрального совета и правления объединения.

А.С. Патрушева отличает ответственное отношение к своим служебным должностным и общественным обязанностям и поручениям, добропорядочность, тактичность, доверительность поведения во вза-

имоотношениях с коллегами, сослуживцами, студентами. Он пользуется заслуженным авторитетом и уважением в коллективе, как это было в МарНИИ, так это есть и в МарГУ. Его научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность отмечена многочисленными благодарностями и различными грамотами, премиями. В 1987 году он награжден медалью «Ветеран труда». В 1994 году за заслуги в научно-исследовательской работе ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Марий Эл». 12 апреля 2004 года «за многолетнюю и плодотворную научно-педагогическую деятельностью, за успехи в подготовке молодых специалистов и в связи с 70-летним юбилеем» А.С. Патрушев награжден Почетной грамотой Государственного Собрания Республики Марий Эл.

Основные труды А.С. Патрушева

Монографии

Ленинский путь марийского крестьянства.– Йошкар-Ола, 1970.– 52 с. (на мар. языке).

С. Чавайн в Казани. Годы учебы в учительской семинарии.– Йошкар-Ола, 1973.– 46 с.

Марийская деревня в период империализма.– Йошкар-Ола, 1974.– 272 с.

Главы и разделы в коллективных изданиях

Очерки истории Марийской АССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.– Йошкар-Ола, 1965. Глава VIII, § 4. С. 243–250; Глава XI, §§ 1–3. С. 310–332.

Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника.– М., 1975; 1928–1941. Хроника.– М., 1976; 1941–1950. Хроника.– М., 1977; 1951–1965. Хроника.– М., 1979; 1966–1977. Хроника.– М., 1981 (факты и события по Марийской АССР).

Из истории Марийской организации ВЛКСМ: Сборник документов и материалов 1919–1978 гг.– Йошкар-Ола, 1978. Сост.: разд. I–II. С. 7–62; разд. III (в соавторстве). С. 65–92.

Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ.– Йошкар-Ола, 1984. Гл. I–III. С. 8–41.

История Марийской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.– Йошкар-Ола, 1986. Гл. VIII, § 5. С. 191–199; Гл. X (в соавторстве). С. 226–253.

Путь борьбы и созидания: Хроника Марийской областной организации КПСС.– Йошкар-Ола, 1988.– Гл. I–III. С. 5–17.

Основные статьи

Об общинном землепользовании в Марийском крае в конце XIX – нач. XX вв. // Труды МарНИИ, вып. XXII.– Йошкар-Ола, 1967.– С. 107–114.

О сельском хозяйстве Марийского края в нач. XX века // Труды МарНИИ, вып. XXIII.– Йошкар-Ола, 1971.– С. 40–104.

В.М. Васильев и «Марла календарь» // Валериан Михайлович Васильев.– Йошкар-Ола, 1974.– С. 25–36.

Марийские листовки периода первой русской революции // 200 лет марийской письменности.– Йошкар-Ола, 1977.– С. 107–119.

Марийский край в период Февральской буржуазно-демократической революции в России. Свержение местных органов власти (март – апрель 1917 г.) // Вопросы дореволюционной истории Марийского края.– Йошкар-Ола, 1978.— С. 94–130, 157–162.

Общинное землепользование в Марийском крае в начале XX века // Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Узловые проблемы современного финно-угроведения.— Йошкар-Ола, 1995.— С. 40–45.

Культура земледелия марийцев в конце XIX – начале XX века // Финно-угроведение. 1999. № 4.– С. 94–97.

Общее и особенное в развитии хозяйства марийцев в конце XIX – начале XX вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов.– Йошкар-Ола, 2004.– С. 205–211.

Полный список научных работ А.С. Патрушева см.:

Марийский археографический вестник. 1995. № 5.– С. 183–186.

Труды ученых Марийского государственного университета: Библиографический указатель. 1972–1997. Вып. 1, ч. 2. Историко-филологический факультет.– Йошкар-Ола, 1998.– С. 41–43.

Библиографический указатель научных трудов за 50 лет (1930–1980). МарНИИ.– Йошкар-Ола, 1981.– С. 101–108.

Ученые земли Сернурской /Нац. б-ка им. С.Г. Чавайна. Сернурское землячество «Истоки». Сост. Р.В. Савельева.– Йошкар-Ола, 1999.– С. 22–28.

«Финно-угроведение», 2004, №1

Валерий Никитин,
Диана Ефремова
Йошкар-Ола

ТАТЬЯНА БАГИШЕВНА НИКИТИНА. 30 ЛЕТ В НАУКЕ

(к 50-летию со дня рождения)

Татьяна Никитина всю свою послешкольную жизнь связала с археологией. Впервые я познакомился с ней в 1973 году, когда ее курс студентов-историков МарГУ проходил археологическую практику на Уржумкинском археологическом комплексе под руководством Г.А. Архипова. Сам по себе интересный объект из двух разновременных памятников – поселения эпохи раннего металла и раннесредневекового (азелинского) могильника – не мог не родить чего-то значимого и нового, и не только в смысле научного познания. Каждодневные, а то и ежечасные, порою неожиданные открытия нового, непознанного, но завлекательного, будоражащего воображение и стремление познания этого загадочного прошлого должны были проявиться в комто, хотя бы в виде первоначального любопытства. И к счастью, этот кто-то проявился уже через несколько дней работы в облике блондинки со множеством вопросов: как, когда, зачем, почему и т.п. Первоначально обилие таких «когда» и «зачем» раздражало, но со временем я понял – это не простое любопытство, а нормальное студенческое стремление к познанию. Это стремление познать непознанное осталось в Татьяне Багишевне навсегда. Если посмотреть на ее студенческое прошлое, то удивляешься – когда она все успевала. В учебе – отличница, староста археологического кружка факультета, постоянно с июня по октябрь в экспедициях. Ее интересовали все эпохи, древняя история всех народов. Она работала на могильниках раннего железного века с В.С. Патрушевым, азелинские некрополи изучала в экспедициях П.Н. Старостина, древнемарийские — ежегодно с Г.А. Архиповым, древние поселения каменного века с В.В. Никитиным. Кроме того, еще студенткой она прошла пешими разведочными маршрутами левобережные притоки р. Волги: Большую и Малую Кокшаги, Илеть, Арду.

Организовала самостоятельные маршруты по рекам Большой и Малый Кундыш, а также целенаправленные поиски марийских могильников не только в республике, но и за ее пределами. Полевые уроки, полученные Т.Б. Никитиной в Марийской археологической экспедиции, укрепили ее природную целеустремленность и настойчивость, дали уверенность в собственные силы, развили организаторские способности. Когда закончилось вузовское время и Татьяна Багишевна пришла младшим научным сотрудником в отдел археологии и этнографии МарНИИ, вживаться в коллектив ей не пришлось. Она давно уже стала своей среди своих.

Татьяна Багишевна Никитина (Шикаева) родилась 27 июля 1954 года в г. Йошкар-Оле. Здесь же в 1970 году окончила школу, затем год – за прилавком обувного магазина. В 1972 г.– студентка историко-филологического факультета вновь образованного Марийского государственного университета. После полевой археологической практики Татьяна Багишевна постоянно сотрудничает с Марийской археологической экспедицией, работает по индивидуальному плану, целенаправленно изучая теоретические основы археологической науки. В эти годы она собрала и проработала значительный материал, который использовала в своей дальнейшей научной работе по изучению истории марийского народа XVII–XVIII веков. Ее студенческие работы отличались тем, что были написаны на материалах, полученных при личном участии в изучении памятника, ее научные выводы были обоснованны и убедительны. Школа студенческих конференций (а в 1970-е годы она была очень представительная и сильная, свидетельство тому десятки высококвалифицированных специалистов выпуска второй половины 70-х годов) дала свои результаты. В научной деятельности Т.Б. Никитиной не было бесплодных дискуссий. Для нее всегда должен был быть материал, факт, предмет. Красивые фразы, простое декларирование не ее стиль. Критический анализ источников, достоверность фактов, уважительное отношение к гипотезам и выводам предшественников и оппонентов с самых ранних работ стали нормой ее научно-исследовательских разработок.

В 1981–1982 годах Татьяна Багишевна, стажер-исследователь Института археологии, продолжает свою теоретическую подготовку под руководством известного советского археолога доктора исторических наук, профессора Светланы Александровны Плетневой. С 1986 года Татьяна Багишевна переводится на должность старшего научного со-

трудника, а в 1988 году успешно защищает кандидатскую диссертацию в Институте археологии Академии наук СССР.

Набранный еще в студенческие годы темп полевых исследований не снижается. Ежегодные раскопки и разведки, иногда по 3–4 месяца, позволили ей собрать уникальный материал по погребальному обряду марийцев XVI–XVIII веков, опубликованный в десятках статей и монографии «Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.)» – 1992 г. С начала самостоятельных полевых исследований Татьяна Багишевна не испытывала недостатка рабочей силы. Ее занятия со школьниками во Дворце пионеров руководителем археологического кружка создали костяк постоянных участников раскопок. Ее справедливая требовательность (одинакова ко всем: и к детям, и к взрослым), четкая организация работы и быта, заботливое отношение к детям создали ей «славу» суровой, но справедливой тети. В ее экспедициях росли и мужали многие городские девчонки и мальчишки. Некоторые из них уже на протяжении более 20 лет с величайшим удовольствием проводят свои отпуска «на лопате» в ее экспедициях, некоторые со спокойствием доверяют ей уже своих детей.

При ее непосредственном участии в 1993 году создается Научный центр финно-угроведения при Марийском научно-исследовательском институте. Исполнительным директором назначают Татьяну Багишевну. Тогда же было организовано издание научного журнала «Финно-угроведение», в 1995 г. проведена I Всероссийская научная конференция финно-угроведов. Разрабатывая проблемы древней этнической истории марийцев, она организовала на базе Марийской археологической экспедиции полевые семинары по проблемам культурных и этнических контактов финно-угров с булгарами и славянами в 1992 г. и культурной связи народов Поволжья в средневековье – в 2002 г.

Разрабатывая большой круг проблем по древней истории марийского народа, Татьяна Багишевна проводит полевые работы не только на марийских могильниках, но и на ряде поселенческих памятников (городищ и селищ). Ее исследования городищ Репище и Красное селище на р. Суре, Сомовское II и Аламнер на р. Волге, селищ в прибрежных районах Волги и Суры позволили собрать и обобщить разнообразные источники по многим сферам деятельности древних марийцев, получившие освещение в монографиях «История Марийского края в I тыс. н.э.» – 1999 г. и «Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам)» – 2003 г.

С самого начала научной деятельности она находила возможность организовать свою экспедицию, сотрудничая с марийским отделением ВООПИК и различными строительными учреждениями. Уже тогда принципом ее работы стал девиз – кто хочет работать, тот найдет возможность. Позже, в годы перестройки, этот организаторский дар помогал ей находить выход из трудных ситуаций, проводя совместные работы с отделом культуры районных администраций. И в настоящее время Татьяна Багишевна уделяет много внимания сотрудничеству с Научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры РМЭ и администрацией Горномарийского района в изучении уникального средневекового городища Аламнер и его округи. Многолетние археологические работы на городище, прилегающих к нему селищах, жертвенниках, некрополях и других хозяйственных объектах, создали благоприятные условия для организации здесь музея-заповедника с реконструкцией средневекового поселения, включив его в туристические маршруты.

Кто близко знаком с Татьяной Багишевной, или кому приходилось работать с ней, первоначально удивляются ее рассеянности и несобранности. С первого взгляда кажется, что она никогда не придерживается никакой системы организации своей работы. Рассованные по кабинету деловые бумаги и письма; номера телефонов и адреса учреждений и т.п., записанные в телефонной книжке по своей непонятной для постороннего глаза системе – все это удивляет. Казалось бы, найти что-либо в этом хаосе невозможно. Однако Татьяна Багишевна никогда не опаздывает на встречи, не забывает в какой стопке или углу искать нужный документ или книгу, на какой бумажке или конверте записан нужный телефон, помнит имена и отчества всех чиновников, с которыми ей приходится работать. Она обладает своей, глубоко индивидуальной системой, сложившейся за годы организованного беспорядка и тщательной небрежности, главное – у нее порядок в голове.

Восхищает в Татьяне Багишевне еще одна сторона ее характера – она истинный новатор во всем. Одна из первых в институте освоила компьютер и научила других, что потребовало от нее огромного терпения. Одна из первых в республике начала писать и выигрывать различные гранты и тут же стала учить других делать это. Она никогда «не сидит на месте», всегда совершенствуется, требует этого от дру-

гих, создавая необходимые условия для реализации научного потенциала сотрудников.

У Татьяны Багишевны официально никогда не было своих учеников, но все молодые сотрудники отдела археологии и НПЦ по праву могут гордиться «школой Никитиной» и называть ее своим учителем. Вы спросите, а что такого особенного в археологе Татьяне Багишевне Никитиной, что стоит гордиться ее «школой»? Во-первых, это подготовка экспедиции – обдумывание всех «за» и «против» организации полевых работ задолго до выезда. Во-вторых, это четкое отлаживание жизни во время самой экспедиции – режим дня и работы. В-третьих, это дисциплина внутри лагеря, одинаковая для всех. Кому-то покажется, что жизнь в таких условиях не интересна и тяжела. Но! Все это лишь основа, стержень, а на него «нанизываются» трепетное отношение и забота о каждом участнике экспедиции, ежедневный и кропотливый труд на раскопе, умение организовать интересный отдых. Татьяна Багишевна никогда не забудет, кто любит кофе, а кто молоко; кто овсяное печенье, а кто конфеты; кто щи, а кто гороховый суп! Те, кто бывал в ее экспедициях, знает маленькие традиции, которые были порождены здесь и передавались из года в год от старших участников младшим. Это обязательный звон колокола, возвещающего об обеде; это дневной отдых в тени палаток и обязательный кофе после него, это зачистка слоев на раскопе после обеда узким кругом добровольцев, во время которой случаются самые интересные диспуты; «вечерний чай» перед сном, который придумала именно она и нередко сама его кипятила на костре для всего отряда, и т.п. Никто в экспедиции не откажется от жареной рыбки, приготовленной Татьяной Багишевной. А как она любит петь под гитару и сколько песен знает этот удивительный и многогранный человек. Сколько километров пройдено ею в выходные дни бок о бок с молодыми археологами, только ради того, чтобы посмотреть вместе с ними или показать им старые или новые памятники. И самое главное, она всегда доверяет и помогает молодым, никогда не оставит их в трудную минуту, всегда придет или приедет на помощь!

2003 год для Татьяны Багишевны – год значимый. В этом году она успешно защитила подготовленную под руководством академика РАН профессора Валентина Васильевича Седова докторскую диссертацию в Институте археологии РАН. В этом же году она стала лауреатом Государственной премии РМЭ в области науки за книгу «Марийцы в эпоху средневековья».

Автор более 80 статей в различных изданиях научных центров России и зарубежья, Татьяна Багишевна является членом редколлегий журналов «Финно-угроведение» и «Финно-угрика», членом редколлегии серии «Труды Марийской археологической экспедиции», редактирует статьи в сборниках «Археология и этнография Марийского края».

За заслуги в развитии науки в 1998 году ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл».

Мы, ее друзья и коллеги, сердечно поздравляем Татьяну Багишевну с юбилеем и желаем дальнейших творческих успехов, с надеждой увидеть еще не одну ее монографию. Так держать!

«Финно-угроведение», 2004, №1

Римма Голдина
Ижевск

К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА ГАВРИЛОВИЧА АТАМАНОВА

Ах, как быстротечны мгновения жизни! Вот и Михаилу Гавриловичу Атаманову уже 60! А ведь кажется совсем недавно, когда он был еще студентом, мы встречались с ним для разговора о погребальном обряде куединских удмуртов. Уже тогда он обратил на себя мое внимание тем, что был необычайно скромен, стеснителен, но в то же время очень любознателен и многосторонне образован. Его интересовали любые мелочи, касающиеся древних памятников и их особенностей, которые не всегда заметны даже профессионалам-археологам.

Рубежом нашего научного сближения было 24 июля 1985 г., когда на VI Международном конгрессе, проходившем в г. Сыктывкаре, мне довелось участвовать в дискуссии по проблемам этногенеза пермских народов. Один из основных докладов делал доктор исторических наук, профессор из Казани А.Х. Халиков, в концепции которого было много спорных моментов. Мне пришлось об этом говорить. После дискуссии в кулуарах многие ученые выражали мне свою поддержку. Но Михаил Гаврилович единственный, кто открыто, горячо, аргументированно поддержал меня во время заседания. К этому времени он уже успешно защитил кандидатскую диссертацию «Этнонимы удмуртов в топонимии» и достаточно глубоко разбирался в проблемах древней истории удмуртского народа. Это выступление стало началом нашего научного сотрудничества и взаимного интереса, продолжающегося до сих пор. Выяснилось, что многие идеи М.Г. Атаманова весьма близки моим взглядам на этногенез удмуртского народа, и общение с ним и его трудами всегда приводило к появлению у меня новых знаний, новых идей о предмете исследования. Думаю, что формирование моей концепции этногенеза удмуртского народа произошло в значительной степени под влиянием работ Михаила Гавриловича Атаманова.

М.Г. Атаманову принадлежит сейчас ведущее место в исследованиях по этнотопонимике удмуртов. Именно он взял на себя огромный труд собрать все доступные ему источники по топонимике и этнотопонимике, проанализировать их с точки зрения исторической картины расселения удмуртов, динамики и характера изменения этнической территории, обозначить границы формирования удмуртского этноса. Особо следует отметить массовое использование им картографического метода для обоснования своих гипотез и положений. Все его исследования содержат множество карт, поэтому его построения всегда убедительны и доказательны.

С помощью картографирования ему удалось доказать, что этнотопонимы, содержащие элемент *одо,* как называли удмуртов марийцы, хорошо известны в Вятско-Ветлужском междуречье, тяготея к левобережью Ветлуги, а также несколько севернее – в Костромской и Вологодской областях. Они представляют собой различные варианты названий с одо – жилье, деревня, гора, роща, река. По данным М.Г. Атаманова, на юго-западе Вятской губернии до прихода марийцев жили удмуртские роды объединения Калмез: Коньга, Копка, Омга, Дӧкья, Туръя, Сьолта (1, с. 124). На левобережных притоках Пижмы зафиксирована целая серия городищ, называемых одо-лемами (удмуртское жилище, селище): Ернурское, Кармановское, Шуйское, Кузнецовское и другие. На одном из них – Кузнецовском – по преданиям жил удмуртский князь Ядыгар. Легенды об Одо-лемах, населении, жившем на них до прихода марийцев, о спорах марийских богатырей с удмуртскими из-за земель широко распространены в северо-восточных районах Республики Марий Эл и юго-западных районах Кировской области. Эти легенды имели достаточные исторические основания, так как на рубеже I–II тыс. н.э. в бассейны Пижмы и Вятки начали проникать позднегородецкие (древнемарийские) племена, где они столкнулись с удмуртами и постепенно вытеснили их сначала на Вятку, а затем и на ее левобережные притоки. Толчком для переселения послужила, видимо, экспансия Булгарского государства в марийское Заволжье, в прибрежной части которого в X в. появляются первые булгарские поселения.

Южная граница расселения древних удмуртов выявлена М.Г. Атамановым по распространению этнонимов ар, которые полукольцом с юга окружают Удмуртию, располагаясь в низовьях Вятки, а также по среднему течению р. Белой и ее притокам. Северо-западная граница

проходит, судя по ареалу этнонима *вотяк,* по восточным районам Вологодской, югу Республики Коми, а северная – по верховьям р. Вятки, Лузы, Ветлуги, низовьям р. Сухоны (3, с. 16).

М.Г. Атамановым выделены и описаны исторические пласты удмуртской топонимии: прапермский, собственно удмуртский, русский, а также топонимические элементы: угорские, самодийские, тюркские и марийские. Им выявлен и подробно описан удмуртский пласт топонимов в Волго-Уральском регионе, располагающийся за пределами современной Удмуртии (3, 4, 5).

Особую важность имеют его исследования в области микроэтнонимики, а именно, названий воршудно-родовых объединений удмуртов. Благодаря интенсивному изучению языка и быта удмуртов во второй половине XIX и начале XX в. сохранились уникальные сведения о принадлежности удмуртских семей к определенным воршудно-родовым объединениям, которых выделено около 70. Этой проблеме посвящена значительная этнографическая и лингвистическая литература, проанализировав которую и собрав огромный дополнительный материал, М.Г. Атаманов составил собственное представление о предмете исследования (1, 3). По мнению М.Г. Атаманова, воршуд – это семейно-родовое божество, хранитель счастья и благополучия коллектива кровных родственников, пользовавшихся его покровительством и образующих экзогамное объединение (3, с. 23). Люди, поклоняющиеся одному воршуду, нередко селились отдельными деревнями, улицами и имели свое родовое святилище – куалу, в которой проводили в честь воршуда до 70 молений в год. При этом представители определенного воршудно-родового образования помнили истоки своего происхождения и уверенно сообщали, откуда они переселились к месту своего нынешнего расселения. К настоящему времени этот источник утрачен, так как экспедиционные обследования последних лет показали забвение воршудов. Именно поэтому изучение воршудных имен, предпринятое М.Г. Атамановым, и его результаты уникальны и занимают особое место в рамках ономастических исследований.

Он доказал, что довольно многочисленную группу составляют воршуды, известные в большинстве удмуртских регионов и представляющие наиболее крупные и многочисленные роды (Бигра, Бӧдья, Вамъя, Дӧкъя, Дурга, Жикъя, Затча, Ӟумъя, Какся, Мӧнья, Пельга, Поска, Пурга, Салья, Туръя, Уча, Чабъя, Чола, Чудьзӓ, Эгра и другие). Зна-

чительна группа родов северных удмуртов, не известных в других районах (Апья, Бöня, Вортча, Кушья, Ташья, Чуйя, Удья, Уля, Эбга).

Данные М.Г. Атаманова о расселении удмуртских родов подтверждают идею о глубоких исторических корнях населения Южной Удмуртии (1, с. 81–127). Именно здесь расселение удмуртов создает целостную картину размещения родовых групп, при котором множество небольших пунктов группируются вокруг родового гнезда – выл. На этой территории локализуются центры (выл) родов: Затча, Эгра, Уча, Шудья, Омга, Ӟумья, Бöдья, Пельга, Чабъя, Салья, Какся, Можга, Жикъя, Кибъя (1, с. 86–88). Некоторые из них, например род Пельга, не сохранили преданий о переселениях из далеких мест, в отличие от большинства, что, очевидно, свидетельствует об автохтонности этого объединения и длительной истории его обитания на этой территории (1, с. 96).

Интерес представляет картина переселений удмуртских родов, выявленная М.Г. Атамановым. Из кукморско-шошминского района переселились в междуречье Вятки и Камы представители 15 родов (Бöдья, Дöкъя, Ӟумья, Какся, Кибъя, Коньга, Кöпка, Куарса, Нöрья, Омга, Пышъя, Сюра, Туръя, Уча, Чабъя). Слободской куст стал истоком для 10 родов (Бигра, Дурга, Дурга-Пöбъя, Пöбъя, Салья, Сюгра-Чабъя, Удья, Чабъя, Чипъя, Чола). Из прикильмезского района в другие переселялись удмурты 13 родов (Вамъя, Жикъя, Затча, Какся, Можга, Мöнья, Нылга, Пудга, Тукля, Чудьза, Чунча, Юбера, Юсь). Из 28 родов, зафиксированных в Южной Удмуртии (5, с. 78–79), лишь один – Пельга – стал источником расселения в другие земли. Одно из возможных объяснений этого – Южная Удмуртия была одним из наиболее стабильных, относительно спокойных районов, который был огражден от южных и западных соседей крупными реками – Вяткой и Камой. Современные материалы позволяют говорить о том, что южная группа представляет собой одну из древнейших в этногенезе удмуртского народа.

Из 70 воршудно-родовых имен удмуртов 15 обнаружены в качестве компонентов топонимов на территории Коми-Пермяцкого национального округа (Апъя, Бодья, Вамья, Лекма, Можга, Норья, Пельга, Пудга, Пурга, Чабья, Чанья, Читья, Шудья, Юмья), а также на территории Республики Коми (Абья, Туръя, Кышья). М.Г. Атаманов предполагает, что это реликты общепермской системы родового деления (3, с. 46–47).

Что касается оценки этимологии воршудно-родовых имен удмуртов, то М.Г. Атаманов считает, что в основе большинства из этимологизированных микроэтнонимов лежат названия птиц (глухарь, сойка, цапля, ворона, орел, перепелка, рябчик, цыпленок, королек, соловей, тетерев, сова, стриж), насекомых (водяной паук, кузнечик, блоха, пчела, овод), пушных зверей (белка, норка, куница), рыб (щука, пескарь), моллюсков (улитка), что является следствием тотемистических воззрений древних удмуртов (3, с. 24–45). При этом исходные зоонимы восходят к уральской, финно-угорской или пермской языковой общности. Более половины из воршудно-родовых имен, по мнению М.Г. Атаманова, не находят удовлетворительного объяснения из удмуртского языка (3, с. 45). Часть микроэтнонимов имеет инородное (неудмуртское) происхождение (Эгра, Пурга, Можга, Чудья, Чудна) (3, с. 45). Результаты изучения М.Г. Атамановым воршудно-родовой системы удмуртов и ее исторической динамики бесспорно представляют огромный интерес в деле изучения удмуртской этногонии.

Начав свою исследовательскую деятельность как языковед, Михаил Гаврилович во всех своих работах демонстрирует глубокие знания в других, иногда достаточно далеких и специфических областях науки: археологии, истории, этнографии, мифологии, географии, фольклористике и других. Исследуя язык, быт и культуру своего народа в разных уголках России во время различных экспедиций, он внимательно собирал самые разные сведения, указывающие на своеобразие исторического пути отдельных групп удмуртского этноса.

Его совместная работа с С.Х. Лебедевой (7) представляется сейчас одной из лучших работ по костюмным комплексам удмуртов, в которой не только подробно охарактеризованы и локализованы эти весьма важные этнографические особенности, но и предпринята удачная попытка выяснить их возможные истоки и последовательность формирования.

Анализ погребального обряда удмуртов, как одного из наиболее консервативных элементов традиционной культуры, выполненный М.Г. Атамановым совместно с В.Е. Владыкиным (6), показал глубокие истоки отдельных черт погребальной обрядности, уходящие в ананьинско-пьяноборское время, а также синкретический характер религиозных представлений удмуртов.

За время своей научной карьеры М.Г. Атаманов показал себя как хороший организатор науки, прекрасно оценивающий достижения и

видевший перспективы ее развития. Обладая широкой эрудицией, Михаил Гаврилович в начале 80-х гг. четко осознал, что в разных науках, занимающихся этногенезом удмуртов, были накоплены новые материалы, позволяющие на ином уровне оценить состояние источников и выполнить принципиально новые обобщения. Именно он выступил инициатором издания, составителем и редактором двух оригинальных сборников, посвященных этногенезу удмуртов: «Материалы по этногенезу удмуртов», Ижевск, 1982 г. и «Проблемы этногенеза удмуртов», Устинов, 1987 г.

М.Г. Атаманов удачно определил состав авторов, работающих в разных областях знания: историков и этнографов (В.Е. Владыкин, М.В. Гришкина, С.Х. Лебедева, М.Г. Хрущева), археологов (В.А. Семенов, Г.А. Архипов, М.Г. Иванова, Р.Д. Голдина), антропологов (К.Ю. Марк, Г.В. Рыкушина, Р.М. Фаттахов), языковедов (В.К. Кельмаков, М.Г. Атаманов, И.В. Тараканов, В.А. Ляшев, Т.Г. Перевощикова), в статьях которых были подведены итоги изучения этногенеза удмуртов, новейшие для того времени. Не случайно эти сборники являются рубежными для дальнейшего изучения этой сложнейшей проблемы.

М.Г. Атаманов – бессменный и активный участник Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по истории, этнологии, антропологии и археологии на историческом факультете Удмуртского государственного университета. Не проходит ни единой защиты без вопросов и выступлений доктора филологических наук М.Г. Атаманова.

Хотелось бы коснуться еще одной деликатной темы – духовного мира юбиляра. Несмотря на свою внешнюю мягкость, М.Г.Атаманов проявляет необычайную твердость, даже жесткость во всем, что касается его убеждений. Я не знаю, как он пришел к богу, но знаю, что во времена его весьма уже зрелой жизни, это не приветствовалось. И вопреки обстоятельствам, он не только сберег свои убеждения, свою веру, но и укрепился в ней, став референтом Ижевско-Удмуртского Епархиального управления, диаконом Свято-Успенской церкви г. Ижевска.

По моему глубокому убеждению М.Г. Атаманов – это удивительно добрый, мягкий, светлый человек, уже принесший славу удмуртскому народу своей как научной, так и просветительской деятельностью, и без сомнения он приумножит эту славу и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атаманов М.Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов.– Ижевск, 1982.

2. *Атаманов М.Г.* Расселение удмуртов по данным этнотопонимики // Проблемы этногенеза удмуртов.– Устинов, 1987.

3. *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика.– Ижевск, 1988.

4. *Атаманов М.Г.* Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов. Научн. доклад, предст. в качестве диссертации на соиск. уч. степ. д. ф. н.– Йошкар-Ола, 1996.

5. *Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях.– Ижевск, 1997.

6. *Атаманов М.Г., Владыкин В.Е.* Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX в.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии.– Устинов, 1985.

7. *Лебедева С.Х., Атаманов М.Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов.– Устинов, 1987.

«Финно-угроведение», 2004, №1

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: История Коми.– Сыктывкар, 2004. Том 1–560 с. Том 2–704 с.

Российская историческая наука выходит из состояния кризиса: в последние годы появились работы, соответствующие требованиям взыскательных историков. Среди них «История Коми» занимает достойное место. Авторский коллектив работал над этим трудом более 10 лет и, на наш взгляд, успешно справился со своей задачей. Основу коллектива составили сотрудники отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УРоРАН. Заведующий отделом доктор исторических наук, профессор А.Н. Турубанов. Руководимый им коллектив проделал колоссальную работу по сбору архивного и литературного материала, его анализу и систематизации.

Рецензируемый труд свидетельствует о том, что историки Республики Коми сделали значительный шаг вперед в осмыслении истории республики. Особенностью двухтомника является то, что в нем все аспекты истории края объединены единой сюжетной линией. Впервые в полном объеме здесь дана динамика демографического процесса (численность, расселение, миграция, этнический состав населения), разработана его периодизация (с XI в. до современности).

Благодаря вовлечению в научный оборот большого количества новых архивных, особенно массовых, источников, авторам монографии удалось рассмотреть более широкий круг социально-экономических и социально-политических вопросов, дать более детальное их освещение, проанализировать много новых сюжетов: торговлю, кооперацию, пути сообщения, налоги и повинности, православную церковь и др.).

Безусловным достижением является, на наш взгляд, разносторонний анализ культуры Коми края: духовной жизни, народного образования, здравоохранения, библиотечного дела, науки, культурно-просветительной деятельности. Все это сделано на основе новейших изыс-

каний, в том числе специалистов разных направлений: этнографов, культурологов, лингвистов...

Первый том написан в значительной степени на базе новых источников, оригинальных исследовательских подходах, лучших достижений отечественной историографии. В нем значительно расширены, по сравнению с предыдущими обобщающими трудами по истории Коми, хронологические рамки и проблематика исследования, уточнено и восполнено освещение многих вопросов.

Достижения археологической науки последних десятилетий позволили реконструировать основные этапы древней и средневековой истории края, по-новому осветить проблемы генезиса ряда культур. Кроме того, в данном томе довольно полно раскрываются процессы формирования коми народа, его связи с русским и другими народами России.

Особый интерес вызывает второй том исследования, посвященный истории Коми АО /Коми АССР/ Республики Коми. Известно, что именно ее интерпретация в последние десятилетия вызывает особенно бурные дискуссии. Авторы отошли от чрезмерной идеологизации трактовки исторического процесса и в то же время сумели достаточно взвешенно, не отрицая огульно позитивного в нем, оценить путь, пройденный республикой в этот сложный период. Следует подчеркнуть, что авторам удалось ввести в научный оборот богатейший архивный материал, в том числе впервые извлеченный из центральных и местных архивов. Использовано много документов, находящихся в ведомственных архивах специальных учреждений. Это позволило впервые исследовать вопросы уровня жизни населения, деятельность ГУЛАГа на территории республики, проблемы национально-государственного строительства и другие. Так, совершенно новую трактовку в томе получило решение национального вопроса в Республике Коми, благодаря углубленному исследованию процесса создания и развития национальной государственности, с учетом новейших разработок ученых. При этом авторы показали не только достижения, но и сложности и неизбежные недостатки в развитии республики и Российского федеративного государства. Тот же исследовательский прием применен к анализу других аспектов истории республики, в частности, к развитию экономики республики. Здесь обоснованно утверждается, что наряду с выдающимися успехами в сфере экономики в советский период сформировались диспропорции в структуре хо-

зяйства, которые и поныне определяют однобокий сырьевой характер промышленного производства республики.

Выпуск двухтомника «История Коми» стал заметным событием в российской историографии. В заключение хочется пожелать его авторам новых творческих успехов и посоветовать, в случае переиздания данного труда, следующее: раздел III второго тома («Создание советской модели социализма») переформулировать, так как его содержание лишь опосредованно и отчасти соответствует названию, и улучшить качество иллюстративного материала, добавив к ним карты.

Владимир Коротаев
Архангельск

«Финно-угроведение», 2004, №1

Рец.: О.А. СЕРГЕЕВ. **Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом.– Йошкар-Ола, 2003.–536 с.**

«Словарь черемисского языка с российским переводом», составленный под руководством епископа Нижегородского и Алатырского «преосвященного Дамаскина» (Дмитрий Семенов-Руднев) в 1875 году, подготовлен и издан Олегом Арсентьевичем Сергеевым, кандидатом филологических наук, доцентом кафедры марийского языка Марийского государственного университета.

История создания рукописных словарей марийского языка имеет двухвековую давность, однако до сих пор они не были опубликованы и поэтому не были доступны широкому кругу исследователей. В данной книге имеется содержательное предисловие, сделанное О.А. Сергеевым (с. 3–37). Здесь дан подробный анализ истории изучения рукописных словарей марийского языка XVIII–XIX веков, а также история изучения «словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...». Дается сравнительная характеристика обоих вариантов «Словаря...» нижегородского и санкт-петербургского.

Сам текст «Словаря...» Дамаскина написан скорописью и занимает в данной книге 485 страниц и подготовлен при помощи микрофильма, который хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

В основе «Словаря черемисского языка с российским переводом», составленного под руководством епископа Нижегородского и Алатырского «преосвященного Дамаскина», лежит русская графическая система, так как это было связано с отсутствием марийской письменности. Преосвященный Дамаскин при составлении своего словаря опирался на существующие «Сравнительные словари...» XVIII века, на «Сочинение, принадлежащее к грамматике черемисского языка» В. Пуцека-Григоровича и привлекал к этому делу семинаристов и священников, знающих марийский язык, а также переводчиков из «черемис новокрещеных». В рукопись «Словаря...» включено много

лексических единиц, не характерных для марийского языка, что было связано с отсутствием «различных предметов и понятий в марийской социальной среде» XVIII века, из-за этого отдельные слова и словосочетания в «Словаре...» даются без марийских эквивалентов.

Анализ «Словаря...» Дамаскина позволяет сделать вывод, что многие марийские слова XVIII века в современном марийском языке вышли из употребления. Составитель книги приводит эти данные (с. 34). В этой книге нашли место и заимствования из русского языка, таких слов О.А. Сергеев нашел 110 (с. 35–36).

«Словарь черемисского языка с российским переводом» дается в алфавитном порядке. Листы рукописи разделены на две колонки (по-русски и по-черемисски).

Но, к сожалению, в книге есть нечитаемые тексты (с. 313–339) и др. Это объясняется состоянием печати отдельных страниц, низким качеством негативных фотокопий оригинала словаря.

В конце книги дается использованная литература и сокращение.

Данная книга издана редакционно-издательским отделом Марийского государственного университета.

Рукописные материалы, как один из источников по исторической лексикологии, представляют особую ценность для исторических изысканий. Рукопись «Словаря...» Дамаскина позволяет широкому кругу исследователей – лингвистам, фольклористам, этнографам, историкам и т.д.– ознакомиться с исследованием марийского языка 200-летней давности, проследить эволюции марийской письменности. Книга представляет большую научную ценность для исследователей, научных работников, аспирантов, а также для студентов, изучающих историю языка и культуру марийского народа. Данная книга может быть использована на практических занятиях по дисциплине «Вспомогательные исторические дисциплины (Палеография)».

Иван Ялтаев,
Валерий Максимов
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2004, №1

Рец.: С.М.ЧЕРВОННАЯ. **Академия художеств и регионы России. НИИ Российской академии художеств.– М., 2004.– 288 с.**

Новая книга доктора искусствоведения, заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан С.М. Червонной «Академия художеств и регионы России» посвящена одному из старейших учреждений искусства и старейшему учебному заведению страны – Российской академии художеств.

В этом историко-искусствоведческом исследовании автор раскрывает роль Академии художеств в развитии многонационального российского искусства на протяжении ее длительной деятельности и сложной эволюции, выявляет значение творчества отечественных мастеров в подъеме провинциального искусства, отмечает вклад успешно работающих в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Крыму и на Кавказе ведущих современных живописцев, графиков, скульпторов и мастеров декоративно-прикладного искусства.

Академия художеств, задуманная еще Петром I, учрежденная решением Сената 6(17) ноября 1757 года и торжественно открытая 1765 году, была Императорской, Петербургской по своему духу, по своей сути, являлась частью элитарной столичной культуры. Она вела наблюдение за делом художественного образования и воспитания в России, и одной из главных ее задач была непосредственная организация своих отделений и школ на местах в различных регионах Российской империи, с полным программным обеспечением их деятельности. Автор справедливо выделяет пять периодов в ее деятельности, существующей протяженностью почти двух с половиной столетий. За этот исторический период Академия сумела прожить «пять разных судеб», сыграть на исторической сцене отечественной культуры пять разных ролей, каждый раз меняя свое имя, статус, звание, свой характер. И сегодня в бывших союзных республиках, которые обрели статус Независимых Государств Содружества и Балтии, работают многие (бывшие действительные члены, члены-корреспонденты Академии художеств СССР, ныне почетные члены Российской академии художеств)

сильнейшие художники современности, и именно Академия во многом помогла возмужанию и расцвету их талантов. В своей книге автор делает первый подступ к исследованию проблемы, которая высвечивается как самостоятельная из широкого круга проблем, связанных с общей историей Академии художеств, а также с общей историей искусства в регионах – краях, областях и республиках Российской Федерации.

Представленный в семи главах материал изложен ярким и образным языком. Благодаря использованию многочисленных архивных документов, текущих протоколов из Фонда Президиума Академии художеств, его научная ценность приобретает большую значимость и конкретность.

Первая глава «Императорская Академия художеств и российская периферия (история взаимоотношений до 1917 года)» посвящена деятельности провинциальных школ, входивших в систему Академии. Здесь представлено творчество известных российских скульпторов, архитекторов, живописцев и графиков, преобразивших городские архитектурные ансамбли, сооружавших известные памятники, создавших многие шедевры. Одной из самых значимых, реальных вкладов Российской академии художеств в дело художественного образования и развития искусства в восточных регионах страны явилась открытая 1 сентября 1895 года Казанская художественная школа, которая имела особое значение для многонационального Поволжского региона. Роль этой школы и искусство российской периферии в контексте революционной ломки и преобразований академических структур первого послереволюционного десятилетия 1917–1926 годов особо выделены во второй главе книги. С 1918 года Академия как имперское учреждение перестала существовать, осталась как реорганизованное Высшее художественное училище – Петроградские Свободные художественные мастерские, прежде всего как очаг созидательного авангарда. Эту Академию, по выражению исследователя, «трясло, лихорадило», в ее жизни не было ничего постоянного, многое исчезало и менялось, а художественная политика проводилась в этот период с большими «перегибами». Однако, несмотря на трудности общественно-политической жизни, Академия возрождалась как единый культурный центр и стойко пыталась выработать художественную политику в стране.

Следующий период для исследования обозначен периодом 1930–1940 годов. Постановлением Правительства от 11 октября 1932 года

была учреждена Всероссийская академия художеств. Акт переименования Ленинградского художественного института и его включение во Всероссийскую академию художеств послужил первым шагом к восстановлению Академии как государственного учреждения, ответственного за претворение в жизнь художественной политики. В главе подробно освещается деятельность Академии в подготовке художников – представителей и выходцев Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Крыма, Кавказа. И права С.М. Червонная, отмечающая, что в искусствознании не только не завершена, но даже еще не начата работа по составлению списков выпускников, выявлению их творческих биографий, связей с национальными культурами народов страны, с художественной жизнью (в частности, с художественной педагогикой, с издательской, выставочной деятельностью) дальних и ближних регионов.

В 1947 году из опаленного Ленинграда Академия переместилась в Москву.

А 1992 год повернул и отечественное искусство к быстро меняющимся современным процессам, которые происходят в искусстве.

По-прежнему функции Академии заключаются в руководстве системой художественного образования (начиная от специализированных средних художественных школ и училищ до высших форм творческой аспирантуры и стажировки в индивидуальных творческих мастерских из руководителей академиков), в проведении научной работы в НИИ теории и истории изобразительных искусств, в деятельности научной библиотеки, Научно-библиографического архива и музеев.

Автор особо выделяет роль Академии по развитию искусства в регионах России – это создание художественных школ, а в последнее время институтов, филиалов, столичных вузов и соответствующих региональных отделений Академии (в Саратове, Красноярске) и индивидуальных творческих мастерских (в Казани, Красноярске, Якутске) на территории Российской Федерации.

Таким образом, актуальность поднятых в исследовании проблем впредь будет ждать научного решения. В исследовании С.М. Червонной Академия художеств как творческий, научный, учебно-воспитательный и культурный центр многонациональной России представляет общенациональную ценность.

Владимир Кудрявцев
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

ДНЕВНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ РЕМЕСЕЛ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ «ЮГРА-2004»

10 июня 2004 года

Ханты-Мансийский автономный округ в очередной раз стал инициатором проведения III Международного фестиваля ремесел и прикладного искусства финно-угорских народов. Он проводился в рамках федеральной программы «Сохранение и развитие культуры и искусства РФ». Сроки проведения – с 9 по 24 июня на теплоходе «Римский-Корсаков». В фестивале принимали участие мастера народного искусства, специалисты по вопросам художественных народных промыслов, ремесел и декоративно-прикладного искусства, искусствоведы, этнографы, представители средств массовой информации, официальные лица.

Традиционно фестиваль проводится один раз в два года (2000, 2002, 2004). Основная цель фестивалей – популяризация и сохранение народных художественных ремесел и промыслов, объединение усилий по возрождению и развитию традиций ремесленничества в России, обмен опытом между мастерами, решение проблем становления и развития народных промыслов в современных условиях в различных регионах.

10 июня в Окружном центре прикладного творчества и ремесел состоялась пресс-конференция, посвященная открытию фестиваля. В ней приняли участие директор Департамента культуры и искусства ХМАО А.В. Конев, заместитель директора Департамента культуры и искусства В.Н. Кочетыгова, директор Окружного центра прикладного творчества и ремесел О.Д. Бубновене, президент Ассоциации НХП России, кандидат искусствоведения В.П. Антонов, ученые, этнографы, искусствоведы, журналисты СМИ.

На пресс-конференции обсуждались вопросы, связанные с развитием лучших традиций ремесел и промыслов, о значении международных фестивалей прикладного искусства финно-угорских народов, о статусе народного мастера, перспективы и планы на будущее и многие другие. В этот же день участники фестиваля познакомились с музеями и достопримечательностями столицы округа.

10 июня на центральной площади Ханты-Мансийска открылась выставка-ярмарка «Город мастеров», в которой принимали участие мастера-прикладники из различных финно-угорских регионов. Участники и зрители познакомились с богатством прикладного искусства венгров, хантов, манси, ненцев, коми, марийцев. Это было яркое событие, запомнившееся как участникам, так и многочисленным зрителям. На сцене центральной площади состоялся концерт профессиональных и самодеятельных артистов. Свое мастерство продемонстрировали художественные коллективы из различных городов округа. Отрадно то, что среди художественных ансамблей было много детских коллективов с национальной программой.

В этот же день состоялась торжественная церемония открытия фестиваля представителями администрации ХМАО. Ночью теплоход с участниками фестиваля отправился по маршруту Ханты-Мансийск – Новосибирск – Ханты-Мансийск (реки Иртыш, Обь). Программа мероприятия включала: выставки-ярмарки, мастер-классы, научно-практические конференции, тематические семинары, дискуссии, конкурсы, стоянки по пути следования и др.

11 июня 2004 года

На теплоходе мастера установили разнообразные станки для рукоделий. Особое внимание привлекла работа мастера по ткачеству и текстильным изделиям О.Л. Козловской, которая владеет различными техниками тканья на ткацком стане (браное, закладное, узорное), на бердечке, дощечках, ткет пояса, изготавливает гобелены, вышивает. Всех участников заинтересовала заправка основы в стан для половика. Ольга Леонидовна просто и доступно объяснила основные принципы ткачества. И самым главным событием было создание первых сантиметров «Пояса Дружбы». По замыслу организаторов фестиваля в процессе мероприятия все участники должны участвовать в тканье

этого пояса. И результат этого дня – начало изготовления пояса в бело-оранжевой гамме. Многие участники получили первые навыки в создании гобеленов в ручной технике, плетения шнуров.

Вечером была представлена развлекательная программа актерами театра «Теремок» г. Ханты-Мансийска. На верхней палубе корабля состоялся вечер знакомства участников фестиваля.

12 июня 2004 года

Участники фестиваля прибыли в город Сургут, где делегацию тепло встречали с хлебом и солью представители администрации города, работники культуры. Во время встречи прозвучало приветствие на хантыйском языке и был проведен обряд «добрых пожеланий» – окуривание дымом делегаций фестиваля. Участники фестиваля были приглашены в историко-культурный центр «Старый Сургут», где расположены различные музеи и общественные центры. На территории центра значительную площадь занимают деревянные постройки. Здесь же находится памятник архитектуры – деревянная церковь, построенная в лучших традициях русского зодчества. В центре комплекса была развернута выставка-ярмарка декоративно-прикладного искусства и проводились мастер-классы представителей финно-угорских этносов, демонстрировавших свое мастерство.

Участники фестиваля, гости, зрители смогли также познакомиться с богатством материальной и духовной культуры хантов и манси. Интересна в познавательном плане экспозиция ханты-мансийского чума, где все пространство постройки используется очень рационально и удобно. Как правило, правая половина чума от входа считается мужской частью, левая – женской. Соответственно этому располагались мужские и женские вещи.

Неотъемлемой частью культурного центра является Дом ремесел, где сохраняют народные традиции и развивают современное прикладное творчество. Мастера-прикладники работают в различных направлениях: украшения из бисера и кожи, вышивка, изделия из кожи и меха, лоскутная техника, художественная резьба по дереву и капу. Дом ремесел является центром, осваивающим инновационные проекты, и творческой лабораторией по разработке сувенирной продукции. На мастер-классах, проводимых Домом ремесел, обучаются новым техникам, приемам работы педагоги, самодеятельные мастера и просто

любители народного творчества. Коллектив Дома ремесел проводит выставки, конкурсы прикладного искусства.

Комплекс «Старый Сургут» включает интересные экспозиции о природе, истории, культуре народов округа (ханты, манси, русских, казаков, украинцев). На выставке, посвященной старожилам края, экспонируется уникальнейшее издание XVIII века – описание Западной Сибири с подробными картами, изданное в Италии. Автором книги является знаменитый путешественник, ученый, картограф Ремезов.

На открытие праздника прикладного искусства финно-угорских народов прибыли представители Правительства округа, администрации г. Сургута. Праздник в Сургуте открыл директор Департамента культуры и искусства автономного округа А.В. Конев. Право поднять флаг фестиваля было предоставлено непосредственно участникам мероприятия, мастерам – Софье Волдиной и Вячеславу Белявскому. Во время открытия фестиваля зажгли священный огонь, сопроводив его традиционными обрядами.

Интересной, богатой и насыщенной была каждая программа, которую представляли многочисленные художественные, профессиональные и самодеятельные коллективы, а также фольклорно-этнографические ансамбли разных народов, проживающих в округе. В программе концерта было показано песенно-танцевальное творчество финно-угорских народов. В репертуар были включены хантыйские, мансийские, эстонские, удмуртские, марийские, венгерские песни и танцы.

Свое мастерство на сценической площадке показали ханты, манси, русские, венгры, марийцы, удмурты. Концертную программу украсили танцы и песни венгерского танцевального ансамбля «Зала» из города побратима Залаэгерсег. Порадовали зрителей своими песнями и плясками и самодеятельные артисты марийского коллектива «Пеледыш» из города Лянтор. Во время концерта демонстрировались костюмы. Были показаны как современные, так и традиционные национальные костюмы. Познавательной была коллекция национальной одежды «Маснут» мастеров историко-культурного центра «Старый Сургут». Коллекция включает одежду, характеризующую детский, женский и мужской комплексы костюмов.

На празднике участников фестиваля угощали хантыйской ухой. Во время праздника в Сургутском историко-культурном центре проводились соревнования по национальным видам спорта. Участники фестиваля были приглашены на традиционный праздник обласа. Сорев-

нования на этих легких лодках проходили около комплекса. Чтобы удержаться на воде и проплыть какое-то расстояние на этих лодках, необходимо обладать особым мастерством, сноровкой, уметь удерживать равновесие. В этих соревнованиях приняли участие и мастера-участники фестиваля: Анатолий Сотруев и Алексей Антошкин.

В краеведческом музее г.Сургута в этот же день состоялся импровизированный кукольный спектакль, в котором использовались хантыйские куклы мастерицы О.И. Щербаковой. В спектакле, в игровой форме, были показаны бытовые сюжеты из традиционной жизни хантов: обработка кожи, заготовка дров, сбор ягод и др.

13 июня 2004 года

После завтрака в салоне корабля состоялся мастер-класс «Ткачество» под руководством О.Л. Козловской – преподавателя кафедры графики, начертательной геометрии и дизайна Технологического института Тюменского нефтегазового государственного университета. Главной темой занятия было ткачество поясов на дощечках и бердечке. Были продемонстрированы основные технологические приемы изготовления пояса. Ширина пояса зависит от количества квадратных дощечек, которые имеют отверстия в каждом углу. Одним из основных технологических моментов тканья поясов является навивка основы и продевание ее нитей через отверстия дощечек. Процесс требует внимательности и точности. Пояса можно ткать с различными узорами и даже фразами. Этот вид ткачества заинтересовал многих участников фестиваля. В этот день они научились навиванию основы пояса.

Многие участники продолжали обучаться разным способам ткачества гобеленов и декоративных шнуров.

После обеда теплоход прибыл в г. Нижневартовск, в котором в этот день завершался XXIX фестиваль искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи». Идея создания фестиваля возникла благодаря природной особенности этого края – белым ночам. Праздник проходил с 11 по 13 июня. Организаторы фестиваля в эти дни стараются порадовать горожан новинками творчества, создать атмосферу добра, радости и веселья. В эти дни проводятся разнообразные праздничные мероприятия: театрализованные представления, зрелищные концерты, конкурсные программы, дискотеки, выставки и т. д. Пребывание нашей делегации совпало с проведением праздника «Дружбы народов».

Начался праздник со встречи участников фестиваля в речпорту г. Нижневартовска. Они в национальных костюмах примкнули к основной колонне участников праздника «Дружба народов» и направились к улице, где начиналось празднование. В городе официально зарегистрировано 16 национальных диаспор. По сложившейся традиции всех участников фестиваля приветствовали на 16 языках. Были организованы площадки, где представители каждого народа могли показать национальные традиции, ритуалы, обряды. На этой улице прошло народное гуляние.

В другом районе г. Нижневартовска, около озера Комсомольское, проходило праздничное мероприятие «Стойбище приглашает», организованное администрацией Нижневартовска. Здесь участники фестиваля проводили выставку-ярмарку с демонстрацией предметов прикладного искусства финно-угорских народов: изделия из текстиля, меха, бересты, вышивка и др. В фестивале участвовали хантыйские, ненецкие, зырянские народные мастера из поселков Варьеган, Наваганск, Корлики, Аган Нижневартовского района.

Параллельно с выставками шло народное гуляние. Программа включала концерты творческих коллективов района, а также захватывающий «Праздник обласа».

В 21 час на центральном стадионе города состоялось торжественное закрытие XXIX фестиваля искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи». Праздник завершился концертом популярных артистов эстрады и фейерверком. А наша делегация отправилась на корабль, чтобы продолжить свой путь к городу Новосибирску.

14 июня 2004 года

В салонах палубы теплохода работал мастер-класс «Ткачество» под руководством О.Л. Козловской. Обучающиеся продолжали ткать пояса на дощечках, вязали тесьму. В этот день мастер показала основы ткачества пояса способом «на нить». Мастер-класс «Гобелен» проводили Т.В. Николаева (г. Ханты-Мансийск) и Т.К. Калинина (г. Урай).

На первой палубе теплохода проводился мастер-класс «Резьба по дереву» под руководством А.П. Березина (г. Сургут) на тему: «Мелкая пластика». Мастер-класс по работе с соломкой вел венгерский мастер Такач Ференц. Мастер-класс резьбы по кости проводил мастер А.П. Сотруев.

«Хозяйки» сибирских рек

Вечером этого дня артисты театра «Теремок» провели творческую лабораторию по актерскому мастерству. Они познакомили участников фестиваля с разными видами театральных кукол, использующихся в представлениях. После окончания лаборатории произошло знакомство с «хозяйками рек» – представительницами хантов и манси. Каждая из них представляла какой-нибудь род, проживающий на той или иной реке. Они на своих родных языках загадывали загадки, рассказывали сказки о рыбах. Участников фестиваля угощали различной рыбой, которая водится в Оби и других западносибирских реках.

15 июня 2004 года

В 10 часов начала работу научно-практическая конференция «От ремесла к искусству». Первое заседание было посвящено народным художественным промыслам (аспект социализации). Председатель заседания В.Б. Кошаев (г. Ижевск), конференцию открыла директор ОЦПТиР О.Д. Бубновене.

Первой выступила В.Н.Кочетыгова (г. Ханты-Мансийск) с докладом «Основные направления региональной культурной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Она отметила, что проведение фестиваля прикладного искусства финно-угорских народов стало традицией. Основными приоритетными направлениями региональной культурной политики ХМАО является всесторонняя поддержка талантливой молодежи. Особое внимание уделяется и будет уделяться развитию культуры в сельской местности.

В округе есть проблемы, например, не так достаточно библиотек и их фонды не очень богатые, а уровень обеспеченности театрами и музеями довольно высокий. В будущем предполагается увеличение сферы платных услуг в культуре.

Создана программа по перспективному развитию культуры в ХМАО на 2005–2010 годы. В этой программе большое внимание уделяется одаренным детям.

Одной из главных задач в настоящее время является утверждение государственными структурами нормативно-правового регулирования деятельности мастеров прикладного искусства ХМАО. Приоритетными являются программы, направленные на социальное развитие. Было поддержано 43 проекта на сумму свыше 15 млн рублей. Многие работники культуры завоевали гранты губернатора округа.

Докладчица подчеркнула, что все мероприятия, связанные с культурой коренных народов, согласуются с Советом старейшин. В докладе она также отметила, что сохраняются культурно-природные ансамбли этих народов.

Со вторым докладом «Анализ состояния художественных промыслов России и деятельность Ассоциации НХП России» выступил В.Б. Антонов (г. Москва). Он остановился на проблемах и задачах НХП России в развитии художественных промыслов. Докладчик рассказал о положении промыслов и ремесел в стране. Отметил, что Ассоциация ремесленников включает только предприятия.

Третий доклад представила К.Е. Заикина (г. Ханты-Мансийск) на тему: «Стратегия развития ремесленничества Югры. Проекты нормативных документов». В современный период большое значение имеет разработка документов, связанных с нормативно-правовой основой ремесленной деятельности. Нормативные документы затрагивают статус мастера. Многие документы о ремесленной деятельности разработаны в ХМАО. Пока это еще проект, в который включены основные

понятия о некоммерческих и коммерческих организациях, перечень видов ремесленной деятельности и др. Постановлением губернатора и Думы ХМАО эти документы разрабатываются. В ближайшей перспективе необходимо на уровне Правительства утвердить диплом, удостоверяющий статус мастера. Диплом будет подтверждать, что именно этот человек мастер и может заниматься ремесленной деятельностью. Постепенно мастера будут выдвигаться на регистрацию органами культурных учреждений, некоммерческими организациями, фондом поддержки ХПО.

Предлагается ввести в ХМАО Ремесленную палату. Возможно, это будет либо общественная, либо некоммерческая организация, которая будет заниматься ремесленными реестрами, патентами, дипломами, решать правовые вопросы. Ремесленный реестр должен поддерживать ремесленников.

Одним из аспектов программы является обучение учеников (ученичество). Основные понятия ученичества еще в стадии обсуждения.

Для определения статуса мастера будет создана независимая аттестационная комиссия.

Следующий прозвучавший доклад – «Программа поддержки и развития народных художественных промыслов и ремесел в Тюменской области (юга)». Докладчица Н.В. Тарасенко (г. Тюмень) подчеркнула, что в прошлом на юге Тюменской области были хорошо развиты разнообразные ремесла и промыслы: кожевенное, бондарное, ковроткачество, косторезное и др. Каждый крестьянин был не только земледельцем, но и мастером предметов интерьера, а также создавал дизайн своего жилого пространства. Тюмень была большим ремесленным городом. Сама докладчица является автором программы и развития традиционных ремесел на юге Тюменской области. В проекте рассматривается методика программы, анализ особенностей развития декоративно-прикладного искусства и традиционных ремесел Тюменской области; перспективы и проблемы развития ДПИ и традиционных ремесел; основные направления деятельности по развитию ДПИ и народно-художественных ремесел.

Следующее сообщение было посвящено деятельности отдела ДПИ Советского музея: «Центр ремесел – структурное подразделение краеведческого музея». Докладчица – директор музея Н.В. Шабалина (г. Советский). Советский район единственный, где в очень небольшом количестве представлены ханты и манси, поэтому основная зада-

ча музея – сохранить предметы традиционной культуры этих этносов. Музей существует 19 лет. Фонды музея скомплектованы достаточно полно. Каждый год проводится 3–4 выставки декоративно-прикладного искусства. При музее открыт Центр ремесел. В музее представлены все народы, которые проживают в районе. Например, состоялась выставка о культуре марийцев. В практику деятельности музея вошли как временные, так и постоянные выставки. А также выставки-распродажи. В музее проводится научно-исследовательская и просветительская работа. В год музей посещают до 14 тысяч человек. Популярность завоевали и передвижные выставки по районам.

16 июня 2004 года

Второе заседание научно-практической конференции «От ремесла к искусству. Формы организационно-творческой деятельности учреждений культуры». Председатель заседания В.Б. Кошаев (г. Ижевск).

С первым докладом на тему: «Десятилетие деятельности Ханты-Мансийского окружного центра прикладного творчества и ремесел» выступила О.Д. Бубновене (г. Ханты-Мансийск).

– В 1994 году по распоряжению губернатора был организован Окружной центр прикладного творчества и ремесел в целях развития народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства. В центре расположены различные мастерские, связанные с деревообработкой, керамикой, ткачеством. Основные направления работы центра: выставочная работа, проведение выставок-ярмарок, сбор банка данных о мастерах. Постоянно приглашаются специалисты этнографы, искусствоведы для консультаций. Немаловажное значение имеют экспедиции. В прошлом году экспедиция проходила в 4 деревнях, в которых собрали более 200 предметов этнографического характера. В этом году состоится экспедиция в пос. Саранпауль, пос. Мужи и г. Салехард. Экспедиция будет изучать и анализировать состояние промыслов и ремесел.

Большую роль играют методические семинары, например, вышивка хантов, крапивное ткачество, работа с рыбьей кожей. Итогом является издание сборников. Сборники получились удачными, информативными. Особо удачным – сборник о крапивном ткачестве. Важную роль играют выставки. Центр обладает большим количеством экспонатов. Выставки постоянно меняются. Подготовка выставки – это огромный труд всего коллектива.

Центр работает очень активно, устраиваются выездные выставки в другие города. Центр ремесел представляет работу мастеров и за рубежом. В г. Залаэгерсеге (Венгрии) были выставка и мастер-классы.

В мае центр представлял округ в Страсбурге, в котором прошли 4 выставки о культуре ХМАО. На выставках были представлены костюмы, предметы прикладного искусства хантов и манси.

Центр проводит различные праздники, выставки, ярмарки. Например, проводились «Рождественские каникулы в Югре», была устроена мастерская Деда Мороза и Снегурочки, где дети делают всякие поделки. Недавно состоялась выставка «Чудо-валенки», которая прошла с большим успехом.

Центр занимается и разработкой грантов. Были получены 4 премии. С 2003 года разрабатываются нормативные документы. Ведутся картотеки по мастерам, ремеслам. Создан большой банк данных. Художественный салон центра продает произведения прикладного искусства.

Мастер В.Н. Шашкова освоила хантыйскую вышивку и по традиционной технологии создала некоторые формы костюма. Полностью воссоздан хантыйский мужской костюм. В г. Урае многие овладели традиционной техникой вышивки хантов. Центр разрабатывает лабораторию мастер-классов.

Присутствующие поздравили директора центра О.Д. Бубновене с 10-летием центра.

Со вторым докладом «Итоги регионального фестиваля детско-юношеского творчества «Острова вдохновения» выступила Л.А. Кондрошова (пос. Юганская Обь). Как показала действительность, очень востребованы детские коллективы, занимающиеся прикладным искусством. В 2004 году состоялся I фестиваль «Острова вдохновения». Проходил он в двух номинациях: костюм и изделия прикладного искусства. В поселке дети занимаются соломкой и бисером, изготовлением кукол. На фестивале интересными были «Соломенные костюмы», созданные мастерами и детьми. Фестиваль проходил в доме культуры поселка, длился один день и был очень насыщенным. Администрация Нефтеюганского района поддерживает инициативы в области культуры.

С.Н. Сергеева (пос. Юганская Обь) рассказала о самодельных игрушках: «Авторская кукла. Организация работы образцового детского коллектива». Авторской куклой занимались маленькие дети. Стали

использовать новые ткани, фурнитуру и др., т.е. применялись нетрадиционные материалы. Сюжеты брали из сказок, из традиционной культуры хантов, а также дети работали в стиле «фэнтези». Работы были очень интересными.

С четвертым сообщением выступил В.Б. Белявский (пос. Саранпауль): «Передача опыта традиционных промыслов хантов и манси в школе пос. Саранпауль Березовского района». Автор преподает в Саранпаульской школе искусств. В кружок ходят дети разных возрастов. В основном делают национальные, хантыйские и мансийские, изделия прикладного искусства. В кружке выполняют как традиционные, так и изделия с современными мотивами. Дети с удовольствием делают шкатулки, сумочки, работают с бисером.

О.М. Лазарева (г. Ханты-Мансийск) выступила с докладом «Интегративные виды деятельности театра кукол и актеров» и рассказала об опыте использования национальных кукол в постановочной деятельности. В своих постановках актеры театра пользуются консультацией знатоков хантыйских и мансийских народных традиций.

Т.Ю. Грязных (г. Урай) в своем выступлении «Детская акция «Миколка-мастер» подвела итоги выставки-конкурса. Автор возглавляет филиал ОЦПТиР «Школа-мастерская народных промыслов». Дети работают в различных техниках: делают куклы, поделки из дерева, бисера и других материалов. Организовали выставки поделок, на которых было много посетителей.

М.В. Ситникова из г. Сургута выступила с сообщением «Центр национальных культур в системе историко-культурного центра «Старый Сургут». В центре работают 7 мастеров, которые шьют национальную одежду, делают украшения из бисера, сувениры, игрушки из дерева. Она мастер по национальной одежде. Первым ее изделием был мансийский сак из красного сукна с желтой аппликацией. Сейчас она работает над созданием жилетов с национальной мансийской орнаментацией. В дальнейшем хочет сшить мансийское платье.

З.В. Кирилишина из д. Русскинская Сургутского района рассказала о формах деятельности Центра национальной культуры д. Русскинская. Принципы работы центра – учиться у старших и передавать свой опыт детям. Они собирают этнографический, фольклорный материал среди лесных хантов. В центре дети занимаются бисероплетением и делают куклы. Учиться ходят не только хантыйские дети, но и русские. Здесь же дети изучают и хантыйский язык. Центр проводит большую работу.

Докладчица О.Д. Бубновене в своем сообщении «Работа окружного центра прикладного творчества и ремесел с инвалидами» рассказала о первых этапах работы с мастерами-инвалидами. В округе есть инвалиды, которые делают интересные предметы прикладного творчества. Окружной центр разработал программу для инвалидов, которую поддержал Департамент культуры и искусства ХМАО. В центр приехали инвалиды из г. Сургута, Пыть-Яха, Ханты-Мансийска, Урая. Центр сделал анализ – занимается ли эта категория людей какой-то деятельностью, есть ли специалисты, занимающиеся с ними. Существует программа-проект «Золотые руки» для инвалидов-мастеров, которая рассчитана до 2008 года.

В центре начинается работа с наркоманами и алкоголиками, среди которых есть мастера – косторезы, резчики, художники. Методисты центра проводили мастер-классы с преподавателями, которые занимаются с этой категорией молодых людей.

Тему, начатую О.Д. Бубновене, продолжила Р.В. Корж в сообщении на тему: «Работа с инвалидами в студии «Нескучающие ручки». Она отметила, что студия работает почти на общественных началах. Методика работы очень сложная, так как дети с большими физическими отклонениями. Р.В. Корж прочитала обращение детей-инвалидов и их родителей против отмены льгот для инвалидов после 18 лет.

О.Л. Козловская (г. Тюмень) сделала сообщение на тему: «Дизайн и декоративно-прикладное искусство: общее и особенности». Дизайн в настоящее время востребован, так как на данный момент необходимы предметы, которые имеют этнический и современный стиль. В своем докладе автор рассказала о традиционных ремеслах юга Тюменской области, остановившись на истории их возникновения. Например, очень интересный анализ был проведен по ковроткачеству. Автор привела типологию ковровых изделий. Основная функция искусства – передать картину мира будущим поколениям. Она отметила, что дизайн – это новые технологии, мода, престиж.

С завершающим докладом «Традиционные куклы одного рода «Нёрым ях» выступила О.И. Щербакова (г. Сургут). Автор работает мастером-реставратором в краеведческом музее. Ее пригласили работать в музей, чтобы она описывала предметы на хантыйском языке, занималась переводом. В музее ее попросили сшить хантыйские куклы. Она восстановила куклы детства, около 150 штук, а также кукольное хозяйство. О.И. Щербакова также сделала куклы – сказочные пер-

сонажи в традициях своего народа. Ее куклы есть в Финляндии. В детстве она шила для кукол наряды (домашний и уличный сак, платки). Куклы различаются по типам: куклы-ягоды, куклы-растения, куклы-страшилки, куклы-деревья, кукла-девочка и кукольное хозяйство, «пор не» – кукла-неумеха. Кукол можно наряжать в праздничную и будничную одежды. Кукла-«подушка» – ее делали маленькие дети 2–5 лет, когда еще не могли шить.

Она сделала специальных кукол для сказки «Синички – брат с сестрой». Существует обычай, когда идут за ягодами, то самой крупной ягоде завязывают красный платок. Отсюда и пошли куклы-ягоды. Ольга Ивановна рассказала о куклах, которые были характерны для ее рода, ее детства.

В этот же день проходили мастер-классы по ткачеству «Пояса Дружбы», ткачеству поясов на дощечках, на нить, бердечке.

17 июня 2004 года

Третье заседание научно-практической конференции на тему: «Народное творчество и современное декоративно-прикладное искусство», председатель заседания В.Б. Кошаев.

Заседание конференции открылось докладом В.Б. Кошаева (г. Ижевск) «Традиционные промыслы и ремесла: методология наследия».

Тема доклада посвящена методологии наследия, а не методологии исследования. Вся культура строилась на архитепических моментах. Он выделил культурную таксономию. Докладчик изложил свое видение развития промыслов и ремесел на перспективу.

Т.Л. Молотова, Л.В. Веткина, Е.Н. Трегубова (г. Йошкар-Ола) в своем сообщении «Сфера бытования марийского народного костюма в современный период» продемонстрировали и рассказали о традиционных и современных костюмах луговых марийцев группы «шымакшан марий». Выделили основные формы и элементы традиционного костюма, а также рассказали о его эволюции и продемонстрировали современный костюм, который используют во время праздников и обрядов. Авторы выделили основные сферы бытования костюма: свадебные, праздничные, похоронно-поминальные обряды.

А.А. Богордаева (г. Тюмень) выступила с докладом на тему: «Основные подходы к изучению одежды обских угров». В докладе гово-

Марийская делегация: Е.Н. Трегубова, Т.Л. Молотова, Л.В. Веткина

рится об историографическом аспекте изучения одежды обских угров. Исследовательница подчеркнула, что много вопросов еще не выяснено в истории возникновения некоторых форм одежды обских угров.

По археологическим данным на культуру обских угров повлияли селькупские племена, коми и др. Под влиянием межэтнических контактов образовались различные этнические группы хантов и манси.

Одежда хантов и манси представляет источник для культурогенеза. По костюмам можно выделить общее и особенное в культуре этих народов. В дореволюционный период костюм описывался путешественниками и исследователями (Лепехин, Георги и др.). В этот период собирались коллекции одежды, украшений.

Второй период изучения одежды – XX век, для которого характерно описание одежды по этническим группам хантов и манси. Лукина исследовала подробно костюм манси и хантов. В настоящее время популярно изучение элементов культуры комплексно в связи с жизнеобеспечением: одежда охотников, оленеводов и др.

Н.Ф. Прыткова разработала программу изучения одежды (технология ткани, украшения, покрой, различные функции и др.). Выде-

лила различные комплексы одежды, предназначенные для того или иного обряда, ритуала.

А. Богордаева отметила следующие аспекты изучения костюма: сохранение одежды в рамках отдельных групп; включение традиционных элементов в современную одежду; внедрение новых элементов в традиционную одежду.

В настоящее время необходимо комплексное изучение одежды, обуви, украшений, начиная с XVIII века, с подробным функциональным описанием, чтобы выделить общее и особенное в костюме угорских народов, показав его эволюцию.

Доклад О.Л. Козловской (г. Тюмень) «Значение орнаментальных символов в декоративно-прикладном искусстве» был посвящен семантике орнаментов. Она отметила основные принципы возникновения орнамента, правила размещения его на предметах, его использование в системе обрядов и ритуалов. Например, раскрыла роль полотенца в обрядовой жизни людей.

Директора Ханты-Мансийского окружного центра прикладного творчества и ремесел О.Д. Бубновене представители Тюменской области поздравили с 10-летием организации и преподнесли тканый пояс, пожелав творческих достижений в работе.

Ева Шкрабут (Венгрия) выступила с сообщением «Сохранение национального искусства в предметном мире». Она является председателем Ассоциации мастеров области Зала двадцать два года. Венгерское искусство – это творчество крестьян, история которого подразделяется на несколько этапов: первобытное, средневековое, ренессанс, турецкое и др. В 50-е годы при социалистическом строе стали организовываться кооперативы ремесленников. Например, кооперативы по дереву, ткачеству, гончарному делу. Был период, когда предметы ДПИ выполнялись промышленным способом без учета этнических традиций. В 90-е годы эти кооперативы прекратили свое существование.

Среди населения всегда были мастера-прикладники и просто любители народного искусства. Например, в деревенских кружках занимались вышивкой. На основе работ этнографов стали собирать этнографические предметы, которые служат материалом для создания подлинно традиционных изделий.

Следующее сообщение также сделала Ева Шкрабут на тему: «Дома творчества. Формы деятельности». В начале 70-х годов появилось но-

вое поколение, которое желало изготавливать функциональные предметы, применявшиеся в быту. Они организовали летние творческие лагеря и пленэры. Стали строить творческие дома, в области Ваш первый такой дом был построен в 1980 году.

После смены общественного строя ремесленные ассоциации объединились в союз. Ежегодно в Будапеште проводится фестиваль прикладного искусства, который уже довольно хорошо известен в мире.

Эти ассоциации прикладников могут постоять за себя и за свои интересы. Ассоциации обучают ремеслу детей и молодежь. В 1982 году ассоциация ремесленников организовалась в области Зала. Проводит 5–6 пленэров в году, развивает ремесла (ткачество, ювелирное искусство, войлочные изделия, изготовление игрушек из натуральных материалов). В 1996 году построили юрту, 1992 году поставили 15 палаток для проведения ярмарок, построили кузню, печку для обжига керамики.

Дом ремесел играет большую роль в туристической жизни города. Организованы мастерские, где можно обучаться ткачеству, гончарному делу, кружевоплетению. Организована школа повышения квалификации мастерства, где обучают ремеслам безработных. Количество членов ассоциации постоянно увеличивается. Свои изделия мастера продают на ярмарках. Прикладное искусство венгров – богатое сокровище. Мастера создают высокохудожественные произведения. Ева Шкрабут продемонстрировала предметы искусства из кожи. Народное творчество не превращается в сувенирное, создаются функциональные вещи.

Доклад А. Косуруш (Венгрия) был посвящен вышивке: «Переосмысление приемов традиционной венгерской вышивки и употребление ее в современной одежде и интерьере». Она мастер по вышивке, получила это звание 10 лет назад. Рукоделием занималась с детства, научилась у матери. Она обучает вышивке в школе. У нее 5 кружков, в одном кружке 10–15 человек. Проводит мастер-классы. В общеобразовательной школе учит основам вышивания. Также ездит в экспедиции. А. Косуруш продемонстрировала вышитые предметы.

Вышивание – это создание узора на ткани. Мастерица показала виды вышивок. Из 3-х этнографических регионов она привезла вышитые вещи. Она собирает материал о вышивке 16 лет и творчески перерабатывает его.

Венгерское вышивание разнообразное, гамма разноцветная. А. Косуруш знает 60 видов вышивок. Каждый год проводится повышение ква-

лификации мастеров по вышивке. Отметила, что не знает такой другой страны, где так много вышивки.

Как появилось народное вышивание? В прошлом это рукоделие было дворянское и церковное. Оно было распространено в дворянских кругах, а также некоторое влияние имела турецкая вышивка. Дворянская вышивка состояла из белых ниток или металлических нитей (золото, серебро). Нашивали дорогие металлические нити на бархат, атлас. Вышивка была очень дорогой. Это повлияло и на крестьянскую одежду.

Существует крестьянская вышивка для интерьера и для одежды. Будничная одежда была без украшений, без вышивки. Праздничный костюм был из дорогих тканей, вышитый. Она отметила, что в народном искусстве мастера опираются на народные традиции.

Очень популярны в Венгрии современные народные костюмы, в которых ходят на праздники, в театр.

Ф.С. Бондаренко (пос. Аган) выступила с сообщением «Развитие традиционной хантыйской куклы из утиных клювиков». Автор – директор краеведческого музея. В музее есть коллекция кукол. Она сама создает игрушки в традиционном стиле. Утиные носики в традиционном представлении – оленье стадо. Она считает, что куклу нужно модернизировать для современных условий. Куклы различных хантыйских родов имеют свои конструктивные особенности.

Е.В. Стахнева (г. Сургут) сделала сообщение «Народный костюм. Воспитание через народную культуру». Докладчица – автор программы воспитания детей через русский костюм. Она решила передать детям то, что знала и умела. Е. Стахнева сказала, что через возрождение культуры всех народов будет возрождена Россия. Докладчица отметила, что есть проблемы, например, нет источников для создания русского костюма и материалов, из которых шились традиционные костюмы. Автор с детьми создала коллекцию русских костюмов (средневеликорусский, южный, северный). Она со своими учениками ездила в Чехию, где представляли коллекцию. Проект оказался очень интересным как для детей, так и для мастера.

После обеда состоялся мастер-класс «Обрабо́тка ровдуги» под руководством В. Белявского (пос. Саранпауль). Мастер рассказал, как готовится краска из березовой коры для окрашивания орнаментов на обуви из ровдуги. Показал, как кроятся кисы, чем отличаются женские кисы от мужских – на женских очень мало орнаментации.

Во 2-м салоне II палубы теплохода под руководством В.Н. Шаш-

ковой и О.Л. Козловской проходил мастер-класс «Изготовление «Пояса Дружбы». А также на этом мастер-классе продолжали ткать пояса различными способами (на нить, бердечке, дощечках).

Здесь же началось первое занятие мастер-класса «Лоскутное шитье», которое проводила известный в округе мастер Е.В. Шевелева. Ее изделия в технике лоскутного шитья хорошо известны своим удивительным цветосочетанием, высоким техническим и эстетическим исполнением. Мастерица профессионально изготавливает многие утилитарные предметы и аксессуары, в частности, формы костюма (жилеты, фуфайки, платья, сумки, украшения и др.).

Также на этом занятии было положено начало лоскутному ковру.

На палубе теплохода проводились мастер-классы «Резьба по дереву» под руководством А.П. Березина (г. Сургут). Тема занятия – мелкая пластика. А.П. Сотруев (г. Салехард) провел мастер-класс «Резьба по кости» (мелкая пластика). Основным материалом для изготовления сувениров являются рога оленя и лося, бивни мамонта.

18 июня 2004 года

9.30–11.00 – обсуждение проекта резолюции научно-практической конференции. В обсуждении участвовали О.Д. Бубновене, В.Р. Антонов, В.Б. Кошаев, Т.Л. Молотова, К.Е. Заикина, О.А. Богордаева, Мольнарне Рапоша.

С 10.00 до 13.00 в салоне II палубы теплохода состоялся мастер-класс «Марийская вышивка» под руководством мастериц из Республики Марий Эл – Л.В. Веткиной и Е.Н. Трегубовой.

Л.В. Веткина – народный мастер, в совершенстве владеющая традиционной техникой вышивки по счету нитей, выполняющейся с изнанки. Она обучала основным швам этого орнаментального искусства. Желающих обучиться этому мастерству было очень много.

Е.Н. Трегубова – мастер по вышивке счетной гладью, методист РЦНТ Республики Марий Эл, также показала и рассказала об основных технологических приемах, цветовой гамме счетной глади, выполняющейся с лицевой стороны.

В это же время на палубе теплохода проводились мастер-классы «Обработка ровдуги», «Резьба по дереву». Владислав Белявский, проводивший мастер-класс по обработке ровдуги, работает в школе искусств пос. Саранпауль Березовского района ХМАО. Родился он на

Казыме среди хантов, а жить пришлось среди манси, так как мать перевели работать в этот поселок. С детства В. Белявский видел, как мама обрабатывала оленью кожу, шила одежду, делала украшения из бисера, и с малых лет впитал это мастерство. Так он усвоил культурные традиции и хантов, и манси. По образованию В. Белявский охотовед-зверовод, и поэтому не только работает по меху, коже, бисеру, но и владеет мастерством таксидермии – изготавливает чучела птиц, животных, рыб. Он мастер на все руки. Шьет мансийских кукол с удивительной аккуратностью. Действительно, мастером надо родиться, независимо от того – мужчина ты или женщина. Его мастерство и золотые руки заметили участники II Международного фестиваля ремесел финно-угорских народов, когда была организована его персональная выставка в родном поселке. После этих событий Владислав Борисович стал работать в школе искусств поселка, в котором проживает около 8000 населения.

В.Б. Белявский и М. Манкевич

Большое мастерство и умение необходимы для пошива национальной хантыйской обуви из ровдуги (кисы). Шить и орнаментировать кисы В. Белявский научился у матери, наблюдая за ее работой. Кисы шьются из обработанной оленьей кожи в виде сапог-чулок до середины бедра. Владислав Борисович хорошо владеет и техникой орнаментации этой обуви краской. Краска из вываренной березовой коры получается стойкой и не выцветает, крепко держится за счет содержания в ней дубильных веществ. Геометрический орнамент с мотивами рогов оленя наносится на выкроенные детали палочкой, и затем они сшиваются в изделие. Подошва кисов шьется из лосиной кожи, летом в качестве стелек используется специальная трава. Мужские и женские летние кисы имеют различия только в орнаментации – первые орнаментируются полностью, вторые – только наполовину.

Владислав Борисович шьет и зимние бурки из оленьего меха. Этот вид обуви шить проще и быстрее, чем традиционные зимние кисы.

Самое удивительное, что он создал свою коллекцию кукол и сшил для них одежду: саки, малицы.

В настоящее время В. Белявский разработал проект музея при школе искусств и подал ее на конкурс грантов губернатора ХМАО. По его представлениям экспозиция музея будет сопровождаться стереозаписями.

После обеда на II палубе теплохода состоялся семинар «Венгерское гончарное ремесло». Сделал сообщение Чути Тибор (Венгрия). Он молодой мастер-гончар.

Мастер рассказал об истории гончарного искусства. Одним из первых глиняных изделий были идолы. Глиняная посуда возникла в глубокой древности, в ней хорошо сохраняется пища. Прочность глины зависит от ее состава. Не очень прочная керамика получается из той глины, где много песка. В XIV веке появляется в бассейне Карпат гончарный круг.

У венгров был свой древний тип посуды, который они принесли с собой на новую родину. Это были большие глиняные горшки и котлы с ушками, в которых было два отверстия. В отверстия продевалась кожаная или войлочная «дужка», при помощи которой горшок подвешивался над костром.

С XI – XIV вв. во всей Европе типы посуды были одинаковыми. С XIV века в итальянском городе Фаянсо начали использовать фаянс, и так появилась фаянсовая посуда.

Способ изготовления посуды был «жгутовым». Затем появляется гончарный круг, который вращался при помощи педали. В настоящее время существуют усовершенствованные гончарные круги, где все вращается, и мастер может быстро сделать много посуды. Первоначально глиняные изделия обжигали в яме с костром. Затем появляются вертикальные печи. Керамика обжигается 1,5 дня для большей прочности.

Другой тип печи для обжига – горизонтальный. До начала XX века пользовались такими печами. В области Зала для обжига используется горизонтальная печь. Существует способ черного обжига, когда в печи достигается нужная температура, все дырки в печи закрываются.

Форма гончарной посуды была очень разнообразной. Например, в Венгрии изготовляют очень большую посуду, в которой готовят во время свадеб (свадебная посуда). Керамическую посуду, особенно «кастрюли», делали огнеупорными.

В Венгрии выполняют глиняные сковороды с «ножками», под нее могли подкладывать горящие угли. Особую посуду лепили для воды, вина. Она покрывалась глазурью. В керамических емкостях, покрытых глазурью, могли хранить палинку (фруктовую водку). Когда стала развиваться культура винопития, то появились разнообразные кружки и кувшины.

Керамика по форме, орнаментации различается по этнографическим районам. Орнаментальные мотивы могут быть разнообразными – цветы, листья, геометрические орнаменты. Например, распространенный мотив – «трехголовый тюльпан». Орнамент может быть расположен на дне посуды. Мастер подробно рассказал об орнаментации керамических изделий.

Производятся и шуточные изделия из керамики, например, для вина большие кружки с четырьмя носиками.

Бракованные изделия после первого обжига могут использоваться вторично. Их очень мелко размельчают и добавляют как шамот в глину для новых изделий. От этого изделия становятся более прочными.

Основными цветами орнамента на керамике у венгров являются желтый, коричневый, зеленый. Мастер отметил, что он сразу же узнает, из какой области те или иные гончарные изделия. В заключение Чути Тибор подчеркнул, что Венгрия – гончарная держава.

В салоне II палубы теплохода с 17 до 19 часов проводился мастер-класс «Лоскутное шитье» под руководством Е.В. Шевелевой. Она рассказала и показала основные приемы лоскутного шитья, а также научила участников фестиваля как делать вепсскую куклу-оберег.

Марийские вышивальщицы также продолжали обучать желающих марийской вышивке. Вечером теплоход прибыл в г. Новосибирск.

19 июня 2004 года

После завтрака участники фестиваля отправились в зоопарк, затем посетили музей «Сибирская береста» г. Новосибирска. В экспозиции музея были представлены изделия сибирских мастеров из этого природного материала. Из бересты делают самые разнообразные изделия – утилитарные и просто сувениры. Совершенно уникальными являются берестяные «картины», где обыгрывается естественный рисунок коры березы, иногда с небольшими корректировками художника, в большинстве экземпляров без них.

Береста – удивительно пластичный, экологичный и «теплый» природный материал.

Музей, с одной стороны, проводит огромную пропагандистско-познавательную деятельность, с другой стороны, сохраняет и демонстрирует лучшие изделия традиционного промысла России.

После обеда в одном из парков отдыха Новосибирска состоялось открытие ярмарки-выставки участников фестиваля. Со стороны организаторов фестиваля в торжественной обстановке выступили В.Н. Кочетыгова, О.Д. Бубновене. Фестивальцев приветствовал фольклорно-этнографический ансамбль «Венец» областного центра русского фольклора и этнографии (рук. Б.Е. Проталин). Самодеятельными артистами были исполнены традиционные песни, частушки, танцы русских коллективов Новосибирской области.

Ярмарка была представлена венгерской делегацией, мастерами Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Марий Эл, представителями Сургутского, Нижневартовского, Березовского районов, Ханты-Мансийского автономного округа, студентами из Центра искусств г. Ханты-Мансийска.

С 20 до 22 часов на теплоходе проводился мастер-класс по актерскому мастерству.

В 23 часа – просмотр фильмов: «Ткачество поясов на нить», «Очарованные берестой», «Сокровища народного творчества».

20 июня 2004 года

С 10 до 13 часов на палубе II салона теплохода прошел мастер-класс «Южнохантыйская вышивка». Руководила мастер В.Н. Шашкова. Мастер рассказала и показала основные виды южнохантыйской вышивки.

Также проводились мастер-классы «Резьба по кости» под руководством А.П. Сотруева и А.Н. Антошкина и «Обработка ровдуги» В.Б. Белявского.

Мастер-косторез А.П. Сотруев родился в 1966 году в пос. Карым-Мыс Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Он профессиональный мастер резьбы по дереву, кости, рогу, а недавно получил высшее дизайнерское образование. С 1996 года по настоящее время работает на Станции юных техников преподавателем дополнительного образования, ведет кружок «Конструирование и изготовление товаров народного потребления». Работа с детьми очень

нравится мастеру. Его профессиональные наставления, фантазии его учеников и особое видение мира позволяют создавать интересные работы. С ним вместе работают его сыновья.

Резьбой по дереву Анатолий Павлович увлекается со школьных лет. Резьбой по кости занимается профессионально, получил специальное образование. По кости и рогу он работает при помощи бормашины, предназначенной именно для этого ремесла. Сюжеты своих скульптур он выбирает или придумывает сам. В своих изделиях применяет орнаментальные мотивы хантов, коми, ненцев, селькупов, всех, кто проживает на севере Ямала. Основные его изделия: мелкая скульптура, медальоны, украшения для поясов охотников и оленеводов. В качестве материала он использует кости оленя, лося, мамонта. Лосиные и оленьи рога опадают раз в год и их используют в разных целях, в том числе и для различных поделок.

Анатолию Сотруеву очень нравятся произведения хантыйского писателя Романа Ругина. Например, по его произведению «Легенда о Казым най» мастер сделал скульптурку главной героини. Он использует для своего творчества и персонажи из произведений других писателей.

Традиционно костяные украшения для поясов охотников и оленеводов делали из костей простым ножом, не применяя шлифовки. При носке кость шлифовалась о меховую одежду и пояс приобретал красивую форму.

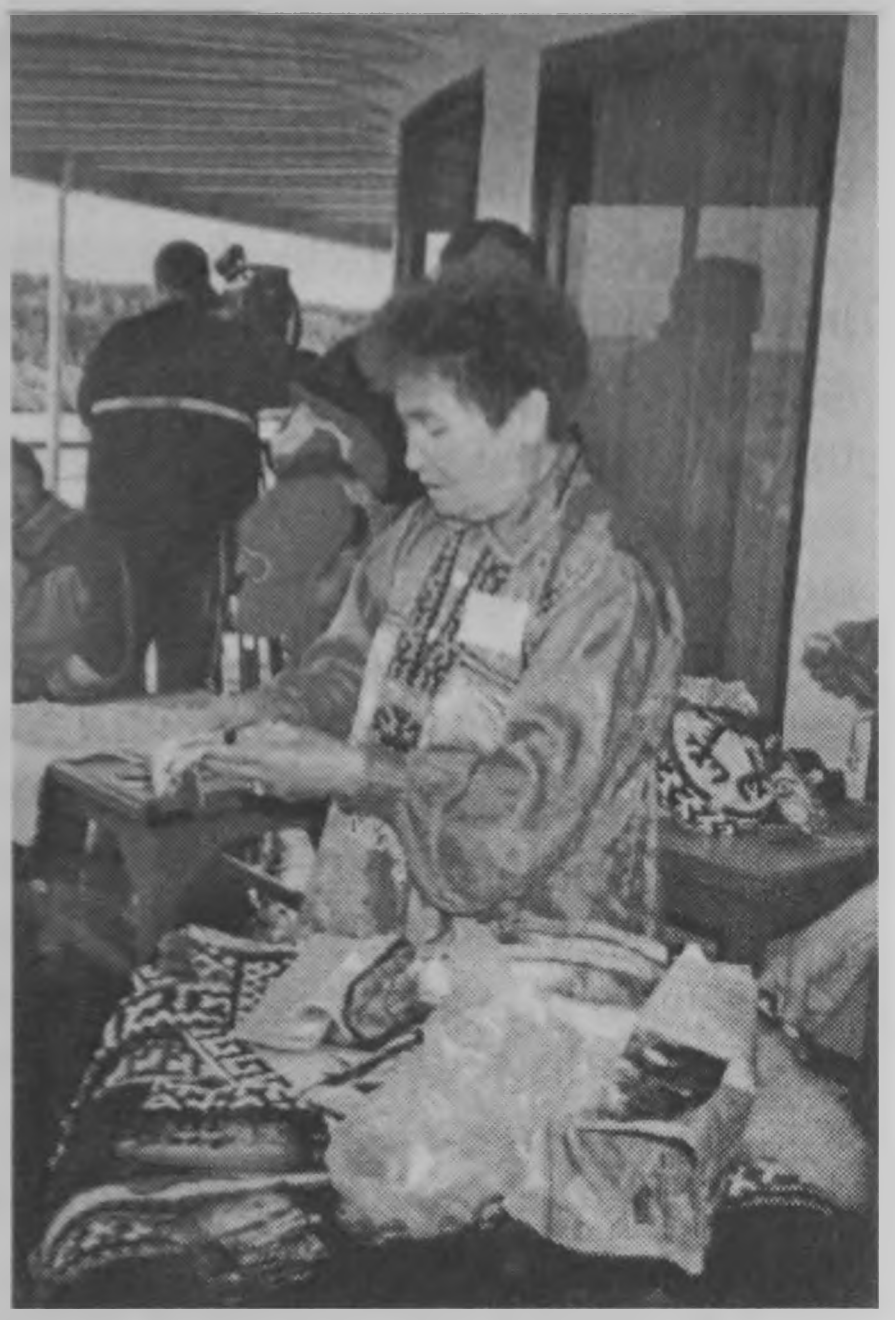
А. Сотруев опытный мастер. В своих произведениях-скульптурах, панно из дерева и кости он передает красоту и богатство своего родного северного края, традиционной и духовной культуры народов, проживающих на Ямале.

После обеда на II палубе Мария Манкевич (г. Ханты-Мансийск) проводила первое занятие мастер-класса «Выделка рыбьей кожи» – изготовление сумочки. Как известно, у северных народов, связанных с рыболовством, в быту использовалась рыбья кожа. В основном эта рыба с гладкой кожей без чешуи. Из нее в прошлом изготавливали обувь, сумочки. Обувь и сумочки были водонепроницаемыми.

У каждой рыбы своя фактура и цвет. Обработке подвергалась кожа налима, горбуши, щуки. У некоторых групп хантов и манси женщинам не разрешалось прикасаться к щуке, поэтому использовали шкуры других рыб.

Для того чтобы шкура у рыбы легко снималась, ее предварительно замораживали. Перед разделкой рыба должна немного подтаять, тог-

да шкуру легче снимать. На рыбьей тушке делали надрезы вокруг головы и вдоль живота до хвоста. Шкуру осторожно снимали, начиная от головы, вместе с хвостом. В данном случае снимали кожу с двух больших налимов. Шкура с мороженых налимов снялась достаточно быстро. Рыбьи плавники убирают. Затем кожу с внутренней стороны очистили от остатков рыбьего мяса ножом. Для удаления жира кожу промыли намыленными руками. После этого ее расстелили на доске и положили сушиться. Расстилать шкуру необходимо аккуратно, без морщин. После сушки шкурки подвергаются мягчению при помощи рук. Шкурка становится мягкой и готовой для изготовления тех или иных предметов. В частности, мастерица показала свои изделия – сумочку и пояс из рыбьей кожи. В настоящее время изделия из этого материала можно прошить на машинке, а в прошлом шили сухожилиями.

Л.И. Тимирбулатова – мастерица по изготовлению меховых изделий

Рассказ о рыбьей коже дополнили Л.И. Тимирбулатова, О.И. Щербакова. В прошлом из рыбьей кожи шили мешочки для пороха, потому что кожа не намокала. Раньше рыбью кожу не обезжиривали, так как тонкая шкурка быстро приходит в негодность, ломается. Традиционно после чистки свежей рыбы ее сушили ножом. Затем заворачивали в мох, чтобы после сушки она стала немного влажной. После этого шкурку обсыпали сосновой трухой, которую предварительно хорошо сушили и измельчали. Шкурку обсыпали с двух сторон, чтобы впитывался лишний жир, и затем ее стряхивали. Таким образом шкурка была готова для пошива утилитарных вещей.

Также в этот день проходили мастер-классы: «Соломка» (А.Б. Кошкина, пос. Юганская Обь); «Резьба по кости» (А.Б. Сотруев), «Резьба по дереву» (А.Б. Березин, А.Н. Антошкин).

21 июня 2004 года

После завтрака была зеленая стоянка в пос. Нарым Томской области. Участники фестиваля посетили Нарымский музей политической ссылки, состоящий из экспозиции ссылок и ссыльных в Нарымском крае; крестьянского дома, где был в ссылке И. Сталин; отдельных жилых и хозяйственных построек хантов, селькупов, эвенков. В экспозиции о ссылках дается история возникновения Нарыма, которому уже более 400 лет. В прошлом поселок считался городом, но впоследствии потерял свой статус, превратившись в поселок. Из-за стихийного возникновения одной из проток реки Оби затонули две улицы и церковь Нарыма.

В музее демонстрируются археологические предметы, которые были найдены во время раскопок около поселка. Традиционно здесь проживали ханты, селькупы, эвенки, имевшие культуры, тесно связанные с природой.

В экспозиции подробно рассказывается о знаменитых ссыльных, сосланных в Нарым: декабристах, поляках, участвовавших в польских восстаниях, политических ссыльных.

В Нарым был сослан Сталин, где он пробыл с 22 июля по 1 сентября 1913 года. Его поселили в крестьянский дом Алексеевых. Дом нахо-

А.А. Волдина работает с берестой

дится на территории музея, который сохраняется со всеми предметами интерьера. В Нарымском крае в ссылке были Куйбышев, Рыков, Свердлов.

На территории музея находятся реконструированные жилые и хозяйственные постройки и объекты коренного населения края. Например, полуземлянка – жилое помещение, амбар для хранения продуктов на 4-х деревянных столбах, погребок, печь для выпечки хлеба, которая устанавливается на открытом пространстве, характерная для хантов. Печь такого типа – уникальное явление культуры, возможно, возникшее у этих этносов под влиянием культуры азиатских народов.

После обеда состоялись мастер-классы «Казымская береста» (А. Волдина, В. Белявский), показавшие как изготавливается из бересты традиционная хантыйская утварь. Мастер-класс «Гончарное ремесло» (Чути Тибор, Венгрия) проходил на верхней палубе теплохода. Мастер показал технику изготовления утвари из глины.

М. Манкевич провела мастер-класс «Выделка рыбьей кожи», где участники фестиваля учились мягчению кожи. Также прошли мастер-классы «Резьба по кости» (А.П. Сотруев) и «Резьба по дереву» (А.Б. Березин, А.Н. Антошкин).

Уникальными по технике и орнаментации являются хантыйские и мансийские изделия из бересты различного назначения. Береста экологичный, прочный и в то же время эластичный материал. В традиционном быту она очень широко применялась для изготовления посуды, шкатулок, коробов, детских люлек, для покрытия чумов. Бересту использовали как свежую, так и сухую. Сухая береста предварительно замачивалась в горячей воде, а для покрытия чумов она варилась в котлах большими свертками. После варки она уже не становилась жесткой. Также из такой бересты делали «коврики» для чума. Бересту собирали в конце мая – начале июня, тогда она была светлого цвета. Если же ее брали в августе, то она приобретала темно-коричневый цвет.

Мастерица Агафья Александровна Волдина владеет искусством шитья бурок, обработки меха и кожи, бисероплетения, аппликации по ткани, а также делает традиционные берестяные изделия. Она показала и рассказала об основных приемах изготовления берестяных изделий. Свежую или вымоченную бересту очищают ножом от верхнего белого слоя. Обычно берестяная утварь богато орнаментируется. Это делается уже на берестяных заготовках, которые вырезаются ножом. Обычно для изделия вырезается квадрат, и на нем при помощи ножа наносятся узоры. Орнаментируется и специальная берестя-

ная полоса, которая пришивается к изделию снаружи для придания ему большей устойчивости. Орнаментированный квадрат загибается по углам и сшивается капроновой нитью (в прошлом сухожилиями оленя). Сухожилие – очень прочная «нить», обработанная специальным способом. После того как загнули и зашили углы будущего изделия, к наружной и внутренней стороне пришивается полоска из черемухового прута. Черемуховый свежий прут разрезался на две половинки, на которых при помощи ножа наносился несложный узор в виде чередующихся треугольников, полосок, получалось чередование узоров. Таким образом к краю изделия пришивалась дополнительно берестяная полоса, и край с двух сторон укреплялся черемуховыми полосками. Орнаментированными полосками черемухового прута украшали также детские люльки. Черемуховый прут не обязательно орнаментировать, в берестяных изделиях небольшой величины используется просто очищенный прут. Если не было черемухи, то использовались прутья рябины. Технология изготовления берестяного изделия зависела от назначения, размеров.

Агафья Александровна мастерица на все руки – и шьет, и вяжет. Родилась она в 1934 году в д. Моим Белоярского района и всем традиционным рукоделиям научилась у своих родителей. В семье была пятым ребенком, старшие братья ушли на войну и не вернулись. Она из поколения тех людей, которые видели все: и холод, и голод. В детстве ей приходилось голодать. Один раз, будучи еще девочкой, она нашла у матери кусочки оленьего меха, сшила из них бурки и принесла в магазин для продажи, чтобы купить хлеб.

Когда были олени, то из шкур она шила зимние кисы, бурки. У нее были выкройки этой обуви для разных размеров. Подошва зимней обуви шилась из лосиной кожи, так как была более прочная. Во время политики неперспективных деревень жители д. Моим были переселены в д. Большой Атлым. Она работала техслужащей в интернате. Вечерами занималась любимым рукоделием, поэтому ее пригласили руководителем кружка народного творчества. Так, в 70-е годы она обучала детей традиционным видам прикладного искусства: аппликации на ткани, изготовлению меховых изделий, бисероплетению, поделкам из бересты.

Агафья Александровна шила также и национальную хантыйскую одежду. Например, халаты – сак. Верхнюю одежду старалась побогаче орнаментировать разноцветными полосками из ткани. У некото-

рых женщин на саках было нашито до 50 полосок. Агафья Александровна в настоящее время на пенсии, но продолжат заниматься любимым делом. По ее стопам пошла дочь Галина. Она занимается бисером, аппликацией (ткань по ткани), недавно занялась берестой. Галина Семеновна всегда советуется с матерью, если что-то не получается. Она работает в центре ремесел пос. Октябрьский.

Галина Волдина делает сувениры, разрабатывает методические работы. Так, ею созданы методические плакаты по раскрою и шитью чирков, хантыйских платьев.

По стопам бабушки и матери пошел сын Т.С. Волдиной, девятилетний Илья. Он занимался берестой, а теперь довольно ловко делает щеповые игрушки из сосны, в основном оленей и собак. Щеповая игрушка традиционно делалась для детей. Для создания такой игрушки необходимо мастерство. В семье Волдиных растет будущий мастер прикладного искусства хантов, получивший знания у бабушки и матери.

22 июня 2004 года

С 10 до 13 часов в салоне II палубы состоялся мастер-класс «Венгерская вышивка». Проводила его Кочишнэ Косоруш Аника (Венгрия). Мастер рассказала о способах традиционной двухсторонней венгерской вышивки и продемонстрировала основные технологические приемы. Она также показала, как делается из текстиля венгерская кукла.

Венгерская делегация состояла из 6 человек, двое из них работники культуры, четверо – мастера прикладного искусства.

Мольнарне Рапоша Ирэн работает в дирекции музеев области Зала в г. Залаэгерсеге. Она много времени уделяла строительству финно-угорского этнографического парка. Идея строительства парка возникла в 1978 году, и она постепенно реализовалась. Вначале были построены хантыйское и мансийское стойбища, затем усадьбы финнов и марийцев. Предполагается постройка усадеб других финно-угорских народов.

Ирэн принимает участие в этом фестивале второй раз.

Ева Шкрабут – возглавляет союз ремесленников области Зала и является директором Дома ремесел им. Гёнца. Она руководит этим Домом, устраивает выставки, ярмарки, курсы повышения квалификации, летние лагеря, пленэры.

А. Кочишне – за вышиванием

Чути Тибор – молодой мастер-гончар, учился этому ремеслу в Доме ремесел. Он является частником-предпринимателем. У него заключен договор с Домом ремесел об аренде гончарной мастерской, где делает свои изделия. Он ведет занятия по обучению этому искусству детей.

Надь Бела – мастер резьбы по дереву, по кожаным изделиям. Мастер делает качественные кожаные изделия: ремни, сумки, ножны, футляры для пороха. Сам приобретает кожу, на обработку время не тратит, а пользуется уже готовым материалом. Фактура, цвет кожаного сырья может быть различной. Все зависит от выделки. Техника плетения кожаных изделий очень разнообразна, существует свыше 50 видов. Он использует телячью, оленью, заячью кожу. Заячья используется для украшения кожаного изделия, включается как «инкрустация». В Венгрии очень развито искусство создания пастушьих аксессуаров: кнуты, ремни, сумки, ножны, особая одежда, конская сбруя, утварь и др. Надь Бела также делает из дерева различную утварь, палки и др., использует различные породы деревьев в зависимости от изделия. Он также обучает этому искусству детей.

Ференц Такач работает в Доме ремесел как технический сотруд-

ник, а также является квалифицированным поваром по приготовлению венгерских блюд. 10 лет занимается соломкой и резьбой по дереву. Он использует пшеничную или ржаную солому в недозрелом состоянии. Мастер делает из соломки игрушки, украшения, подставки под яйцо и др. Также он создает обрядовые соломенные венки. Традиционно венки делали после уборки урожая зерновых наемные работники и дарили нанимателю в знак завершения работы. Хозяин приглашал их к застолью и благодарил за уборку урожая. В настоящее время такой венок – произведение искусства.

После обеда, с 14 до 16 часов, мастер-класс «Традиционные игрушки и куклы» провела О.И. Щербакова, которая в 2003 году завоевала в ХМАО звание «Мастер года» за коллекцию традиционных кукол хантов «Нёрым ях». Ольга Ивановна много лет проработала медсестрой в больнице и вышла на заслуженный отдых, но отдыхать не пришлось. Ее пригласили в Сургутский музей реставратором. Вот здесь-то и раскрылся ее талант. Сотрудники музея попросили ее сделать коллекцию этнографических кукол, в которые она играла в детстве. И прав тот, кто сказал, что мы все родом из детства. Ольга Ивановна вложила в создание своей коллекции душу и детские воспоминания. Куклы, сделанные ее руками, раскрывают особенности обычаев и традиций, костюма данной группы хантов.

На мастер-классе О.И. Щербакова показала особенности тех или иных типов кукол и как они создаются. Даже от того, как завязан платок на кукле, можно понять, какая это кукла – младенец, девочка, молодая девушка, женщина, старушка. Участники ее мастер-класса научились делать куклу из текстиля, куклу из сосновой шишки, шить наряды для кукол, так как каждая кукла должна иметь свой гардероб и хозяйство. Мастерица очень интересно рассказала об особенностях своих кукол.

В этот же день состоялись мастер-классы «Изготовление кукол» Е.В. Шевелевой и «Аппликация по ткани» М.В. Ситниковой.

Вечером состоялся спектакль «Про то, как не было детей», по сказке хантов рода «Нёрым ях», на хантыйском языке с использованием коллекции кукол О.И. Щербаковой. В спектакле также играли в национальных костюмах участники фестиваля. Спектакль получился очень интересным, так как в нем показывали свое мастерство самодеятельные актеры, использовались игрушки, прозвучали хантыйские песни. После спектакля состоялся концерт, где при-

нимали участие мастера. Были исполнены хантыйские и мансийские песни, танцы. Ф.С. Бондаренко и В.С. Покачева показали фрагменты ритуалов «Медвежьего праздника». Интересным было исполнение О.И. Щербаковой традиционной песни хантов особым способом – горловым пением. Яна Глазунова выступила с «танцем огня» в современной обработке. В заключение концерта была проведена небольшая демонстрация национальных хантыйских и мансийских костюмов «Ханты-мода» с комментариями О.И. Щербаковой. Свои песни спели и венгры, также исполнили танец чардаш. Этим же вечером состоялось чествование именинниц – Л.В. Веткиной, Е.Н. Трегубовой, Евы Шкрабут. Члены фестиваля и организаторы очень тепло поблагодарили за участие в фестивале мастеров, которые оставались в г. Сургуте.

23 июня 2004 года

Стоянка недалеко от деревни Лямино Сургутского района. Дети из этой деревни посетили наш теплоход и посмотрели, как проходят мастер-классы. В Лямино построен современный центр культуры, где много кружков не только для досуга, но и развития детского творчества.

В салоне II палубы мастер-класс «Традиционные технологии работы с бисером» проводила Г.С. Волдина, «Резьба по дереву» – А. Антошкин.

После обеда прошел мастер-класс «Зырянская кукла» В.Б. Белявского. Мастер показал, как делать традиционную куклу коми-зырян, а венгерский мастер Бела Надь провел мастер-класс «Работа с кожей».

Вечером состоялся дружеский вечер, посвященный закрытию фестиваля.

Программа III Международного фестиваля финно-угорских народов «Югра–2004» была очень насыщенной и интересной. В процессе фестиваля мастер-классы проводились по различным видам прикладного искусства: ткачество текстиля на ткацком станке, поясов разнообразными способами, гобеленов; традиционные виды вышивок хантов, манси, марийцев, венгров; лоскутное шитье (печворк); изготовление хантыйских, мансийских, коми-зырянских, вепсской, венгерской, русской кукол; традиционное и современное бисероплетение; аппликация на тканях; обработка кожи (ровдуги) хантов и манси; изготов-

ление кожаных изделий у венгров; обработка рыбьей кожи и изготовление утилитарных вещей; резьба по дереву; косторезное ремесло; технология создания сувениров из соломки; гончарное ремесло венгров.

Мастер-классы вели опытные мастера. Многие из них владели сразу несколькими видами ремесел. Участники фестиваля с удовольствием перенимали навыки работы в той или иной области прикладного искусства. Живое общение мастеров, обмен опытом между собой – одна из главных задач фестиваля. Отрадно, что прикладное искусство финно-угорских народов продолжает развиваться в этот сложный экономический период.

Участники фестиваля в конце мероприятия получили анкету с вопросами: Чему Вы как мастер научили участников фестиваля? Какие навыки Вы приобрели во время фестиваля? Ваши предложения по проведению будущих фестивалей.

Как показали ответы, мастера постарались передать свое мастерство своим многочисленным ученикам. Однако, как отметило большинство мастеров, учеников не должно быть много, это только усложняет усвоение материала. Все ученики фестиваля старались обучиться нескольким видам ремесла, усвоить технологические приемы. Без внимания не осталось ни одно ремесло.

Всегда было много желающих научиться тому или иному ремеслу, осмыслить основные приемы.

В нескольких анкетах отмечалось и мастерство актеров театра «Теремок», которые дали участникам фестиваля первые навыки сценического искусства и радовали своими выступлениями.

По поводу проведения фестиваля многими высказана благодарность в адрес организаторов и предложения по поводу проведения будущих фестивалей. Участники этого мероприятия высказывались за привлечение новых народных мастеров из глубинки; за расширение круга приглашаемых мастеров из других финно-угорских регионов России и зарубежья (Финляндия, Эстония); за знакомство с жизнью и бытом коренных народов севера – хантов, манси, ненцев и др.

24 июня теплоход «Римский-Корсаков» с участниками III Международного фестиваля ремесел финно-угорских народов «Югра–2004» прибыл в Ханты-Мансийск и торжественно завершил свою работу.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Загребин – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и региональной истории Удмуртского государственного университета

Кузнецова Татьяна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы, истории Коми НЦ УрО РАН

Калиев Юрий – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Бирского государственного пединститута

Сибатрова Серафима – кандидат филологических наук, зав. отделом марийского языка МарНИИЯЛИ

Казанцева Инна – преподаватель кафедры иностранных языков Марийского государственного пединститута

Свечников Сергей – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Иванова Ираида – преподаватель кафедры иностранных языков Марийского государственного пединститута

Васинкин Аркадий – кандидат филологических наук, зав. отделом литературы и фольклора МарНИИЯЛИ

Голдина Римма – доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета

Шеда-Зорина Ирина – аспирантка Удмуртского НИИ истории, языка, литературы УрО РАН

Галкин Иван – доктор филологических наук, профессор

Сепеев Геннадий – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Ялтаев Иван – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой региональной истории МарГУ

Никитин Валерий – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии МарНИИЯЛИ

Ефремова Диана – научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Коротаев Владимир – доктор исторических наук, профессор Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Максимов Валерий – кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка МарГУ

Кудрявцев Владимир – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела искусств МарНИИЯЛИ

Молотова Тамара – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

CONTENTS

Articles

Zagrebin A. The Udmurt hunting: to the problem of idea and technology transformation 3
Kuznetsova T. Modern Komi literature: the basic tendencies of development 20
Kaliyev Y. About the peculiarities of forming of the picture «upper world» in mythological conceptions of Maris 32
Sibatrova S. Negative Pronouns and Adverbs with the morpheme ***ni-*** in the Mari Language 46

Reports

Svechnikov S. Relationships of the Maris with North-Eastern Russia and Gold Horda (in the middle of the XIII- beginning of the XV centuries) 60
Kazantseva I. Structural and semantical characteristic feature of figurative comparative constructions of the Mari and German languages 73
Ivanova I. Semantical meanings and functioning of synonymic word-combinations with postpositional constructions and nouns in the forms of the case of space in the Mari language 81
Sheda-Zorina I. Udmurt diaspora in the border of the XX–XXI centuries: mechanisms of adaptation and opposition 88
Vasinkin A. F. Vasilyev's two letters to V. Kolumb 94

Personalities

Galkin I. Person and scientist (to the professor N.T. Pengitov's 90th anniversary) 100
Sepeyev G., Yaltayev I. Patrushev Anatoli Stepanovich (to the 70th anniversary) 104
Nikitin V., Yefremova D. Tatyana Bagishevna Nikitina. Thirty years in science (to the 50th anniversary) 121
Goldina R.D. To the anniversary of M.G. Atamanov 127

Surveys and reviews

Korotayev V. Rev: History of Komi from ancient time to the end of the XX century. Syktyvkar: Komi book publishing house, 2004, V. 1–560 p.; V. 2 – 704 p. 134
Yaltayev I., Maksimov V. Rev: O.A. Sergeyev. From the history of home Lexicography. Dictionary of the Cheremis language with Russian translation. Yoshkar-Ola, 2003 137
Kudryavtsev B. Rev: S.M. Chervonnaya. Academy of Arts and regions of Russia. M.: Scientific-Research Institute of Russian Academy of Arts, 2004. – 228 p. 139

Chronicle

Molotova T. The Dairy of International Trade Festival of Finno-Ugric people. Yugra- 2004 ... 142

«Финно-угроведение», 2004, № 1

Научный журнал. Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28

Редактор *Л. К. Александрова*
Технический редактор *Т. В. Моторкина*
Корректор *Е. З. Яшмолкина*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Э. И. Пекшеевой*
Компьютерная верстка *С. М. Ильиной* и *Н. И. Васильевой*

Подписано в печать 07.05.05. Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс. Объем 11 печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № 603. Тираж 500

ГУП РМЭ «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112